

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ

Г.С. Умарова

ҚАЗАҚ СӨЗ ӨНЕРІ

КАЗАХСКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

II бөлім

Алматы, 2018

***М.Өтемісов ат. Батыс Қазақстан мемлекеттік университетінің
Ғылыми кеңесімен баспаға ұсынылған***

Пікір бергендер:

- А.С. Ісімақова** – филология ғылымдарының докторы, профессор, М.О.Әуезов ат. әдебиет және өнер институты әдебиет теориясы бөлімінің меңгерушісі
- М.Б.Сабыр** – филология ғылымдарының докторы, инновация-технологиялық университетінің профессоры
- Ғ.К.Хасанов** – филология ғылымдарының докторы, М.Өтемісов ат. Батыс Қазақстан мемлекеттік университетінің профессоры

Умарова Г.С.

У 51 Қазақ сөз өнері / Казахская словесность: Хрестоматия / Г.С.Умарова. II бөлім.
– Алматы: «Бастау», 2018. – 216 бет.

ISBN 978-601-281-264-0 (2 бөлім)

ISBN 978-601-281-263-3 (жалпы)

Хрестоматия қазақ және орыс тілдерінде көне түрік мифологиясының, қазақ фольклорының, қазақ классикалық және қазіргі заман әдебиеті шығармаларының мәтіндерінің үзінділерінен, ғылыми жұмыстардың үзінділерінен тұрады.

Екінші бөлімге Абай дәуірінен басталған қазақ әдебиетінің туындыларының мәтіндері мен Қазақстандағы өзге ұлттардың шығармалары кіреді.

Орыс филологиясы студенттеріне арналған. Аударма ісі, қазақ тілі, орыс және қазақ тілдерінің салыстырмалы грамматикасына, салыстырмалы әдебиеттану, сонымен бірге қазақ филологиясының студенттерін кәсіби орыс тілі пәніне оқыту үшін пайдаланылуына болады.

Хрестоматия представляет собой сборник отрывков из текстов произведений древне-тюркской мифологии, казахского фольклора, казахской классической и современной казахстанской литературы, фрагментов из научных исследований.

Часть 2 включает тексты произведений казахской литературы абаевского периода, писателей народов Казахстана.

Предназначена студентам русской филологии. Может быть полезна при обучении переводческому делу, сопоставительной грамматике русского и казахского языков, при изучении дисциплины «Сопоставительное литературоведение», а также по профессиональному русскому языку студентам казахской филологии.

ӘОЖ 80/81
КБЖ 81.2

ISBN 978-601-281-264-0 (2 бөлім)

ISBN 978-601-281-263-3 (жалпы)

© Умарова Г.С., 2018
© «Бастау», 2018

МАЗНҰНЫ СОДЕРЖАНИЕ

М.Әуезов	4
Абай жолы. <i>Романнан үзінді</i>	4
Путь Абая. <i>Отрывки из романа</i>	8
М.Ауэзов. Трагедия триумфатора. <i>Н.Анастасьев</i>	25
С.Мұқанов	33
Өмір мектебі. <i>Романнан үзінді</i>	33
Школа жизни. <i>Отрывки из романа</i>	41
Қазіргі қазақ әдебиетінің прозасы	
І.Есенберлин	58
Хан Кене. <i>«Көшпенділер» трилогиясынан үзінді</i>	58
Хан Кене. <i>Отрывки из трилогии «Кочевники»</i>	62
Ә.Нұрпейісов	89
Соңғы парыз. <i>Романнан үзінді</i>	89
Последний долг. <i>Отрывки из романа</i>	95
Небо в чашечке цветка. <i>Н.Анастасьев</i>	110
Р.Сейсенбаев	134
День, когда рухнул мир.....	113
М.Мағауин	113
Бір атаның балалары. <i>Бастау</i>	145
Бірінші тармақ. <i>Зигфрид Ахметұлы</i>	150
М.Мағауин.	
Дети одного отца.....	154
Истоки	155
Приток первый. <i>Зигфрид, сын Ахмета</i>	159
Д.Досжан.	
Ине ұшындағы өмір.....	163
Жизнь на кончике иглы. <i>Отрывки из повести</i>	167
Қазақстан халықтарының әдебиеті / Литература народа Казахстана	
Русская литература. Д.Снегин	177
Флами, или Очарованные собой	177
Немецкая литература. Г.Бельгер	189
Перед далью	190
Корейская литература. М.Пак	203
Пристань ангелов. <i>Отрывки из романа</i>	204

М.Әуезов
(1897-1961)

М.Әуезов «Қаракөз», «Бәйбіше-тоқал», «Қорғансыздың күні», «Аңғарымды қалыңдық», «Қаралы сұлу», «Қиын кезең», «Асудағы атыс» атты әңгімелер мен повестерді ХХ ғасырдың 10-20 жылдары жазды. «Көксерек» – шағын повесі – Әуезов шығармашылығының інжу-маржаны. Жазушы «Абай» романының бірінші кітабын 1942 жылы, екінші кітабын 1947 жылы аяқтап, «Абай жолы» деп роман-эпопея шығарады.

М.Ауэзовым в 10-20-е годы ХХ века созданы рассказы и повести «Каракоз», «Байбише-тоқал», «Судьба беззащитной», «Разборчивая невеста», «Красавица в трауре», «Лихая година», «Выстрел на перевале».

Повесть «Серый Лютый» является жемчужиной творчества писателя.

Роман-эпопея «Путь Абая» первоначально писатель написал в 1942 году, затем – второй книгой в 1947 году под названием «Абай».

Абай жолы *Романнан үзінді*

Абай әкесіне Құлыншақтың көнгенін айтса да, өкпесін айтқан жоқ. Істеп келген ісін қысқа ғана баян етіп еді.

Бөлек жерде Құнанбай Қарабастан да сұрастырған. Абайдың айтқан сөздерін түгел есітті. Қарабас Абайдың түгел мінездеріне ырза екен.

– Балаңыз сөзге ысылып қалыпты. Тіпті бір үлкен кісідей орамды жатыр. Құлыншақ екен-ау, ұтылады екем-ау! – демеді. Қалай болса да тең сөйлеседі! – деп, мақтай бастап еді.

Құнанбай «жетті, доғар!» дегендей ишарат қылды да, Қарабасты тоқтатып тастады. Осының ертеңіне Құнанбай Абайды және жұмсады. Қасына тағы сол Қарабасты қосып, енді Сүйіндікке жіберді.

Сүйіндік ауылына Абайлар ел орынға отыра келді. Өз қыстауынан айырылып, Қарауылдың бас жағын – Түйеөркеш деген жерді қыстаған Сүйіндік ауылы қазір тамда емес, киіз үйде екен. Мал-жан көп, бай ауыл осы орынды қыстауға лайықтап алғанымен, әлі жаңа қыстау сала алмай, ескілеу тар қораға сыя алмай, күннің көзі жылынысымен, киіз үйге шығыпты.

Сүйіндіктің аппақ үлкен үйі жылы екен, іші тола тірелген жүк, буулы тең мен сандықтар. Оның ар жағы екі босағаға шейін текемет, алаша, тұскіізбен қоршалыпты.

Саптама мен тиін ішікті әлі тастамаған Абай бұл үйде тоңазитын емес. Биылғы көктемде алғашқы рет киіз үйге қонғалы отырғаны осы. Мұнда бір жеңіл салқындық, кең тыныс бар. Көктемдегі киіз үй Абайға әрқашан таңсық болатын .

Үлкен үйдің ортасында ала көлеңкелеу жанған тас шам бар. Сүйіндік бәйбішесімен және екі баласы – Әділбек, Асылбекпен – бәрі де қонақтармен бірге болды. Бұл үйге, әсіресе, өзгеше көктем нұрын енгізген бір жан бар. Ол сүйіндіктің қызы – Тоғжан. Абай келгеннен бері, Тоғжан үлкен ағасы Асылбектің отауынан осы үйге бірнеше рет келіп кетті. Сылдырлаған шолпысы, әлдеқандай былдырлаған тілменен Тоғжанның келері мен кетерін паш етеді. Құлақтағы әшекей сырғасы, бастағы кәмшат бөркі, білек толған неше білезіктері – баршасы да бұл өңірден Абайдың көрмеген бір сәні сияқты. Толықша келген, аппақ жүзді, қырлы мұрын, кара көз қыздың жіп-жіңішке қасы да айдай болып қиылып тұр. Қарлығаш қанатының ұшындай үп-үшкір боп, самайға қарай тартылған қас, жүрекке шабар жендеттің жебесіндей.

Тоғжан үйдегі сөзге құлақ салып, не күліп, не қымсынса, сұлу қастары бір түйіле түсіп, бір жазылып, толқып қояды. Елбіреп барып дір еткен қанат лебіндей. Самғап ұшар жанның жеңіл әсем қанатындай. Биікке, алысқа мегзейді... Абай көпке шейін тоғжан жүзінен көзін ала алмай, телміре қарап қалды.

Қыздың көп кіріс-шығысы қонақтардың қамы екен. Аз уақытта дастарқан жайғызып, күтуші әйелге шай құйғызып, өзі әкесінің төменгі жағына отырып, шыныларды әперіп, үй ішіне қызмет көрсете бастады.

Абай Сүйіндіктен де қысылған жоқ. Бала емес, ысылған, ашық, үлкендерше сөйлейді.

Тоғжан кеп отырғаннан кейін, Сүйіндікке қарап:

– Сүйіндік аға, осы мына сіздің жердің алдындағы Қарауыл дейтін жалғыз биік не себепті Қарауыл атанды екен? – деді.

Сүйіндік:

– Кім білсін, шырағым, – дей түсіп, азы отырып: – Е, Тобықты мен Матайдың шабуылы, жаулығы қалған ба? Сондағы қуғыншы мен жортулышының бірі қойған аты – дағы. Өзі өзге таудан бөлініп айдалаға оқшау барып тұр ғой. Содан қарауылдамай, қайдан қарауылдасын! – деді.

– Сүйтіп, бұл атты Тобықты қойған дейсіз бе? Тобықты келмес бұрын сондай ат жоқ па екен?

– Қайдан болсын! Бұл өңірдегі барлық атты Тобықтының өзі қойған.

– Әй, білмеймін-ау! Бар атты өзі қойса, Шыңғыс дегені несі екен? Шыңғыс деген Тобықты бар ма?

– А, жоқ! Мынауың жаны бар сөз. Бәсе, бұ Шыңғыс деген осы үлкен алып таудың аты неге Шыңғыс атанды екен бұл? – деп, Сүйіндік өзі де ойланып қалды.

Әділбек әкесінің мүдіргенін намыс көріп:

– Шыңғыс деген сөз «шын қыс» дегеннен, қысының қаттылығынан болыпты – мыс деседі ғой! – деп еді.

Абай бұған күлді де:

– Олай болмас. Шыңғыс деген белгілі хан аты ғой, – деді.

– Бәсе, осы сөз менің де құлағыма бір тиген еді. Жадымда қалмапты. Кәне білсең, өзін айтшы, шырағым, – деп, Сүйіндік Абайды тыңдағысы келді.

Жас қонақ Шыңғыс хан жайында өзі білген, естіген әңгімелерін айтып кеп, ақырында өз көңіліндегі біраз долбарды қосып:

– Тауының «Шыңғыс» , биігінің «хан» аталғаны содан. Және сонау бір бөлек тауы «Орда» аталғаны да сол Шыңғысханның мекен еткен қонысы екенін паш етеді. Қарауыл демек те сол кезден қалған ат емес пе екен? – деп тоқтады.

Сүйіндік Абай сөзін қатты ықыласпен тыңдады. Алдындағы шайы ішілмей, шайы суып қап еді. Тоғжан әкесінің соншалық тыңдағанын енді байқады. Ол Абайға таңдана қарап, бірталайға дейін көз алмады...

Үй іші Абай айтқан жаңалықтарды қызыға тыңдап, көңілденіп қап еді. Асылбек, Қарабастар:

– Қисынды – ақ екен! – десті.

Шыңғысты былай қойып, тақ осы Сүйіндік қыстауы Түйеөркештің қасында тұрған «Хан» биігін, онан соң Мамай қыстайтын анау «Орда» деген таудың бәрінде шешті. Соны осы күнге шейін неліктен аталғанын білмей жүру мұндағы үлкеннің бәріне енді ғана орасан көрініп еді.

Сүйіндік Абайдың шынысын өзі әперіп:

– Жеп іш, Абай! – деп, енді қонағының алдына жент пен майды да, бауырсақты да молырақ ысырып қойды. Әкесінің жас қонаққа жасаған осындай бейілін де Тоғжан сезіп отыр.

Білер мезгіл Абай өзіне қараған тоғжанның әдемі қара көзін байқады.

Солғын қарау емес, Абайды анықтап, түстеп, барлай қараған сияқты.

Абайдың да әйелге анықтап қызыға қараған жолы осы сияқты. Тоғжан ұзағырақ қадалып, көз алмай отырып, ақырын қызғылт тартқандай болды да, көзін тайдырды.

– Көп жасаған білмейді, көп тоқыған біледі. Осылайша ұққаның , тоқығаның жақсы, балам! – деп, Сүйіндік бір тоқтады. Абай осы сөзге жалғастырып:

– Өзіңіздей кісіден есіткен сөздер ғой, Сүйіндік аға! – деп аз отырып, – рұқсат етсеңіз, осы өзіңіз айтқан кейбір сөздерді аузыңыздан ұғайын деп ем! – деп, Сүйіндікке қарады. Тұрпайы емес, сыпайы бастап, орамды келді. Сүйіндік:

– Е, сұра, айт, балам! Не сұрамақ ең? – дегенде:

– Ендеше, осы жаңағы кіші Орданың тұсында Көжекбай, Құлжабайдың жер дауына билік айтқан екенсіз. Сонда: «Мен қойдың бөлігін бөлмеймін, құдайдың бөлігін бөлемін!» депсіз. Осының мағынасы қалай? Соны сұрайын деп ем! – деді.

Бұл сұраққа Қарабас, Әділбек, Асылбек те күліп жіберді. Тегі Абайдан басқаларына жөні мәлім болу керек. Сүйіндік Абай сұрағына аз тіксініп, қалта қарап, ойланып қап еді.

– Шырағым, бұл сөзді әкеңнен ұғынсаң етті.

– Менің әкем баламен ашылып сөйлей бермейді ғой. Білесіз ғой.

– Бертінде Жамантайдың баласы Көжекбай өзінің Құлжабай деген кедей ағайынымен жерге таласты. Мырза: «Соған билік айт, жер бөлігін айырып бер» деп, мені апарды. Мен екі жағының сөздерін ұғынып, өз көңілімше әділдігін топшыладым да, «Бөлік былай болсын» деп жүріп отырдым. Сенің әкең өзі де бас – қасында. Арт жағымда Көжекбайлармен бірге келе жатыр. Мен бөлікті өз көңіліме сыйған әділетпен бөлмекпін.

Байқаймын, жүрісім Көжекбайға жақпайды. Тыжырынып, жарыла жаздап келеді. Аздан соң мырзаға сыбырлап, жалпылдап айта бастады. Әкең сенің Көжекбайды құп көрді білем, арт жағымнан саңқ етіп дауыстап: «Уай, алапес! Сен қалай жүріп барасың?» дегені. Мен екі жағына тең би емеспін бе? Ыза боп кетіп: «Уай, тәңір, қойдың бөлігін бөліп келе жатқан жоқпын, құдайдың бөлігін бөлемін» дедім, – деп тоқтап қалды.

– Я, сонан соң не болды? – деп Абай ар жағын тағы айтқызбақ еді.

– Арғысың қайтесің, сол, шырағым? Кетті ғой әйтеуір, қым – қуыт, шым – шуыт боп! – деп, Сүйіндік қолын бірақ сілтеді де, айтпай қойды.

Абай қып – қызыл боп кетіп, шұғыл ойланып отырып қалды. Шамға қарап қадалып қалған көздерінде сол шам отындай үлкен қызғылт, алыс от маздап тұрғандай. Тоғжан қонақтың мына пішініне енді жай ғана емес, тамашалап, қызығып қарады.

Сүйіндік үйінде Абайдың үндемей қалғанына ішінен күліп отырған кісі де бар. Ол Сүйіндіктің кіші баласы – Әділбек. Асылбектей емес, ол о жар, тоң мінезді болатын. Енді Абайдың аңырып, дағдарып қалған пішініне қарап, өз ішінен:

«Ал тілегенің сол болса, қарық бол!» – деп, жымыып отыр.

Бірақ Абай қатты ойланып қалғанмен, жасыған жоқ. Аздан соң және өзі бастап, екінші бір әңгімені сұрады. Онысы Сүйіндіктің тағы бір сөзі.

Өскембайға ас берген тұста айтқан сөзі еді. Сүйіндік оны да айтпак болды.

– Мырза өз әкесі Өсекеңе ас берем деп, Көкшетауға сауын айтып, қалың елді жиды ғой. Тобықтының оджан үлкен асы болған жоқ. Естіген шығарсың?

– Естіп едім. Оған сіз де бардыңыз ба?

– Әкеңмен ол кезде қырбай едім! Бармадым. Бірақ Айдос, Жігітектен, тіпті, анау Мамай, Жуантаяқтан да ел қалған жоқ. Жұрттың бәрі көшіп, сонау Көкшетауға барып, ұлы дүбір мереке жасады ғой. Сонда Бөжей мен Майбасар келіспей қапты. Майбасар старшын. Жуантаяқтың бір ұрылары Наймандағы Бөжейдің нағашыларына барып, көп жылқысын әкеп, қырып тастапты. Соның қуғыншысы келіп, Бөжейге: «Есемді әпер!» дейді. Бөжей Майбасарға асылады. «Ақылдастыр, малын әпер!» – дейді. Соған Майбасар: «Сандалып, не айтып жүрсің?» – деп, ренжітіп тастайды. Бөжей өкпесінің басы осы еді ғой. «Ажарым өтпейтін болса, шашбауыңды неге көтердім?» – деп, өкпелеп қалады. Сүйтеді де, ас тарқамай көшіп кетеді. Бұған еріп Жігітек, Байшора, Жуантаяқтан да кеткендер болды. Осы орайда мен үйде жатып, бір-екі ауыз сөз айтып ем, қадағалап отырғаның солғой.

Мухтар Ауэзов

Путь Абая

Роман

Книга первая

Часть первая

Отрывок

Между Большой юртой, к которой подъехали всадники, и Гостиной юртой их уже ожидала большая толпа. Подошли многочисленные невестки и женщины соседних юрт, несколько старух и стариков, копошившихся поблизости; промчались со всех ног мальчишки. С разных концов аула приближались мужчины.

Абай жадно вглядывался в толпу, не заметив даже, что опередил обоих спутников. Едва он спешился, коня его кто-то увел. В многолюдной толпе мальчик сразу увидел родную мать. Он бросился к ней, но Улжан остановила его:

– Э, свет мой, сынок, посмотри – вон стоит твой отец! Сперва отдай салем ему!

Абай быстро оглянулся и только теперь заметил отца. Кунанбай стоял с несколькими стариками поодаль, позади Гостиной юрты. Смущенный

своей оплошностью, мальчик пошел к отцу. Байтас и Жумабай, спешившись и ведя коней в поводу, тоже шли к Кунанбаю. Высокий, крепкий, с седеющей бородой, Кунанбай даже не удостоил их взглядом своего единственного глаза, странно сверкавшего на бледном, словно застывшем лице. С другой стороны аула к нему приближались несколько всадников, тучных, богато одетых, на хороших конях. Насколько можно было судить, все это были старейшины. Кунанбай, видимо, ожидал их – он напряженно смотрел на подъезжающих.

Байтас и Жумабай еще подходили, когда Абай был уже возле отца. Кунанбай повернул голову, принял приветствие, но не двинулся с места. Он только окинул Абая быстрым взглядом и сказал:

– Ты вырос и возмужал. Выросли ли твои знания, как ты сам?

Насмешка это или сомнения? Действительно ли отец хочет знать о нем?.. С самых ранних лет мальчик привык следить за движениями бровей отца, – так опытный пастух следит за облаками в год джута, – и за эту наблюдательность отец ценил его больше остальных детей. Сейчас было понятно, что Кунанбай думает совсем не о сыне, а о приближающихся всадниках. Но Абай знал и то, что отец не выносит, когда не отвечают на его вопрос, и поэтому сказал сдержанно, но с достоинством:

– Слава богу, отец, – и, помолчав, добавил: – Занятия еще не кончились, но вы прислали за мной, хазрет благословил, и я вернулся домой.

Возле отца стоял со своим слугой Майсабар – младший брат Кунанбая, сын одной из четырех младших жен Кунанбаева отца. Став в этом году ага-султаном, Кунанбай поставил Майсабара волостным управителем Тобыкты.

Довольный ответом Абая, Майсабар было начал:

– Он уже совсем взрослый стал...

Но Кунанбай прервал его, коротко сказав:

– Ступай, сынок, поздоровайся с матерями!

Абай только этого и ждал. И когда он повернулся к женщинам, которые, негромко переговариваясь, ревниво следили за ним, лицо его снова приняло жизнерадостное мальчишеское выражение. С детской торопливостью Абай бросился к матери, но кто-то схватил его, обнял и тотчас на него посыпались поцелуи множества пожилых женщин и мужчин. Значит, он для них все еще ребенок?.. Мальчик даже покраснел от смущения, не зная, как быть: то ли сердиться, то ли радостно отвечать на ласку? У некоторых старух на глазах были слезы.

Вырвавшись наконец из объятий, Абай направился к матери. Родная его мать, Улжан, и третья жена Кунанбая, красавица Айгыз, стояли рядом. Айгыз сказала:

– Ну вот, всякие грязнули заслюнявили все лицо нашему мальчику, и поцеловать некуда! – И она с высокомерной усмешкой поцеловала Абая в глаза.

Когда наконец он прильнул к родной матери, та не поцеловала его: она только крепко обняла и прижала сына к груди, жадно вдыхая запах его волос. Невозмутимая сдержанность и хладнокровие отца уже давно передались матери, мальчик знал это и не ждал большего. Но в этом молчаливом объятии он почувствовал такую теплоту и любовь, что сердце сильно-сильно забилося в груди...

Улжан не стала долго задерживать его.

– Подойди к бабушке, – сказала она и повернула мальчика к двери Большой юрты

Старая Зере, опираясь на палку, уже ворчала на Абая.

– Негодный, не прибежал ко мне сразу! К отцу пошел, негодный! – бормотала она. Но едва внук оказался в ее объятиях, упреки сменились самыми нежными, самыми ласковыми словами. – Светик мой, ягненок маленький, Абай, сердечко мое! – говорила бабушка, и прозрачные крупные слезы навернулись на ее глаза.

В юрту Абай так и вошел в объятиях старушки. Он просидел здесь долго. Уже совсем стемнело. Матери потчевали его то кумысом, то холодным мясом, то чаем, но Абаю было не до еды, – он не чувствовал голода, хотя не ел с самого утра.

Обе матери и невестки наперебой засыпали мальчика вопросами:

– Окончил учење?

– На муллу уже выучился?

– А по ком больше скучал?

Абай на все давал односложные ответы. Но последний вопрос заставил его встрепенуться.

– Где Оспан? Куда он ушел? – спросилон с такой поспешностью, которая сразу показала, что больше он соскучился по младшему братишке, шалуну Оспану.

– А кто его знает! Бродит где-нибудь, бездельник. Он сегодня всех нас вывел из терпения, вот мы с бабушкой и выгнали его, – Улжан кивнула в сторону Зере.

Старушка поняла, что говорили о ней, и спросила:

– А? Что вы сказали? Не слышу, что вы говорите...

Абай громко, в самое ухо, рассказал ей, о чем шел разговор, и добавил:

– Бабушка, в прошлом году ты была совсем не такая. Что у тебя с ушами?

И он обнял Зере, прижавшись к ее коленям. Она расслышала его слова.

– Что осталось от твоей бабушки, светик мой? Одни кости! – печально ответила она.

Абаю стало жаль старушку, обреченную на тягостное одиночество среди людей.

– А можно вылечить твои уши? Если бы попробовать?

И Зере и все кругом рассмеялись, но, чтобы не огорчить мальчика, старуха ответила с улыбкой:

– Если мулла подует с молитвой, бывает, что начинают слышать. Это помогает.

– Ну, что ж, – сказала Айгыз, усмехнувшись, – внук твой уже мулла, пусть подует, раз это помогает!

Но остальные женщины повторили серьезно, будто в самом деле надеялись на знания Абая:

– Пусть подует ей в уши! Бедной старухе хоть на душе легче станет. . .

Абай знал, что такой способ лечения, и обливание больного места краской, смытой со священных писем, и чтение над ними молитвы и песнопений – обычные приемы каждого муллы, ничем не отличающиеся от действий простой ворожеи. Он сидел, улыбаясь, точно подсмеиваясь над положением, в которые попал, потом вдруг обнял голову бабушки, забормотал ей в ухо то шепотом, то вполголоса:

Прелестен лик, в очах алмаз горит,
Заре подобен цвет ее ланит,
На гибкой шее белый снег лежит,
А брови тонкие начертаны творцом. . .

Сидевшие в юрте ничего не разобрали. Все решили, что он читает молитву. Поджав под себя ноги, мальчик с серьезным видом продолжал бормотать, как заправский мулла.

Но почему в минуты редких встреч
Тебя всего пронзает острый меч,
Твой слепнет взор, твоя немеет речь
Перед ее сияющим лицом?

Он зажмурил глаза, беззвучно пошевелил губами и дунул в ухо бабушке:

– Су-уф!

Это были его собственные стихи. Он сочинил их весной, начитавшись Навои и Фазули. Но женщины все еще не понимали, в чем дело, –

им казалось, что Абай читает молитву. Чтобы продлить это заблуждение, мальчик говорил полупрошептом и только под конец, не скрывая больше своей проделки, повысил голос. Зажмурившись и раскачиваясь, как это делаю муллы, читая Коран, он закончил нараспев:

Как пташка к югу свой стремится полет,
Так ты спешишь, прекрасная, вперед...
Не слышит бабушка – пусть с верой ждет:
Я излечу ее моим стихом!

И опять дунул:

– Су-уф!

Только теперь все поняли его шутку и рассмеялись. Поняла ее и сама бабушка. Она тихо засмеялась и, довольная, ласково похлопала внука по спине, прижавшись щекой к его лбу.

Но Абай по-прежнему оставался невозмутимо серьезным, и только в глубине его глаз притаился добродушный смешок. Обняв бабушку, он спросил:

– Ну как, лучше слышишь?

– Да, сразу стало гораздо лучше. Да будет безгранично счастье твое, – поблагодарила старушка.

Шутка мальчугана вызвала и смех и восхищение взрослых.

Его мать, Улжан, засмеялась не сразу. Она задумчиво глядела на сына. Как он вырос за этот год! Как возмужал, какая острота ума в его глазах, как не похож он на своих братьев!.. Легкая улыбка скользнула по ее губам.

– Я-то думала, сынок, что в городе тебя сделали муллой, – сказала она, – а ты, оказывается, вышел в мою родню!

Взрослые сразу поняли ее намек, и все снова рассмеялись.

– Ну, конечно, в нем течет кровь Шаншар!

– Сразу видно, что он внук Тонтекена! – наперебой заговорили вокруг.

Кто-то припомнил слова Тонтекена, сказанные перед смертью: «Стыдно уже обманывать ожидания хаджи и мулл: придется умереть – пусть зарабатывают на поминках...».

– Апа, – задумчиво заметил Абай, – уж лучше умереть как Тонтекен, чем быть знахарем и собирать подачки.

– Хорошо, если ты вправду так думаешь. Как ты вырос, мой мальчик! – промолвила мать.

В юрту вошел посыльный Майсабара, бородатый Камысбай. Едва переступив порок, он обратился к мальчику:

– Абай, голубчик, отец тебя зовет!

В юрте сразу стало тихо. Чувства, во власти которых Абай находился весь вечер, мгновенно исчезли. Он молча вышел.

В Гостиной юрте совсем не то, что в юрте матерей, даже наружный вид ее суров и холоден. Войдя, Абай отчетливо и громко отдал всем салем. Взрослые ответили ему. Народу было немного: Кунанбай, Майсабар, Жумабай и несколько старейшин племени Тобыкты – Байсал, Божей, Каратай и Суюндик. Из молодежи здесь сидел один Жиренше, двоюродный брат Байсала, всегда его сопровождавший; он дружил с Абаем, хотя был старше его.

Абай с детства знал, что если отец совещается с такими людьми, а особенно с тремя-четырьмя наиболее влиятельными старейшинами, то это означает, что затевается какое-то из ряда вон выходящее дело. До сих пор Абай никогда не принимал участия в таких советах. Сегодня в первый раз отец позвал его и сделал это, по-видимому, с умыслом.

Как только Абай сел, старики начали расспрашивать его о жизни в городе, об учебе, о здоровье. Особенно внимательным был Каратай, словоохотливый старик с хитрым лицом. Он вспомнил и других сыновей Кунанбая.

– Твой Такежан – смелый малый, – сказал он, – такой ловкий, смысленый...

– Верно вы сказали: мальчик с огоньком, – подтвердил и Байсал.

Эти похвалы и другому его сыну были явно направлены самому Кунанбаю. Но он сидел молча, не выражая никакого удовлетворения от расточаемой лестии. Вдруг, как бы наперекор всем, он проговорил, повернувшись в сторону Абая:

– Если уж чего-нибудь ждать – так ждите только от этого черномазого мальчугана!

Каратай раньше других почуял, что Кунанбай неспроста вызвал сюда мальчика и во всеуслышание похвально отозвался о нем. Повернувшись к Божею и Байсалу, он спросил с улыбкой:

– А вы слышали, что мальчик сказал во время обряда обрезания ?

Абаю не понравилось, что Каратай собирается рассказывать о его детских промахах. От смущения краска стала приливать к его лицу. Но старшего остановить нельзя. Абай старался сделать вид, будто все, о чем здесь говорят, не имеет к нему никакого отношения.

Каратай продолжал, посмеиваясь:

– Когда приступили к обряду и ему стало больно, он заплакал и сказал: «Боже мой! Почему я не родился девочкой?» А мать говорит ему: «Несмысленный мой милый, тогда тебе пришлось бы рожать, а это пострашнее обрезания!» А он как закричит: «Ойбой, и у девчонок свои муки?..» –и перестал плакать.

Старики рассмеялись.

Кунанбай опять не шелохнулся, точно ничего не слышал. Сосредоточенный вид отца и Байсала ясно показывал, что подобные разговоры поддержки не найдут. Абай этому радовался: он вовсе не жалел, чтобы, позвав его как взрослого, над ним смеялись как над неразумным малышом.

В эту минуту в юрту вбежал Оспан, младший брат Абая. Сколько раз сегодня Абай спрашивал о нем! Как хотел видеть этого озорника!

Оспан не забыл отдать салею, но тут же, не обращая внимания ни на отца, ни на других, присутствовавших здесь, старших, повис на шее Абая. Он любил его больше всех своих братьев. Между ними было пять лет разницы.

Перед взрослыми Абаю надо было вести себя достойно, как подобает старшему брату. Он степенно обнял Оспана и поцеловал в обе щеки. Старики поняли, что мальчики еще не виделись, и отнеслись снисходительно к таким вольностям. Но Оспан сейчас же начал шалить, и хорошее впечатление, вызванное его приходом, мгновенно рассеялось. На вопрос Абая, где он был, шалун сел перед ни на корточки, снова обнял его за шею, притянул к себе и прошептал на ухо грязное ругательство. Мальчишка слышал его от своего старшего брата Такежана. Вот так первая встреча с братом, о котором так скучал Абай! Он с ужасом отшатнулся от Оспана.

– Ой, что ты сказал!.. – воскликнул Абай, но Оспан не дал ему договорить и снова повис у него на шее.

– Не говори, не говори отцу! Ни за что не смей говорить, – угрожающе шептал он и вдруг повалил Абая навзничь.

Абай, понимая все неприличие такой возни при старших, пытался освободиться и привести себя в порядок. И все же коренастый Оспан положил его на обе лопатки, вытащил изо рта что-то скользкое и засунул Абаю за воротник. Абай передернул плечами и попытался вырваться. Только что он с таким важным видом сидел среди взрослых, а теперь озорник братишка совсем его осрамил... А Оспан, забыв о присутствии отца, покатываясь со смеху, закричал:

– Лягушка! Я посадил ему за ворот лягушку!

Абай забарахтался еще больше.

Кунанбай сперва не обращал внимания на детей, возившихся у него за спиной, думая, что они и сами скоро уgomонятся. Теперь он круто повернулся и увидел, что коренастый мальчишка повалил Абая и сидит у него на груди, не давая возможности подняться.

Такое озорство вывело Кунанбая из себя: одной рукой он схватил Оспана и притянул к себе, а другой дал ему несколько увесистых поще-

чин. Лицо мальчика запылало, но он неподвижно застыл перед отцом, сверкая большими глазами. Пощечины не испугали его, он продолжал стоять как ни в чем не бывало. Суюндик, изумленный такой выдержкой ребенка, наклонился к Байсалу:

– Волчий нрав у этого малыша!

– Настоящий Куж, – шепнул тот в ответ.

Кунанбай строго приказал посыльному:

– Убери этого негодяя! – и толкнул Оспана к двери.

Мальчик споткнулся и чуть было не упал, посыльный успел подхватить его. В юрте несколько минут стояла полная тишина. И только когда все снова зашевелились и закашляли, Кунанбай заговорил.

* * *

Абай задумался. В глубине его глаз, обращенных к красноватому пламени светильника, вспыхивал яркий далекий огонек. Тогжан смотрела на гостя с нескрываемой теплотой.

Принесли ужин. Гостей принимали, как родных. Поэтому вокруг ска-терти разместилась вся семья Суюндика. Тогжан села между родителями, совсем близко от Абая. Теперь он мог видеть её сбоку.

Тонкая линия правильного небольшого носа казалась Абаю ещё обворожительнее. Легкое и нежное, как пух, выступало бело-розовое яблочко подбородка. Чудесная шейка белела между длинными черными косами. Маленькие серьги сверкающими капельками дрожали в ушах и невольно приковывали взгляд. Тогжан то заливается румянцем, то неожиданно бледнеет. Она во власти какого-то нового чувства, наполняющего непонятным трепетом все её существо. Абай снова залюбовался ею.

Дом Суюндика всегда славился радушием и гостеприимством. Сегодня угощение тоже было обильное. Карабас острым ножом с желтым роговым черенком нарезал казы и сало.

Все принялись есть с нескрываемым удовольствием, но Абай не замечал еды, хотя все было приготовлено очень вкусно. Тогжан тоже редко протягивала к миске белую ручку, унизанную браслетами и перстнями. Суюндик и Асылбек не переставали угощать Абая.

– Что ты не кушаешь, дорогой? Бери, кушай! – не давали они ему покоя.

После горячих блюд был подан кумыс, за которым гости сидели долго, – в оживленной беседе время шло незаметно.

Но Абай не принимал участия в беседе. Хозяева решили, что молодого гостя клонит ко сну. Мужчины вышли из юрты, где женщины стали готовить гостям постель.

Абай с облегчением почувствовал, что предоставлен самому себе, и отошел в сторону. Рассказы Суюндика огорчили Абая, – точно тяжелая муть поднялась тогда в его душе. Сейчас она осела где-то глубоко на дно. Сердце Абая было полно теперь другого, необычайного ощущения.

Любимая... Это волнующее слово Абай не раз встречал в книгах и слышал от других. Но сегодня оно покинуло песни, сошло со страниц книг и предстало перед ним во всем обаянии своего значения – в живом воплощении, в смехе, движении, в улыбке, в дыхании юного существа с нежным лицом, стройным станом, с взглядом, томившим сердце.

Любимая...

Взволнованный, он поднял лицо к звездному небу. С гор доносилось ароматное дыхание весны. Абай жадно вдохнул его свежую струю.

Луна была на ущербе. Она медленно подымалась к зениту, недоступно высокая, уплывающая вверх. Она манила сердце туда, в высоту, ясную и безоблачную. Лунный свет проникал в душу и наполнял её радостью и грустью.

С Верблюжих горбов виднелись отроги Чингиза. Лохматые горы, посеребренные лунным светом, замерли в неподвижной дремоте.

Огромные стада овец вокруг аула лежали спокойно. Они дремали, беззвучные, утихшие. Асылбек и Адильбек ушли спать. Тундуки юрт были плотно закрыты. Белые юрты дремали в лунном сиянии.

Суюндик с Карабасом хлопотали где-то около лошадей. В свежем дуновении весенней ночи Абай почувствовал приближение утра, необычного, прекрасного, которое должно наступить только для него одного...

«Любовь ли это? Она ли?... Если это – любовь, то вот колыбель её: мир, объятый спокойствием ночи...» Так говорит взволнованное сердце.

Лунная ночь словно купается в молоке. Грудь Абая не вмещает могучего прибоя чувств. Трепещет и замирает сердце. «Что ж это? Как разгадать? Что со мной?»

Перед его глазами – белые руки Тогжан, её нежная шея. Она – его утро!

Ты встаешь в моем сердце, рассвет любви...

Это поет сердце. Первая песня первой любви посвящена ей, Тогжан. Он повторяет про себя эту песнь. Слова льются легко, свободно.

Голос Карабаса обрывает чудесную нить его грез; он зовет Абая в юрту. Кроме них двоих, все уже легли.

По дороге Абай силится вспомнить слова своей песни, но они не возвращаются к нему... В памяти живет только одна строка:

Ты встаешь в моем сердце, рассвет любви...

Когда Карабас и Абай вошли в юрту, Суяндик с женой уже спали на высокой кровати, за золотистой занавеской из толстого шелка. Тогжан, вероятно, уже ушла к себе. Постель гостям расстилала молодая румяная женщина, которая вечером помогала разливать чай...

Абай направился к постели. Вдруг шелковая занавеска заколыхалась, у самого входа зазвенело шолпы – и стройная фигура Тогжан появилась перед ним. Она шла с шелковым одеялом в руках. Её движения были неторопливы, даже, пожалуй, медлительны. Казалось, что каждый шаг её звенит серебряными переливами дорогого украшения.

Молодая женщина уже успела разостлать Абаю мягкую удобную постель. Тогжан, все еще стоя с шелковым одеялом в руках негромко сказала женщине:

– Взбей, пожалуйста, постель повыше в ногах!

В этих немногих словах Абай почувствовал её заботу о нем, – о нем одном. Сказать что-нибудь? Он и хотел бы сказать, но сердце опять сжалось. Он не находил слов.

Тогжан положила шелковое одеяло на постель и плавной походкой направилась к двери.

Это, конечно, большое внимание, – может быть, безмолвный знак уважения. Но и только, и все? Неужели все? Тогжан, не оборачиваясь, ухнула. Только у самого выхода она с удивительной гибкостью обернулась и, улыбаясь, скрылась за дверью.

«Что это было? Насмешка?.. Разве я позволил себе что-нибудь недостойное?» – подумал Абай и смутился. Он быстро разделся и закутался.

Серебряный звон шолпы, удаляясь, переливался за дверью юрты. Сердце Абая громко стучало. Казалось, стремительный топот коня отдавался в его ушах, заглушая звон шолпы. Но вот ночная тишина поглотила этот звон, словно чья-то невидимая рука сжала поющие серебряные звенья...

Карабас задул светильник.

Не все ли равно, горит огонь или погашен? Перед глазами Абая весь мир сиял яркими лучами. Юноша даже не заметил, что стало темно. Глаза его были закрыты, но мысль металась и рвалась, словно подхваченная могучим вихрем...

Абай не сомкнул глаз до рассвета. Он задремал перед самым восходом солнца, но чуть только в юрте началось движение, проснулся. Встал бледный, осунувшийся.

Выйдя подышать свежим утренним воздухом, он старался угадать, в которой из юрт спит Тогжан. Возле самой юрты Суяндика стояла вторая, вероятно, Асылбека. За ней была еще одна шестистворчатая юрта,

по-видимому, младшей жены Суюндика. Тундук на этой юрте был закрыт. Тогжан и её мать, наверное, еще спали.

Суюндик уже встал и вышел из юрты. Абай передал ему салем своего отца и тут же изложил дело, по которому приехал. Разговор занял немного времени, и вскоре Суюндик повел Абая пить чай.

Тогжан к чаю не вышла. Асылбек и Адильбек тоже не показывались. Карабас, рассчитывая вернуться домой ещё по утреннему холодку, сразу после чая пошел седлать коней.

Но Абаю не хотелось покидать этот аул. Гостеприимные, приветливые хозяева сумели сделать свой дом похожим на теплое, уютное гнездышко. «Вот было бы хорошо, если бы я приходился им близким родичем!... Приезжал бы сюда часто-часто, когда вздумается, гостил бы, ночевал бы здесь...», – мелькнуло у него в голове. Но уезжать надо было.

Когда хозяева остались в юрте наедине с Абаем, Суюндик стал спрашивать, как живет Зере и Улжан.

Байбише со вчерашнего вечера не проронила ни слова, но теперь она тоже передала привет Улжан, потом она вспомнила Айгыз и маленькую Камшат.

– Скажи, свет мой, как живет малютка, которую, отдали Божею? Как бедная Айгыз перенесла разлуку с нею? И как это у вас хватило сил взять плачущего ребенка и отдать чужому?

В её словах звучали и удивление и осуждение. На её расспросы Абай ответил односложно, но байбише не унималась.

– Жена у Божея черствая... У неё и своих дочерей много, вряд ли она будет заботиться о бедняжке, – грустно сказала она.

– Ну, ну, а Божей на что? Не позаботится она, так позаботится сам Божей, – попытался смягчить смысл её слов Суюндик.

– Ой, не знаю я... Только слышала, что у них в ауле все говорят: «Скота пожалели, девчонкой за оскорбление заплатили», и обращаются с ней грубо. Напрасно ребенка разлучили с матерью!... Бедняжка Айгыз, наверное, едва ноги волочит!... – И байбише сама заплакала от жалости.

Байбише¹ тронула Абая своим сочувствием и искренностью. Но слухи о грубом обращении с Камшат его встревожили. Дома, в Жидебае, эта весть о Камшат доставит новые огорчения. Он вспомнил, как грустили о несчастном ребенке Айгыз и бабушка, как они проливали горькие слезы. А ведь то была печаль от разлуки с Камшат. Что же будет, когда страшный холод новых известий дойдет до их сердец? Вчера – Кулнашак, сегодня – весь этот аул... Все говорят, что Камшат брошена, отдана в рабство, унижена, беспомощна... Не зря же говорят! Вернувшись в Жидебай,

¹ Байбише – старшая жена.

он расскажет, как поступают с их маленькой Камшат. Что бы ни говорил отец, Абай должен это сделать. Он решил это твердо.

Перед самым отъездом подали кумыс. Гостей не отпускали в обратный путь, пока не угостили основательно.

Они простились со старшими у Большой юрты. Кони тронулись, но Абай не сводил глаз с Малой юрты. Её тундук оставался по-прежнему закрытым.

«Тогжан и не подумала повидаться со мной ещё раз! Не захотела даже встать и проститься...» И он невольно гневно хлестнул коня, чтобы скорей уехать, но не выдержал и еще раз оглянулся на заветную юрту. Возле неё показалась женская фигура. Черный чапан был накинут на её голову, белое длинное платье спускалось до земли. Не Тогжан ли это? Наверное, она только что встала... Абаю казалось, что он ясно слышал переливчатый звон серебряного шолпы. А может, это напев его собственного сердца? Но останавливаться было неудобно...

* * *

Абай ехал на золотистом белогривом иноходце. Ербол на светло-сером коне. На обоих были серые чапаны и шапки; кони, одежда – все сливалось с вечерней мглой, все рассчитано на то, чтобы как можно меньше привлекать внимания. Поэтому же они предпочли и более длинный путь, в объезд аулов, где ночная поездка двух жигитов могла вызвать подозрения.

Взошла луна. Наступила тихая, спокойная ночь. Ширь степи, холмы и предгорья дремали в голубоватом тумане, точно укутанные шелковой пеленою ночи. Мир был оваян тихой, безмолвной грустью. Когда Абай взглядывал на луну, одинокую, тоскливо плывущую по небу, еле слышный вздох вырывался из его груди. При одном воспоминании о Тогжан сердце его мгновенно наполнялось тоской.

Он уже взрослый, самостоятельный жигит. Жизнь, которая озаряла утро его молодости красотой и трогательной нежностью лучезарной Тогжан, тут же воздвигла между ними горы, непреодолимые препятствия. Их души отдались друг другу без колебаний, без размышлений, они доверчиво и преданно протянули друг другу руки, но их мечты несбыточны: у него опутаны ноги, на неё накинута узда. И все-таки через все преграды они неудержимо стремятся друг к другу. Но забыть о путах, стянувших им руки и ноги, они тоже не могут. И вот – каждый порыв вызывает у них тоскливую боль сожалений и грусти.

По возвращении от невесты Абаю один раз удалось передать привет любимой. Он просил разрешения повидаться с нею. Услышав это, Тогжан вздрогнула.

– Зачем? – сказала она. – Для чего нам искать встречи? Неужели он сам не понимает этого?...- Горечь обиды звучала в её словах.

Оправданий Абаю она не находила. Правда, он не любил Дильду, но вернулся от неё примирившийся с будущим, покорный велению судьбы. У Тогжан тоже был жених, и она тоже не питала к нему никакого чувства, но она отгоняла от себя всякую мысль об этом женихе с тех пор, как полюбила Абая. Её сердце страшилось и чуждалось его. А Абай поехал к невесте!... Он прошел через перевал, разъединивший их, казалось, навеки. Сколько слез пролила тогда Тогжан, как исхудала в те дни!..

Подгоняя коней, Абай и Ербол подъехали к жайляу Бокенши в час, когда люди ложатся на покой. Явиться открыто, как гости, было уже поздно.

Широкие луга здесь с двух сторон окаймлялись возвышенностями. Въехав на западный склон, Абай услышал отдаленное пение. Ербол тоже прислушался. Жигиты остановились, напрягая слух. Пение доносилось отчетливо: это пел целый хор, дружный, многоголосый. Так поют женщины, стерегущие стада. Не задерживаясь дольше, жигиты спустились вниз. На зеленом ковре широкой равнины теснились аулы и лежали стада овец. Огни уже были погашены. В безмолвии ночи кругами возвышались белоснежные купола юрт, словно гусиные или утиные яйца в огромных гнездах на каком-нибудь безлюдном острове, – там пять-шесть, здесь – десяток.

Пение разливалось в ночной дымке над сонными аулами и замирало где-то в вышине. Чем ближе подъезжали жигиты, тем слышнее звучали голоса. Широкая равнина пересекалась небольшой речкой, берега которой были покрыты низкорослым кустарником. Абай и Ербол двинулись зарослями вниз по течению реки.

Теперь Ербол мог уже определить, что пение доносилось из аула Суюндика, за которым находился аул самого Ербола. Значит, им придется проезжать мимо места, откуда слышались голоса. Тропинка вывела их к броду. Они переехали на другой берег и пересекли заросли.

Перед ними раскинулась широкая поляна. Аул Суюндика виднелся вдали. Голоса раздавались теперь близко. Знакомый напев «Статный конь» разливался в воздухе: песня, привезенная Абаем и Ерболом из аула Дильды, уже успела облететь эти края, но нежные голоса исказили её.

Ербол сразу сообразил, в чем дело.

– Э, посмотри-ка, что там делается! У них бастангы! Вон на качелях качаются! – сказал он, остановившись. – Давай поедem прямо к ним!

¹ Бастангы – вечеринка, игры и развлечения молодежи, устраиваемые по случаю отъезда кого-либо из членов семьи.

Но Абай сдержал коня.

– Удобно ли! – сказал он. Ербол возразил:

– Никто и не подумает, что мы приехали нарочно. Я сумею вывернуться. Поедем! – и он направил коня вперед.

Абай продолжал колебаться, но все же последовал за другом, положившись на его находчивость.

Качели стояли в стороне от аула на широкой поляне. Кругом собралось много молодежи – жигитов и девушек в камчатных шапках, в бархатных и шелковых чапанах. У некоторых на плечи были наброшены бешметы. Непрерывно звучал многоголосый серебристый звон шолпы. Веселые и нарядные молоденькие женщины в затейливых расшитых головных повязках заразительно смеялись. Жигитов было немного. Тут же сновали целые стаи ребятишек. Две девушки раскачивались на качелях и распевали «Статный конь». Абай и Ербол выехали из лесу и быстро приблизились к качелям, но девушки не заметили их, пока те не подъехали вплотную.

– Да будет веселье! Да умножится радость! – приветствовали всадники.

Девушки тотчас же обернулись к жигитам. Среди них находилась жена Асылбека – Карашаш.

Ербола все узнали сразу. – Ербол! Это же Ербол!

– Откуда едете? – обратились к нему женщины.

Карашаш узнала Абая.

– Абай! – воскликнула она и приветливо поздоровалась с ним.

Услышав имя Абая, молодежь оставила качели. Пение прекратилось.

Тогжан и качавшаяся вместе с ней подруга подошли тоже. Абай давно увидел Тогжан. Встретившись на людях, они оба смутились и едва смогли поздороваться. Подруга её, Коримбала, не чувствовала никакого стеснения. Поблескивая серьгами, веселая, звонкоголосая девушка поздоровалась с Абаем и сразу затараторила:

– Ну, раз вы приехали в разгар веселья, не чуждайтесь нас! Сходите с коней, покачайтесь с нами!

Карашаш живо поддержала приглашение девушки.

– Ну, слезайте! – И она ободряюще улыбнулась.

Абай и Ербол все еще медлили. Чтобы сразу оградить себя от всяких подозрений, Ербол нарочно громко заговорил:

– Мы ехали в аулы Кокше, что кочуют по Баканасу, но сейчас поздно, и мы решили остановиться в вашем ауле.

– Сходите с коней! – наперебой стали приглашать их женщины и девушки.

– Ну вот и повеселимся! Оставьте ночевать у нас!

– Отведите коней и быстрее возвращайтесь! – заключила Карашаш.
– Да уж не знаю... – начал было Ербол, но Каримбала перебила его:
– Ведь вы недавно вернулись от невесты! Научите-ка нас новым песням!

Все поддержали её шутку веселым смехом.

Тогжан не могла смеяться. Она стояла молча, не сводя глаз с Абая сияющих глаз. На нем был накинута тонкий чапан, под которым виднелся черный жилет, надетый поверх белой рубашки. На голове – шапка из мерлушки с серебристым шелком. В свете яркой луны было заметно, что лицо его похудело. Внезапно появившийся здесь Абай – привлекательный и нарядный, на коне с посеребренным седлом – был её, по-прежнему близок и дорог.

Друзья тронули коней, дав обещание сейчас же вернуться. Белогривый конь Абая, который нетерпеливо крутился под ним и рыл землю копытом, плавно понесся вперед. Серебро седла и уздечки, блеснув в лунном свете, тускло замерцали, угасая вдали. И, переливаясь в голубоватых лучах, серебряной струей сверкнул пышный, волнистый хвост белогривого коня. Ночной мрак поглотил всадника, Тогжан продолжала стоять молча, прислоняясь к качелям.

Карашаш сразу же заметила, как резко изменилась в лице девушка. Чтобы не привлекать внимания других, она обняла Тогжан. Подошли другие женщины. Она сказала, что совещается с Тогжан об угощении, а сама продолжала шептать ей на ухо:

– Начни петь, иначе все заметят... Будь осторожней.

Каримбала, подбежав к Тогжан, схватила её за руку и потащила к качелям.

– Это и есть Абай? Я его в первый раз вижу! Хорошо, что он приехал! Мы заставим его спеть нам песни его новых родичей и разучим их. Ладно! – сказала она.

Тогжан не отвечала. Каримбала быстро оглянулась и спросила насмешливо:

– Что он – аксакал? Есть кого смущаться! Пословица говорит: «Кто не постесняется, тот везде лишку урвет». Где же Абай? Сейчас заставлю его спеть!

Скоро подошли Абай и Ербол.

Ербол сразу сумел завладеть играми и все переделал по-своему. Карашаш и он сам усадили Абая на качели против Каримбалы.

Если на качелях сидят девушка и жигит, последний должен спеть что-нибудь. Каримбала попросила Абая вместе с нею пропеть «Статный конь». Но, подпевая ему, она путалась и искажала не только припев, но и самые строфы песни. Девушка и молодые женщины сразу заметили это:

– Абай поет совсем иначе!
– Коримбала, ты путаешь!
– Сперва выучи, а потом пой вместе! – Но Коримбала не смутилась.
– Тогда пусть споет Тогжан! – засмеялась она и, не дав девушке опомниться, усадила её на свое место.

Она начала изо всех сил раскачивать Абая и Тогжан. Остальные присоединились к ней.

Качели в полный размах взлетали вверх и стремительно опускались. Абай запел. Две первые строфы Тогжан внимательно слушала и запоминала и лишь на третьей стала уверенно и громко подпевать ему. Она сразу исправила те места, которые были искажены в её ауле.

– Вот теперь правильно!
– Тогжан быстро научилась!
– Пойте! Пойте ещё! – закричали со всех сторон.

В те мгновения, когда лунный свет падал на лицо Тогжан, Абай впиался в него взглядом. Нежный румянец, заливавший щеки, без слов выдавал глубокую тайну её сердца. Казалось, что вместе с Тогжан её окрыленная душа летит навстречу любимому, с каждым новым взлетом качелей повторяя: «Я с тобой навеки! Что может разлучить нас?» Песня соединяла их сильней и ближе самого крепкого объятия. Это была певучая радость – радость двух сердец, рвущихся друг к другу и торжествующих в своем победном слиянии. «Смотрите на нас! Посмейте осудить нас!» – говорила их песня. Это был вызов окружающим их людям, звездному небосклону с его сияющей луной, всей вселенной.

Песня Тогжан лилась уверенным, неудержимым потоком. На лице девушки светилось безмятежное счастье... Она неотрывно глядела на Абая и улыбалась, сияя всей нежностью, всей чистотой своего чувства, благодарная любимому за то, что он приехал, что разыскал её в окутавшей её серой мгле. Черные брови, тонкие, словно крылья ласточки, то разлетались мягко и приветливо, то мгновенно сдвигались над глазами.

Абай сначала говорил о своем чувстве лишь звуками волнующего душу напева, потом снова – живые, открытые. Смелые – победной волной влились в звонкую струю песни. «В родниках души своей долго таила любимая сокровенные мысли, скучая о друге, – перестанет ли она теперь упрекать его? Вот он пришел, твердый, решительный, всю сияющую вселенную принес ей – все свои мысли, счастье и мольбу, – что скажет она ему? Если и теперь бессердечная, она отвергнет его порыв, – где же в мире жалость, где справедливость? Беспощадная, не порвет ли она нежнейшую нить его надежды? Так ли виновен её любимый, чтобы жестоко карать его?»

Песня несла на своих крыльях затаенные мысли Абая. Тогжан подпевала ему, с трепетом слушая тут же рожденные слова. Ей они были понятны. Она склонила голову, опустила вниз свои чудесные черные глаза и вдруг умолкла.

Абай продолжал один. Он спел четыре строфы своей песни на полный трепетного волнения напев «Белая береза» и замолчал на тихой, низкой ноте. В эти строфы он вложил все – все тайные думы, скрытые им в глубине сердца, все неугасимое пламя души поэта и влюбленного, объятого печалью. Ербол не узнавал своего друга: Абай преобразился – казалось, что он, огромный и сильный, парит, распластав в небе могучие крылья.

Пение смолкло. Абай, сойдя с качелей, отошел в сторону. Карашаш говорила что-то, восхищаясь его пением, – Абай только улыбался в ответ... Его мысли были так далеко! Он не понимал ее слов.

Молодежь продолжала веселиться у качелей. Теперь Ербол затеял новые игры: ак-суйек – бросание кости, а потом серек-кулак – волк и ягнята. Волком, который должен ловить ягненка и мчаться с ним в сторону, взялся быть сам Ербол. Абай, шутливо болтавший с двумя девушками, согласился быть одним из ягнят.

Ербол оказался очень неглупым волком. Сперва он утащил двух или трех девушек, отвел их в сторону, а потом схватил Абая. Таща свою добычу, он на бегу шепнул ему:

– Спрячься в лозняке и жди меня. Сейчас утащу Тогжан... – И он понесся обратно.

Абай остался в кустарнике, ожидая похищения Тогжан. Ему не пришлось ждать долго, – Ербол тотчас же схватил ее, но на этот раз утащить добычу оказалось не так-то легко, – за ним бросилась целая толпа во главе с Коримбалой, кричавшей что было сил. Ербол отвел Тогжан в сторону, поставил ее поодаль от того места, где стоял Абай, и, шепнув ей что-то на ухо, помчался обратно.

Сквозь темную листву зарослей свет луны проникал бесчисленными серебряными лучиками. Абай сам не заметил, как очутился возле Тогжан.

Они бросились друг к другу, и девушка со слезами упала в его объятия. Плечи ее дрожали точно в порыве неизъяснимого страха.

– Не плачь, Тогжан, – умолял Абай. Он поцеловал ее и на мгновение прижал к себе.

– Обними меня... Я так соскучилась...

– Тогжан! Где ты? Не уступлю тебя волку! Иди сюда! – донесся до них звонкий голос Коримбалы.

Абай быстро привлек к себе Тогжан и поцеловал, прикоснувшись губами к ее горящему лицу. Смех Коримбалы приближался, Абай поцеловал шапку Тогжан и шепнул ей:

– Жди меня завтра...

Луна, пробравшись сквозь густую листву, сверкающими кружочками отразилась в глазах Тогжан и заблестела в крупных слезах, дрожащих на длинных ресницах девушки...

Литература:

Путь Абая / М.Ауэзов.Перевод А.Никольской, Т.Нуртазиной и Л.Соболева / Роман, т. I – Алма-Ата: Жазушы, 1987.

Мухтар Ауэзов Трагедия триумфатора

Глава 6 Дорога длиною в жизнь

...В новейшей истории великой Степи Абай, вместе с Чоканом Валихановым, – центральная фигура. Но Чокану сроки вышли беспощадно краткие, к тому же писал он по-русски, так что Абай беседовал с людьми и продолжительнее, и понятнее для них, нежели блистательный интеллектуал – его старший современник. Поэтому биография Абая – это биография народа, да ещё на переходе из одного исторического, а также психологического состояния в другое. Оттого летописцу (Мухтару Ауэзову, взявшегося после Кикитая Исхакова за составление биографии поэта –Г.У.), дабы сохранить верность образу, надо было разворачивать широкую панораму лиц и событий, сегодняшних, вчерашних и даже позавчерашних.

Мухтару Ауэзову это удалось. Биография Абая получилась и узором его путей-перепутий, и рассказом о поэзии, и панорамой истории.

А потом реальность начала прогибаться под недоброй тяжестью мифа, подлинные судьбы и характеры становились жертвами идеологии. Вот как это может выглядеть.

В оригинальной версии Ауэзов увлечённо повествует о деде Абая Ускембае, а рассказ о Кунанбае вообще превратился в новеллу, живописующую облик незаурядной личности. Но уже из второго варианта Ускембай фактически исчезает, лишь имя остаётся на память, да и фигура отца съёживается. Уходит, например, драматический сюжет, сводящий воедино Кунанбая и легендарного героя – хана Кене. Да и вообще вся родословная поэта сделалась просто приложением к книге – «Предки Абая». Но мало того, на глазах меняется сам образ, как Дориан Грей на портрете, писанном некогда с неотразимого красавца, а ныне отражающем пороки и ничтожество героя.

О старом Кунанбае вспоминают по-всякому.

Говорят, был это человек безжалостный, властолюбивый, прекословия не терпящий, как нередко бывает, когда поднимаются из грязи в князи, а именно таково было восхождение Кунанбая, родился он в бедной юрте и стал всеильным главою рода тобыкты исключительно благодаря собственной сметке, ловкости, упорству.

А ещё говорят – степной пророк, к которому идут за советом и к слову прислушиваются. В 1846 году в Средний жуз была снаряжена правительственная экспедиция, которой предстояло сделать перепись населения, а также разобрать местные тяжбы. Входил в неё, между прочим, некто Адам Янушкевич, поляк на русской службе, оставивший весьма любопытные воспоминания об этой и других своих поездках по казахским степям. «Бий Кунанбай, – записывает он в дневнике, – это большая знаменитость в степи, наделённый от природы здравым смыслом, удивительной памятью и даром речи, дельный, заботливый о благе своих соплеменников, большой знаток степного права и предписаний Корана, прекрасно знающий все российские уставы, касающиеся киргизов (казахов – ГУ); судья неподкупной честности и примерный мусульманин, плебей Кунанбай стяжал себе славу пророка, к которому из самых дальних аулов спешат за советом молодые и старые, бедные и богатые».

Говорят – самодур.

Но говорят, мудрый правитель, который не только о своих пастбищах печётся, но и доле народной. Правда, так утверждают люди заведомо пристрастные – внук Турагул, или, скажем, внучатый племянник Архам Исхаков – сын Кикитая. Но ведь помимо оценок, помимо впечатлений, есть ещё и факты, а они-то как раз свидетельствуют и о широте натуры, и о государственном уме и действительной заботе о благе народном. В одном архивном документе можно прочитать, что Кунанбай убедил тёмный люд сделать прививки от оспы и тем спас не одну человеческую жизнь, в другом – склонил аульчан к выгодному для них хлебопашеству. Долго ходил по всем трём жузам рассказ о грандиозном асе – поминках, которые устроил Кунанбай по отцу Ускембаю. Точно так же с благодарностью повествуют о разных добродетелях, которые оказал этот человек за свою восьмидесятилетнюю с лишним жизнь. А во время четырёхлетнего хаджа в Мекку открыл гостиницу специально для паломников-сородичей.

Значит ли это, что Кунанбай не был жесток, не был коварен? Совсем не значит, наверняка был. Он вёл междоусобные войны, он занимался политикой, а где политика, там о нравственности и милосердии не говорят. Это ещё Никколо Макиавелли хорошо объяснил своему государю Лоренцо Великолепному. Но во всяком случае, Кунанбай – личность, мощная, мятущаяся, в рамки не помещающаяся личность.

В романе «Путь Абая» от неё мало что осталось, и главным образом, не осталось загадки. В принципе это не должно смущать. Роман это роман, то есть выдумка, пусть даже объектом её становится историческое лицо. Довольно глупо было бы искать в толстовском Наполеоне отражение Наполеона – полководца, первого консула, императора Франции, деспота, покорителя Европы.

...У ее автора, пусть даже это биография художественная, той меры свободы нет, он связан неписанными правилами достоверности. И Мухтар Ауэзов им следует – в начале пути.

Но у *советского* писателя, у *советского* биографа и учёного-гуманитария есть и писанные правила, или, скажем, установления, и им тоже приходится следовать. Особенно, если ты личность, идеологически сомнительная, особенно если с тебя глаз не спускают...

Абай порвал с отцом – исторический факт. Это была драма для обоих, и нетрудно представить себе, сколь вдохновительна она оказалась она для биографа, сколь много открывалось ему за этим столкновением характеров. Поединок эпох, конфликт отцов и детей, стойкость старины и равное по силе упорство молодости. Да, мало ли что! В издании 1933 года следы этой внутренней борьбы ещё угадываются. Но во втором варианте исчезает даже видимость равновесия и на смену драме приходит обличение. Абай бросает вызов отцу – насильнику, реакционеру, эксплуататору, и становится знаменем народной борьбы за духовную свободу...

...Ауэзов постоянно мучился в попытках скрестить эпическое письмо с лирикой. Русский Ауэзов меньше природного, казахского, и нам ещё предстоит устранять этот разрыв, – надо прочесть «Абая» целиком.

* * *

...Если в несправедливо короткую жизнь Мухтара Ауэзова действительно уместились три эпохи и был он человеком-справкой или, лучше, человеком-летописью, то главную свою книгу написал, бесспорно, человек-оркестр.

«Абай», а впоследствии «Путь Абая» – такое общее название получают все четыре тома, составляющие эпопею, – это настоящая энциклопедия романских жанров (Выд. – ГУ).

В подзаголовке к первому, 1942 года, изданию книги значится: *исторический роман*.

Можно бы даже уточнить: *документально-исторический*, ведь едва ли не за каждым из персонажей стоит подлинное лицо, и даже имена, за небольшими исключениями, сохранились. Естественно, воображение не

желает считаться с фактом, но до поры художник держит его в узде, себе предел устанавливает, действуя не как художник, но как биограф-старатель, по крупницам собирающий разрозненные сведения... Эту первую, «дохудожественную» часть своей работы Мухтар Ауэзов сравнивает с «трудом запоздалого путника, который приходит к месту стоянки давно ушедшего каравана, находит последний тлеющий уголёк угасшего костра и хочет своим дыханием оживить, раздуть этот уголёк в яркое пламя».

...Достоверны лица, документально прочна основа событий, подлинные пейзажи, несомненна этнография, от ритуалов до одевания, от убранства юрт до кочевья, от народного празднества до судебной тяжбы.

...Как по годовым кольцам определяют возраст дерева, так и по роману Мухтара Ауэзова натуралист восстановит природный мир степи, метеоролог – её климат, географ – расположение кочевий, направление дорог, расстояние от аула до города, экономист – сдвиги от кочевого способа хозяйствования к оседлому, и даже законник найдёт богатый материал по истории и правоприменению.

Сцена казни невинно осужденного Кодара и Камки якобы за крощение, эта сцена, расположенная фактически у самого входа в роман, сразу же чётко расставляет иерархию величин и расслаивает степь на трое.

Верхушка пирамиды – феодально-родовая знать, представленная здесь влиятельными биями, в чьих руках «судьба тысяч семей племени тобыкты, вся сложная паутина родовых и племенных дел, вся бесконечная путаница отношений, все узлы, все связи, все ходы. В потаённых карманах этих шести вожаков скрыты бесчисленные расчёты, невидимые повороты путей, тонкая сеть человеческой хитрости».

Следующий слой – так называемые аткаминеры – волостные управители, аульные старшины, переводчики, судьи, словом, новый класс. Степная бюрократия. Поразительно всё же, до чего вездесущ он и какой фантастической способностью мимикрии наделён, позволяющей стремительно приспособливаться к любым условиям. Меняется оформление, но суть неизменна, как неизменны и приёмы – подкуп, сговор, лицемерие...

Ну и наконец, нижний слой, шаруа, безземельная беднота – пролетарии степи. На фоне белых, просторных, многостворчатых юрт особенно резко бросаются в глаза «стоящие на краю... чёрные, дырявые юрты, а порой и просто шалаши бедняков. Жайляу как бы нарочно выставляло их напоказ...».

В молодости Мухтар Ауэзов увлекался романтической прозой раннего Горького; он и теперь, сочиняя «Абай», на него оглядывается, но только уже не на «Челкаша», а скорее на «Фому Гордеева». Ведь Ауэзов пишет

такую же выломившуюся из своей среды фигуру, какой оказался этот сын волжского водолива, поднявшегося наверх и сделавшего себе миллионное состояние. Только поэту-наследнику влиятельного бая было труднее, чем русскому современнику: одному тесно в кулеческом мире, он с Яковом Маякиным ужиться не может, а другому – в мире, считающим свою историю не на года – столетия...

Андре Жид, отзывавшийся о произведении Горького, поразился: «Какая-то дикая поэзия и безнадежный лиризм проницают все произведение, поднимая его над уровнем простого реализма и не выводя в то же время из рамок действительности».

Примерно то же самое можно сказать и об «Абае», только «дикая» поэзия прозвучала бы чужеродно, да и «безнадёжностью» эпопея не дышит.

Социальный роман (выд. – ГУ).

Но также, конечно, – *роман-биография* (выд. – ГУ), тоже почтенная жанровая разновидность, возникшая ещё в начале XIX века (Пушкин с его «Арапом Петра Великого», ещё раньше – тот же Вальтер Скотт, в одну пору с нашим гением – Вашингтон Ирвинг и Томас Карлайл) и в XX веке, когда Мухтар Ауэзов входил в пору творческой зрелости...

В любом случае «Абай» – роман-биография поэта.

А ещё – *роман воспитания* (выд. – ГУ), *Bildungsroman*, как говорят немцы, подарившие литературе первый образец жанра – гётевского «Вильгельма Майстера». А потом он обогащался, гибко и податливо принимая в себя самые различные стили. Роман воспитания – «Жан-Кристоф» и «Мартин Иден», герои которых композитор и писатель, проходят крестную муку творчества на дорогах здешней жизни, сталкивающей их с самыми разными людьми, искушениями, бедами. Роман воспитания – автобиографические трилогии Толстого и Горького с их классически-ясным стилем, и роман воспитания – «Портрет художника в молодости» Джеймса Джойса, где многое построено на потоке сознания.

У каждого из них Мухтар Ауэзов что-то взял, порой осознанно, порой стихийно, быть может, не читая даже.

Уроки жизни начинаются страшно: мальчик становится свидетелем ритуальной казни старика Кодара и его снохи, и память об этом преступлении не оставит уже никогда, определив во многом его трудные взаимоотношения с исламом...

Абай скитается по степи, переезжает из аула в город и обратно, решает тяжбы, охотится, попадает в буран, а одновременно происходит невидимая работа души, что-то в нём ломается, что-то идёт в рост, иллюзии сменяются прозрениями, сомнения – решимостью...

...Исторический роман, социальный, биографический, роман воспитания... У каждого, конечно, свои особенности, свои привычки, и все-таки

это один ряд, такие соседи, как правило, не ссорятся, им даже заборы не нужны.

Но, оакзывается, «Абай» это ещё и *приключенческий роман* (выд. – Г.У.). Конские скачки, погони, похищение невесты. Это же чистая авантюра с элементами фантастики...Печальная история Коримбалы и Оралбая – наследие степного средневековья, но одновременно это же чистейшая авантюра. Уже сам стремительный стиль повествования это выдаёт. И отчаянные налёты джигитов Базаралы и его брата Балагаза на табуны преуспевающих соплеменников ассоциируются с приключениями Карла Моора, а уж Оралбай, потеряв возлюбленную, чистым Робин Гудом сделался.

«Абай» это ещё и *военный роман* (выд. – Г.У.), во всяком случае, в нём есть батальные сцены, написанные рукой художника, прошедшего школу Толстого и, может быть, Стендаля – автора «Пармской обители» с её сценами битвы при Ватерлоо. ...Реальностью предстаёт и так называемая Мусакульская битва – трёхдневный бой дружины Кунанбая и джигитов Байдалы. Разумеется, есть здесь и соилы, и острые пики, и шокпары – антураж степной вендетты. Но за ним ни в коей мере не пропадает подлинность насильственной смерти, и иные чёткие, лаконичные, как треск короткой пулемётной очереди фразы – «В каждой схватке падало десять – пятнадцать человек. Их убирали с поля тут же» – сразу же приводят на память и классические образцы, и только явленные читательскому миру книги писателей «потерянного поколения», того же Хемингуэя или Ремарка.

Ну и конечно же «Абай» – *любовный роман* (выд. – Г.У.). На это сразу обратил внимание Луи Арагон, много способствовавший встрече своих соотечественников с прозой Мухтара Ауэзова, а уж французы толк в любовной литературе знают. «Роман «Юность Абая», – писал Арагон в своей мемуарно-эссеистической книге «Я раскрываю карты», – являет собой определённый вид романтической эпопеи Средней Азии. Это история великого Абая, которая происходит в шестидесятые годы прошлого столетия (XIX века – Г.У.), когда казахи были ещё кочевым народом и когда ещё сохранялась полигамия. Здесь ощущается необыкновенная свежесть и естественная красота повествования, на страницах которого разворачивается одна из наиболее чистых историй любви, с какой мне когда-либо приходилось встречаться».

Действительно, через всю книгу, придавая ей тонкое лирическое звучание, проходит рассказ о любви Абая и Тогжан. Любви печальной, любви, чреватой разлукой и действительно разлукой разрешающейся, однако же высокой и облагораживающей.

Прежде Ауэзов писал любовь грешную, любовь плотскую, живописал страсть, густо насыщая свою прозу эротикой. Он и теперь не отступает от этой манеры, и сцены, изображающие ночные свидания Базаралы и Нурганым – младшей жены Кунанбая, стремительный роман Абая и женщины-акына Куандык сразу напоминают любовную истоому Карагоз, этой красавицы в трауре – пленницы вдовьего ложа. Да и в любви Абая и Тогжан, этой неспетой песне, плоть стремится взять своё. И все-таки пишет на этот раз Ауэзов любовь целомудренную, любовь поэтическую. «Как тих, как умиротворённо-прозрачен был тот вечер!» – вечер расставания с любимой. Она просветляет душу, и она придаёт всему повествованию, эпическому в своей основе, основательному, мощному, некоторую лирическую лёгкость, невесомость. Её даже в переводе, хотя бы местами, удаётся сохранить:

«В те мгновения, когда лунный свет падал на лицо Тогжан, Абай впивался в него взглядом. Нежный румянец, заливавший щёки, без слов выдавал глубокую тайну её сердца. Казалось, что вместе с Тогжан её окрылённая душа летит навстречу любимому, с каждым новым взлётом качелей повторяя: «Я с тобой навеки! Что может разлучить нас?» Даже и тут, впрочем, иные слова удручающе неуместны («впивался взглядом» – совсем никуда не годится), однако же повторяющийся звук «л»: лёгкость лодки, лад лиры – искупают просчёты.

Обретая поэтическое звучание, любовь стирает границы яви и сна. Какой-то девичий голос – то ли услышанный, то ли пригрезившийся – вдруг напомнил Абаю, хоть годы прошли, о его романтической юношеской влюблённости, и мир разом преобразился – сон становится явью, предметы, туманные и расплывчатые, обретают чёткость контура.

– Это не сон... Это было наяву, я всё видел отчётливо и ясно.. Та же бобровая шапочка, то же серебряное шолпы в волосах, чёрный бархатный камзол, как в ту ночь, у реки Жанибек... Только тогда мы виделись тайком, урывками... никогда она не подходила ко мне свободно, смело, стремительно... А сейчас подошла, как порыв пламени, сказала так страстно: «О, как я соскучилась! Как томилась, как ждала! Помнишь, ты научил меня песне? Я день и ночь пою её. Вот – слушай!» Она спела начало и сказала: «Подойди ближе... Вот я рядом с тобой... никого нет, мы одни».

И всё-таки это ещё сон, и с пробуждением видение исчезает – «но песня-то, песня продолжалась! И пел тот же голос, голос Тогжан, как и во сне! Если тогда был сон – что же было потом?... Явь и сон перепутались... Но голос – её, моей любимой, только её! Я слышал его здесь, рядом... Это уже не сон!»

А потом в соседней юрте действительно, как из дыма выплывает, и складывается образ молодой женщины, поразительно похожей на возлюбленную Абая.

«Да, это была вторая Тогжан, единственная любовь Абая, такая, какой была в юную пору, какой он видел её сейчас во сне – во всей своей красоте, так поразившей его в тот далёкий счастливый вечер в доме Суюндыка на Верблюжьих горах...Ему казалось, что перед ним взошла молодая луна. Обновлённая, но сохранившая прежний облик, она вернулась, чтобы единственной и несравненной взойти на небе его жизни».

На самом ли деле Шокиман – так зовут девушку – столь уж походит на Тогжан, или это просто померещилось Абаю – какая разница? Наступает момент поэзии, а у неё свои законы, она как раз и придаёт форму несказанному, сновидческому, лунообразному, озвучивает шорохи и шёпоты сна.

«Абай» обретает еще одно, совсем, кажется, неизвестное мировой традиции жанровое измерение, превращается в *роман-песню* (выд. – Г.У.). Абай – Тогжан, Абай – Куандык – эти дуэты плавно и естественно входят в общее течение повествовательной речи, когда становится она речью музыкальной, а событие, собственно, растворяется в чистом звучании.

Любовный роман XX века, а впрочем, и роман социально-исторический, не может не быть романом психологическим.

И верно, «Абай» – *психологический роман* (выд. – Г.У.).

Персонажи его, от солистов до миманса, – члены одной большой семьи, участники общины, поступки их, и речь, и душевные побуждения, да, диктуются этой принадлежностью роду, мотивы теряются где-то в праисторической дали. В то же время все они, кто в большей степени, кто в меньшей, наделены чувством индивидуальной самодостаточности. Так вот, как раз такая раздвоенность – иные её почти не ощущают, иные переживают трагически, на грани душевного надрыва, – и взывает к психологическому письму. Кунанбай, как будто он весь на ладони: мироед на восточный манер, корыстолюбец, лукавый властитель, правящий племенами рукою твёрдой и безжалостной. Но оказывается, не вполне так. «Душу Кунанбая, – вынужден признать про себя его сын, – не просто познать – так в извилистых складках горы трудно найти дорогу». Тайна эта, именно его, Кунанбаева тайна, а не просто общее наследие, не просто память рода. Он собственный путь прошёл, на котором много что было.

Порою Ауэзов демонстрирует и вовсе изощрённые образцы психологической прозы.

Абай впервые встречается с Тогжан, душа его смущена, он и участвует в общем разговоре, и словно совсем в иных далях пребывает, и даже

тяжкое знание родовой вражды, как раз в этот миг достающееся ему в пересказе одного аксакала, не способно заглушить голос рождающегося чувства.

Сабит Мұқанов
(1900-1973)

С.Мұқанов «Ботагөз», «Мөддір махаббат», «Сырдария» романы және «Өмір мектебі» трилогиясымен белгілі.

С.Муқанов известен в современной казахской литературе романами «Ботагоз», «Светлая любовь» и трилогией «Школа жизни».

Өмір мектебі

Трилогиядан үзінді
Тірі тарих

Жабайдың баласы Төлебай екеуміз Есіл өзенінің жарқабағын жағалап келе жатырмыз. Тоңы жібіген жердің миы шыққан сазы етікті табанынан тартып, аяқты әрең ғана жылжытады...

«Қара дауыл» аталатын өкпек жел жағадан, жеңнен суық қолын сұққанда, жердің сазын табанмен ғана емес, барлық денемен басқандай боласың.

Біз ілгері аттаған сайын жел желіге түседі, көкіректен кейін қарай итере түседі. Біз де ерегісе ілгері ұмтыламыз. Кейде жел бізді жеңгендей боп бөгеп те қалады, кейде желді біз жеңгендей боп ентелеп ілгері аттаймыз...

– Есіл қатты тасырда желдің екпіні осылай болатын әдеті еді, – дейді Төлебай, – биыл сөйтер, тегі!...

– Өзенің қайда өзі? – деймін мен.

– Өзеннің осы бір тұстағы жарқабағы аса биік, – дейді Төлебай, – қатты тасығанда жылда болмаса, бұл аңғарға су келмейді. Аңғардың арғы жағы қайқаң жазық боп кетеді де, сонау бір бұтақтары қылтиып қана көрінген тоғайға ұштасады. Есілдің арғы арнасы со тоғайлардың арасында.

– Тоғай қанша жер бұдан?

– Жарқабаққа жап-жақын сияқтанғанмен, ең жақын тұсы бұл арадан бес – алты шақырым.

Одан әрі сөйлесуге, өкпек жел екпінді лебімен ауыз бен мұрынды құмықтырып, еріксіз үндетпейді.

Төлебай екеуіміз қыраттау, көделілеу жерді қуалап келеміз, ойпаң, тақыр жердің сазы толарсақтан келеді. Біздің іздеп келе жатқанымыз – Жабай қарт.

– Әлі де алыс па ? – деп сұрадым мен шаршаңқыраған кезде.

– Бірталай жер бар, – деді Төлебай.

– Сонша алысқа неге кеткен Жәкең?

– Есілдің таси бастаған хабары бізге жоғары Алакөл – Салпық жақтан келеді. Со хабарды ести сала-ақ, әкем күн сайын таңсәріде тұрып, буынып-түйінеді де, өзеннің жағасына кетеді. Жыл сайын барып отыратын дағдылы орны бар, біз оны сол арадан табамыз.

– Қарт кісі мынадай сазда ондай алыс жерге қалай жетеді?!

Төлебай маған жымия қарап қойды да :

– Біздің шал әлі жасыңның көбін қанжығасына ұрып байлайды. Оның аяқ алысы әлі пысық, – дейді.

Мен нанар нанбасымды білмеймін де:

– Жасы нешеде? – деп сұраймын.

– Биыл тоқсан үште.

– Сен нешедемін дедің?

– Отыз бірдемін.

– Сонда сен шалдың алпыс екі жасында туғаның ба?

– Солай болады да, – дейді Төлебай жымиып, – өзің көрген шешеміз Бөлекті әкем елу алтысында алған екен, шешем ол кезде он алтыда екен, менен бұрын екі құрсақ көтеріпті, менен соң үш құрсақ көтерді. Қазір әкемнен ол кәрі...

Тағы біраз жер жүріп Есілдің жарқабағына жетіп ек, алдымыздан о шеті мен бұ шетіне көз жетпейтін , бетінде қалқыған сендері сатыр- күтір соқтығысып сапырылған теңіз ұшыраса кетті.

– Бұ не ?! – дедім мен қайран ғап.

– Есіл! – деді Төлебай. – Жарықтық тасыған екен ғой! Кең-ақ тасыған екен шіркін! ... Мен көрмеген тасу мынау!... Ойпырой, жердің жүзін, күннің көзін тұтас алып кетіпті ғой, тіпті!...

Көлемі кішкене көлдің маңайында ғана туып өскен маған мына телегей аса бір ғажап дүние сияқтанды. Және тыныш жатқан дүние ме ол!... Тасыған теңіздің ағыс екпіні қандайлығы судың бетінде қалқыған сендердің, ағаштардың, қоғажайдың, тағы әлденелердің жылжуынан байқалады: көз ұшында көрінген олар ілезде зымырап келіп қалады да, сып етіп өте шығып, көріп үлгергеніңше әлдеқайда алыстап сала береді.

Осы көріністердің арасында кереметтер де кездесті.

– Ананы қара ! – деп Төлебайдың нұсқаған жағына көз тіксем, – жеке қалқыған бір сеңнің үстінде шоқиып жалғыз қасқыр кетіп барады.

Мал баққан ауылда өскен адамның қасқырдан артық қас көрері жоқ. Маған да талай ызасы өткен « сабаз» ол!... Сонда да, сең үстіндегі халін көріп, аяп кеттім, – бізге жап-жақын жерден жайнамазда мүлгіп отырған молдадай момақансып, жәрдем сұрағандай жаутаңдап өтті !...

Одан да аянышты хал кездесті: телегей судың орталау кезінде, тұтас қалқыған сеңнің үстінде бір қорадай қой ағып барады!... Ішінде ербеңдеген адам көрінеді! ... Маңырасқан қойлардың алыстан талып естілген даусы нәресте балалардың інгәлап жылауына ұқсайды!... Қойлардың халі солай болғанда, олардың арасында тұрған адамның халі нешік екен !...

Со халді көз алдыма келтірген мен ауыр күрсініп ем, Төлебай да қосыла күрсініп ап:

– Мейірімі тәтті, қаһары қатты өзен ғой бұл!... Бұл бұл ма, бұның кейбір ауылдарды ұлп- отанымен ағызып әкететін мінезі де бар. Талай табын малдар да ғарық болады бұған!... – деді.

Төлебай мойнын соза алдаңғы жакқа бір қарап алды да:

– Әкем сонау бір үйеңкінің бұтақтарының арасында отырған болу керек! – деді.

Біздің ауылдағы Қымбат бақсының сарынында:

Үйеңкінің түбінен

Үйіріп алған қобызым...–

деген сөзді естіген ем, соған қарағанда, үйеңкінің ағашының бір түрі екенін жобалағаныммен, дәл өзін бұған дейін көрген емеспін де. Енді Төлебай нұсқағанда қарасам, саздау жерге өскен ол ағаштың діңгегінің жуантығына төрт-бес кісінің құшағы жетер емес, бірақ діңгектің биіктігі атты кісінің созған қолы жетерліктей ғана, одан әрі тармақталып жуандылы-жіңішкелі қалың бұтақ тарайды екен, олардың аумағы, өтірік айтқан кісіге, кішігірім қораға симастықтай!... Және оның өзі қызық үйеңкі екен: дәл жарқабақтың етегіне өсіпті, қабақтан аттаған кісінің аяғы бұталардың тарала өскен жеріне жететін!...

– Менің әкем, дәуде болса, сол тармақталған бұтақтардың арасында отырған болар! – деді Төлебай, үйеңкіге жақындай беріп.

Қасына кеп қарасам, бұтақтардың арасында, бері қарай жонын тосып, қалың киімді, тымақты біреу отыр.

– Келді айтқаным!...Әкем! – деді Төлебай.

– Біздің даусымызды неғып естімей отыр?...

– Құлағының мүкісі бар және жел әрі біз жақтан, әрі қатты ғой, сатыр-күдір сең жүріп жатыр, содан естімей отырған болар, мен дыбыс берейін.

Төлебай «әке!» деп дыбыс бергенде, желкілдеген ұзын ақ қасы көзін жапқан, бетінің мұрнынан басқа жеріне тұтас шыққан қою, қаба ақ сақалды, кішірек имек мұрынды қарт бізге одырая қарап бетін бұрды да, шүңірек кішкене көзіне алақанын қалқалап аз тұрып:

– Төлебаймысың? – деді сөзін бөлшектей, ұртын толтыра сөйлеп.

– Иә, әке!

– Қасындағы кім?

– Әуелі түс жерге, содан кейін айтайын. Кәне, көтеріп түсірейін! – деді Төлебай.

Үйеңкінің бұтағына аттап шыққан Төлебай әкесін көтеріп жарқабаққа шығарған соң, мен сәлем беріп қолын алдым, бірақ жауап қатпадым.

– Бұл жігіт кім дедің? – деді қарт баласына.

– Жиен, – деді Төлебай аузын қарттың құлағына тақап.

– Қайдағы?

– Мұқан, Тайжақы дейтін жиендерің бар емес пе? Соның Мұқанының баласы!

– Не дейді?! – деді Жабай таңданған дауыспен.

– Рас айтам. Омбы жақтан оқудан келе жатыр екен. Саған сәлем берем деп келген еді, үйде болмадың, осында келді...

– Алда, қарағым-ай, онда бері келші! – деп, шал мені құшырлана қысты да, екі бетімнен, мойынымнан иіскеп, құшағын жазды... Қарттың бетіне қарасам, көзінен сорғалаған жас тамшылары ақ сақалына домалап түсіп тұр екен. Менің де жүйем босады...

– Жер құрғақ қой, отырайық, – деді қарт көзін сүртіп отыра беріп. Төлебай екеуіміз де қартты ортаға ала отырдық.

– Сап – сабымен өтіп жатқан дүние, – деді қарт күрсініп ап, – әкең Мұқанды, оның әкесі Шүкейді, оның әкесі Бектемірді көрдім. Шешен Балсарыны, оның әкесі Бәйтилеуді көрдім. Олар жүйе-жүйесімен өтіп кетті. Көшкен ауылдың тозған жұртына қонған кәрі күшігіндей, дәм-тұзымыз таусылмаған соң, міне, біз тоқсанға кеп торығып отырмыз, шырағым. Әкең ертерек қайтты деп ед, шешен де қайтты деген, қайырын берсін! Жер арасы шалғай, ит арқасы қиян. Әкең қолымызда туып еді, марқұмға бата ғып қайтайын деп талпындым, қысқа жіп күрмеуге келмеді, жиенжан!... Өз қолымызда қысы-жазы шыр бітпейтін жалғыз кәрі мәстектен басқа жылқы жоқ. Онымен ұзап жол шыға алмайсың. Балаларым өліп-өліп, өлім сарқытындай болған мынау жалғыз бала, – деді қарт Төлебайды саусағымен нұсқап, – біріншіден, жуас, өз бетімен ұзақ

жолға шыға алмайды; екіншіден, тон келте, қол қысқа болған соң, жарғақ құлағы жастыққа тимейді, кемпір-шалды асыраймын деп, қысы-жазы тізесін бүкпейді.

Сол кезде тұсымыздағы жолмен жайдақ тарантасқа зор денелі көк ат жеккен сарғылт қаба сақалды орыс өте берді.

– Андрей ғой мынау, – деді Төлебай, – беті біздің ауыл екен, тамыр орыс еді, ала кет дейін бізді.

Төлебай дыбыс беріп орысты тоқтатты да, қасына барып сөйлесіп, атын бұрып алып келді. Ұзын бойлы, ашаң жүзді Андрей Жабай қартпен шүйіркелесе кетті. Жабайдың тіліне қарасам, орыс сөздерін маймаңдатып, акцентсіз әдемі сөйлеп барады. Со жәйді айтып мен Төлебайға сыбырлап ем:

– Орысша оқығаны бар, – деді маған Төлебай ақырын дауыспен.

Тарантасқа Жабай қарт пысық адыммен барып өзі мінді. Мен сыпайылық қып, Төлебайға :

– Жалғыз ат, жер саз, жаяу барсақ қайтеді? – деп ем, сөзімді естіп қалған Андрей:

– Қорықпа, жігіт! – деді маған. – Ат мықты, тағы төрт кісі мінсе де тартады.

Тарантасқа мініп, жүріп кеттік. Шал Андреймен кеңесе бастады. Әуелгі сөз Есілдің тасуы туралы болды. Жабайдың айтуы бойынша, көп уақыттан бері өзеннің биыл аса бір мол тасуы. Діншіл, ырымшыл Жабайдың жоруы бойынша, «бұндай тасу елге ырыс орнар жылда ғана болмақ ...». Одан әрі Андрейден селосының хал-жайын, егінге даярлығын біраз сұраған Жабай:

... – Жиенжан! – деді қарт мені қасына ала төрге отырғаннан кейін, – өзінің Керейің Тосан би дау-дамайға баратын болса, Таз Керей Киікбай биді ала кетеді екен дейді. Киікбайды Тоқсан «кілтім» дейді екен. Киікбай жақ біткеннің шешені болса керек, жиын топта сөзді Киікбай бастап, даудың бетін ашып береді екен де, Тоқсан кезегі келген жерде бір ауыз тетігін таба қояды екен.

– Сонымен, – деді Жәкең аз кідіріп, – бір кезде Жоғары Арғын, Найманның арасында зор дау болып, қос атпен Тоқсанға шапқын келіпті. Тоқсан Киікбайды ала кетпек болады. Бұрын ол үйге Тоқсан барып көрген жоқ екен деді. Таң жаңа атып, қой жаңа ғана өре бастаған уақыт болса керек. Киікбайдың үйі ауылдың қай тұсында екенін Тоқсан шамалай алмай келе жатса, құман ұстап, күпі жамылған біреу дәретке шығып келеді екен. Қасына келсе – Киікбай!.. Үсті жүдеу!.. Тоқсан аттан түсе ғап, Киікбаймен құшақтасып көрісіпті. Сонда Киікбай:

Уау, Тоқсанжан, Тоқсанжан
Бұл бір кезім тоқталған.
Үй артынан жау келді
Сұр жебесін оқтанған, – депті.

Бұл сөзден Киікбайдың қонақ келгенге қысылып қалғанын түсінген
Тоқсан:

- Киеке, сонша неге таусыла сөйледің? – десе:
- Қара өзек шақтың көжесі

Қарында емес, қуықта.
Қара торсық жерде емес,
Ілулі тұр уықта
Болған соң солай, Тоқсанжан,
Жоқпын деп қалай мақтанам?
Мақтанайын несіне,
Жан алатын Әзірейіл
Алыста емес, жуықта, – депті.

– Сол Киікбай айтқандай, – деді Жабай күрсініп, – нағашы апаң ет иісін шығарғанмен атағы «ет» демесе, мәні болмас, жиенжан, бала жасық-жауған бірдемеге ортақтасып, сирақ-мирақ дегендей, күздігүні бірдеме алған, жылтырары шамалы шығар, ықыласқа разы боларсың.

– Рахмет, нағашы, мен асты емес, сізді іздеп келдім.

– Ал жиен, – деді Жәкең ас ішілгеннен кейін, – кәрі кісінің сөзі көп болады, мылжыңсың деп сөкпе!

– О не дегеніңіз, нағашы? Маған керегі – кеңес.

– Баяғыда Әз-Жәнібекке Қошқар би айтты деп еді: «Қол бастап, жол алайын деген ұл екенсің, сөз бастап, би болайын деген ұл екенсің» деп, сол айтқандай, кеңеске үйір болсаң, жаман ұл болмассың, жиен.

– Құлағым сізде, нағашы.

– Ауылыңда Нұртаза дейтін шешен бар деп естіп ем, аман ба ол?

– Мен ауылдан былтыр күз аттанғанда аман еді, одан бері хабарым жоқ.

– Өзін көрмегенмен, әкесі Оспанды көріп ем, жиен, шежіре кісі еді, көрген жұрт Нұртазаны соған тартты деседі. Ата жайларыңды сұрастырдың ба одан?

– Сұрастырдым және жазып та алды .

– Кәне, таратып көрші аталарыңды, жазып алсаң!..

Мен білгенімді айта бастадым: әкем Мұқан, оның әкесі Шүкей, оның әкесі Бектемір, оның әкесі Байбарақ, оның әкесі Сырымбет, оның әкесі Отарбай, оның әкесі Қосай, оның әкесі Сибан, оның әкесі Танаш ...

– Біледі екенсің. Ар жағын айтпай-ақ қой, – деді Жабай сөзімді бөліп.

Со кезде ас та даяр боп қалды. Астан кейін Жабайдың өз жайын сұрасам, ол 1826 жылы туыпты. Оның әкесі Жарқымбай дейтін бір немересін Қызылжардағы орыс оқуына бергенде, Жабайды күштуші есебінде қасына ертеді. Топас Жарқымбай әлденеше жыл оқып түк білмей қайтқанда, Жабай орысша жақсы сауатты адам боп шығады. Сол кезде ол маңайдың аға сұлтаны Зілғараның Мұсасы деген кісі екен. Мұса әрі пысық, әрі сауатты Жабайды өзіне тілмәш қып алады. Бірақ ол қызметтен тез қуылады. Оның себебін кейін айтамыз.

Қызметтен босаған Жабай Шопанның Қошығұлы деген байға піркәшик болып, саудасын жүргізеді. Осы сапарында ол бір шеті Кетрам-пор (Екатеринбург), Самар, Орынборды, бір шеті Хиуа, Үргенішті, бір шеті Қоңыр, Құлжаны аралайды...

Кейін бұл қызметтен шығып, атқа мінуге жарамай қартайғанға дейін лесниктің міндетін атқарады.

Жабайдың ертеде алған әйелі де, балалары да өледі. Мен көрген әйелі Бөлек тапырықтау мұрынды, кара өңді, қалыңдау ерінді, ұзындау арық өңсіз әйел екен, шаруа бағудан басқада жұмысы жоқ, шалын аса күтеді. Бөлектен туған қыздар ұзатылған, ұлы- жалғыз Төлебай.

Жабайдың үйіне мен екі-үш қонып, асықпай ұзақ кеңестім. Сонда келген қорытындым: қазақтың талай шежіре қартын көре жүре, мұндай білімдісін кездестірген емен. Ол халық аузында жүрген сөздерді шексіз көп білумен қатар, орысша да сауатты, орыс тілінде жазылған әдебиеттен, тарихи кітаптардан бірталай мәліметі бар, орыстың тілін қатесіз сөйлейді.

Кеңесіп отырған сағаттарда Жабай маған қазақ халқының тірі тарихы сияктанып кетеді. Бұрынғы хат білмейтін ауылда «шежіре» атанған адамдар болған ғой, олар қазақ халқының басынан өткен күндердің бәрінен хабардар боп, әрбір тарихи уақиғаларды қызық түрде ауызша айтып беретін ғой. Жабай да сондай памяті күшті және сол памяті, жасы тоқсаннан асқанмен, мұқалмай, тың сақталған адамның бірі. Кейін «Колхозды ауыл осындай» деген атпен жазған бір өлеңімде мен ойда қалған Кенбай қартты:

Ертегі, өлең-жырдың, шежіренің

Миы бай, көркем, сұлу антологиясы, – деп сипаттадым. Сонда есімде отырған «антологияның» бірі осы Жабай қарт болған еді.

Шежіреші де екі түрлі болатын: бірі – атымен сауатсыз. Олар ақылды және зерек адам бола тұра, ел өмірінің бертіндегі уақиғалары болмаса, әртіндегі бұлдыр тартқан уақиғаларына келгенде, әр шоқысының басына бір қонып, кең өлкесін діл басып, тегіс аралауға тайғанақтайтын, сондықтан олардың әрқайсысының сөзінен жарықшақтар, қайшылықтар табыла беретін. Ал енді бір шежірешілер не мұсылманша, не орысша хат білгендіктен, естіген не оқыған уақиғаларын жазып ап, көбінесе дәл түсетін. Жабай қарт соңғы жүйелі адамдардың қатарына жатады. Мұсылманша аздап, орысша жақсылап оқыған ол күші бар кезінде орысша, түрікше тарихи кітаптарды көп қарап, жай мәлімет алған, ол мәліметтерге халық аузындағы мәліметтер қосылған. Солардың көбі есінде дұрыс сақталған.

Естіген-білгенін Жабай жазып та жүреді екен. Ол тетрадьтарын сол елде халықтың ауыз әдебиетін жинаған Мейрам Исхақов деген қарт мұғалім менен бұрын алып кеткен екен. Кейін сұрасам, ұрлатып апты.

Жабай қазақ халқының тағдырына көп қайғыратын адам екен. Бұл мәселедегі оның ой-пікірлері кеңесіп отырған шақта сұрау, жауаптардан көрініп отырады.

Бір сәтте ол маған:

– Шежірешілер Аламан деген адамнан Сейілхан, Жайылхан туды деді. Сейілханнан сегіз арыс Түрікпен тарайды, Жайылханнан Қазақ, Созақ, Созақтан Қарақалпақ тарайды дейді, соған қалай қарайсың? – деп сұрады.

Тарихтан аздаған хабардым бар мен: «Қай елде болса да, бір ғана адамнан тарады деу қате», – деп өз пікірімді айтсам:

– Мен де солай ойлаймын, саған мен тек шежіре жайын айтып отырмын, – дейді. Одан әрі Жәкең: – Біз, қазақ, Ұлы жүз, Орта жүз, Кіші жүз боп үш жүзге бөлінеміз ғой», – деп, қалай бөлінетінін, қай жүзге қандай рулар кіретінін айта кеп: – Осы үш жүздің ешуақытта басы бір жерге қосылған емес, – деп аяқтайды сөзін, – бір кезде оны моңғол Шыңғыстың Алтынорда, Көкорда деген хандықтары бөліп ап құлданды. Одан кейін мынау Орта Азияның Хиуа, Бұхар, Қоқан аталған хандықтары бөліп ап құлданады. Ақыры, қазақ екіге бөлініп кетті: көпшілігі Россияда, азшылығы Қытайда.

– Қытайда қанша қазақ барын білдіңіз бе? – деймін мен.

– О бір жылдары Қоңыр-Құлжаның жәрмеңкесіне барған қытай қазақтарымен жолықтым, солардың айтуынша, екі жүз мың түтіндей бар көрінеді, шамасы ол миллионға жақын халық қой. Ал біздің Россияда үш миллиондай халық бар деп жүр ғой тарихшылар.

Россияға бағынуды Жәкең қазаққа зор бақыт деп санайды.

– Көшпелі, өнерсіз ел болдық қой біз, – дейді ол, – сондықтан ұстағанның қолында, тістегеннің аузында жүрдік қой. Көрші елдерден

бізді қай ел шаппады, қай ел таламады... Ең соңғы ойсырай талануымыз «Ақтабан шұбырынды, Алқакөл сұламаның» кезі, – дейді Жәкең демін ауыр алып, – білесің бе, жиен, оның не екенін?

– Есіттім, – деймін мен, – бірақ тым қанық емеспін. Айта беріңіз.

– Алматы, Қапал дейтін қалалар бар. Қошығұлдың саудасымен мен ол қалаларға да бардым. Сол жерлерде бұдан екі жүз жылдар бұрын Жоңғар-Қалмақ аталатын хандық құрылып, көршілес қазақ ауылдарын шапқан да отырған. Соңғы шабуыл – 1723 жыл. Сол жылы жаңбыр болмай, жайылымдағы малдар жаздыгүні оттан ашыға бастаған. Халық алдағы жылда жұт болудан қорқып жүрген кезде, Жоңғар хандығы қазақ ауылдарын тағы кеп шауып, көп адамын қырған, көп мал-мүлкін талаған. Ұлы жүзді ол түгелімен басып алған. Дүркірей қашқан Кіші жүздің аман құтылғаны Еділ, Жайық бойындағы орысқа барып паналаған, Орта жүз Ертіс пен Есіл бойындағы орысқа барып паналаған. Орыс оларды құшақ жая қарсы алып пана болғаннан кейін, сырттағы жау енді келіп шабуға бата алмаған. Біздің Россияға бағынған тарихымыз осылай, жиенжан.

– Бірақ Россияның патшасы да қазақты аз жәбірлеген жоқ кой? – деймін мен.

– Ол патша! – дейді Жәкең. – Халық ше ? Орыс халқын жаман дей аласың ба?

– Әрине, халқы жақсы.

– Мәселе сонда! – дейді Жәкең. – Ал патшаға келсең, ханы бар, сұлтаны бар, болысы бар, – қазақтың өз ішінен шыққан әкімдері оңдырды ма қазақты?...

Сабит Муканов (1900-1973)

Мукановым написаны литературно-критические статьи «Абай – классик казахской литературы», «Жамбыл – народный поэт Казахстана», «Сакен Сейфуллин».

Школа жизни *Отрывки из трилогии*

Дед Жабай, знаток старины

С Толебаем, сыном Жабая, иду к берегу Ишима. Ноги вязнут и скользят в липкой грязи. Пронзительный ветер проникает своими ледяными руками под одежду и обшаривает тело. Чем дальше мы идем, тем

упрямее и свирепее становится ветер. Он словно отталкивает нас назад. Но мы упорнее его. Мы продвигаемся вперед, в единоборстве с ветром иногда оказываемся побежденными. Он часто останавливает нас и заставляет передохнуть. Собрав силы, мы снова идем вперед.

– Такая буря случается в годы сильного разлива Ишима, – с трудом произносит Толебай: ветер мешает ему говорить.

– Но где река? Её что-то не видно! – кричу я в ответ.

Толебай забегает вперед и становится спиной к ветру.

– Мы идем к высокому отвесному берегу. Вода может перехлестнуть и через него. А тот берег пологий. Он весь зарос тугаем.

Ветер относит слова Толебая далеко назад. Мы двигаемся дальше и выбираемся, наконец, на подсохшую тропку, идущую вдоль гребня слившихся в невысокую цепь холмов. Мы идем разыскивать моего самого старого родича – аксакала Жабая.

– Далеко ещё? – я уже задыхаюсь от усталости.

– Порядочно...

– И зачем только аксакал ушел в такую даль?

Когда мы снова останавливаемся передохнуть, Толебай рассказывает мне о своем отце. Каждый год Жабай любит наблюдать ледоход на Ишима. Как только с верховьев, со стороны Алаколя и Салтыка, приходят вести, что Ишим вот-вот тронется, старик на заре, одевшись потеплее, уходит к берегу. Он давно облюбывал себе удобное место, и его можно всегда застать там в эти весенние дни.

– Но ведь труден путь для старика. Мы с тобой молодые, а задыхаемся. Едва сумели выбраться из грязи.

– Э-э, наш аксакал крепок и заткнет за пояс не одного джигита.

Мне не верится.

– Постой, Толебай, а сколько ему лет?

– Девяносто третий идет.

– Стало быть, ты родился, когда старику было шестьдесят два года?

– Выходит так. Да не улыбайся ты, ради бога! Запомни: моей матери Бубек – ты её видел – шел всего шестнадцатый год, когда она стала женой отца, а ему было уже пятьдесят шесть. Я третий ребенок у неё. И после меня она родила ещё троих. Теперь она выглядит куда старше отца...

Так, беседуя на коротких остановках, мы подошли к самому берегу. Перед нами открылась река, разлившаяся до самого горизонта. Сталкиваясь и громоздясь друг на друга, стремительно плыли огромные льдины. К ним прибывало мусор, охапки камыша, какие-то бревна. Вырванные с корнем деревья мчались в низовья.

– Ишим! – воскликнул Толебай. – Ох, и разлился, могучий! Такого половодья я ещё не видел.

Для меня, выросшего у небольшого степного озера, эта картина безбрежной и яростной воды представлялась необыкновенной. Гневная и богатырская сила вырвалась на волю. Едва я останавливал взгляд на каком-нибудь обломке дерева, как стремительная волна уносила его дальше, и через несколько мгновений я уже не мог отыскать его в хаосе воды и льда...

– Посмотри, посмотри! – слышу я крик Толебая. – Да на середину реки, дальше!

На небольшой льдине уплывал одинокий волк.

Для жителей скотоводческого аула нет врага опаснее и злее волка. Серый хищник досаждал и мне не однажды.

Но здесь, на обломке льдины, он, плывущий к своей неминуемой гибели, беспомощный и мокрый, впервые вызвал у меня жалость. Присев на задние лапы, схожий с муллой во время молитвы, он, казалось мне, жалобно смотрел на нас, умоляя о спасении.

Позднее нам довелось увидеть ещё более скорбное, хватающее за душу зрелище. На стрежне разлившейся реки неслась большая плоская льдина. Скользя и падая, по ней метался человек, видимо чабан, врасплох застигнутый бедствием. Сжавшиеся в кучку овцы оглашали реку тревожным блеянием. Что-то напоминающее детский плач слышалось в нем. А льдину уносило дальше и дальше. И вот она уже скрылась. Но в глазах продолжала метаться одинокая фигура чабана. Боль сжимала мое сердце. Но что могли мы сделать?

– Ишим, Ишим! – тяжело вздохнул Толебай. – Он и в милости щедр, и в гневе неистов. Случалось, в половодье он сносил целые аулы. Гибли люди, табуны, жалкое аульное имущество...

Толебай с горечью махнул рукой. Весь остальной путь до заветного места Жабая мы не обмолвились и словом.

И только когда показалось раскидистое одинокое дерево, Толебай всмотрелся, вытягивая шею, и сказал:

– Отец, наверно, там, на иве...

Ива? Что это за ива? В нашем ауле некий Кымбат-баксы, лекарь-шаман, лечивший заклинаниями многие болезни, начинал обычно свои причитания словами:

Волшебной силой кобыз наделен –
Из корня ивы, значит, сделан он.
Мы подходили к нему все ближе и ближе.

«Так вот она какая, ива!» – подумал я, рассматривая дерево. Видно, его корни вдоволь получали воды – так широко оно разрослось, образуя

приземистый шатер, под которым мог укрыться целый дворик. В четыре-пять обхватов был его невысокий ствол, от которого отходили ветви, способные выдержать любую тяжесть. Ива стояла на самом краю высокого и крутого яра, нависая над Ишимом. И без листьев дерево выглядело густым.

– Ну вот и отец.

Удобно пристроившись в чаще веток, спиной к нам сидел человек в теплой шубе и в старой лисьей шапке – тымаке.

– Отец, отец! – крикнул Толебай, но шум ветра и ледохода заглушал его слова.

Наклонившись ко мне, Толебай шепнул, что Жаке немного туговат на ухо, и ещё громче позвал отца.

Старик повернул голову, и я увидел лицо, обрамленное космами седых волос. Из-под кустистых белых бровей внимательно и пронзительно глядели маленькие выпуклые глаза. Вместе с небольшим ястребиным носом они придавали лицу напряженность и какую-то птичью зоркость.

– Толебай мой, это ты? – Голос его был глуховат, но отчетлив, каждое слово старик выговаривал отдельно. – А с тобой кто?

– Ты, отец, сперва спускайся к нам, а потом я тебе все скажу. Дай я тебе помогу.

И Толебай осторожно подсобил отцу выбраться из своего уютного гнезда на землю. Я почтительно поздоровался и протянул руки аксакалу. Но он обратился не ко мне, а снова к сыну:

– Так ты не сказал мне, кто этот джигит...

– Племянник твой, – похлопал меня по плечу Толебай.

– Какой племянник?!

– Ведь у тебя были близкие родичи – Мукан и Тайжаки. Он сын Мукана.

– Что ты говоришь! – совсем другим тоном, радостно и удивленно, воскликнул старик.

– Это истинная правда, отец! Он возвращается после учения из Омска. Думает теперь пожить дома, а перед этим решил показаться тебе. Не застал тебя в ауле и вот пришел сюда.

– О боже, милый мой, подойди сюда!

Старик крепко обнял меня. По его морщинкам к седой бороде бежали слезы. Не сдержал своих слез и я.

– Здесь, под ивой, и сухо и тихо, как в юрте. Она оберегает нас от ветра. Давайте посидим!

Старик, смахивая слезы, сел прямо на землю, рядом расположились мы с Толебаем.

– Моя память хранит многих ушедших, – тяжело вздохнул аксакал. – Я видел твоего отца – Мукана, отца Мукана – Шукея, отца Шукея – Бектемира. Видал твою мать Балсары и её отца – Байтилеу. Никого из них нет в живых. Как старый козел, забытый откочевавшими хозяевами на стоянке брошенного аула, жду я моего последнего часа. Вот уже и за девяносто перешагнул. Трудно мне ходить по земле. Твои родители в расцвете сил ушли из жизни, не знали тяжести долгих годов, да будет им пухом земля! Сколько раз я собирался поехать после смерти Мукана к вам и помянуть покойного, но не сумел завязать в узел нитку, не навестил вас. Одна кляча была в моем хозяйстве, не поедешь на ней в далекий путь. Дети мои умерли, и только одного Толебая пощадила смерть. Он одна моя опора, круглый год гнет спину, чтобы прокормить меня и старуху.

В это время неподалеку от берега проезжал на серой лошади, запряженной в легкий ходок, светлородый русский человек.

– Это же Андрей, – узнал путника Толебай, – добрый наш тамыр, он и довезет нас до аула!

При имени Андрея Жабай кивнул головой.

Путник подъехал к нам, и все трое оживленно заговорили, перемежая русские и казахские слова и одинаково хорошо понимая их.

Мы удобно устроились в ходке Андрея и поехали обратно к аулу. Дорогой разговор шел о разливе Ишима. Наблюдательный суеверный Жабай считал большое половодье хорошей приметой.

– Это к народному счастью, не иначе, – говорил он, убежденно поблескивая из-под лохматых бровей желтоватыми, птичьими глазами, – река разлилась на радость людям.

И, немного помедлив, стал расспрашивать Андрея о знакомых мужиках, об обычных сельских делах весною, а потом понизил голос, словно мы были не одни:

– Ну, а что слышно о красных?

Андрей замахнулся кнутом на лошадь, бросив в мою сторону беглый, настороженный взгляд, который сразу перехватил Толебай.

– Можешь не сомневаться, наш близкий, родня!

Но и тут Андрей ответил после продолжительной паузы:

– О красных спрашиваете? Это смотря по тому, кому верить. Колчак утверждает – красные бегут к Москве, а есть и другие слухи – будто они двигаются уже из Челябинска сюда, в нашу степь.

– Это будет вернее, – поддакнул Жабай.

– Вернее? А почему? – По лицу Андрея пробежала лукавая усмешка.

– Кто убегает – задыхается, кто догоняет – дышит свободнее, – почти пословицей отвечал Жабай. – Разве вы не видите, что Колчак уже задыхается?

– Но откуда вы это взяли, аксакал?

– А у меня свои приметы есть. Неспokoйными стали колчаковцы. Что о них сказать, если они и мою последнюю клячу забрали? На ней далеко не уедешь. Верно, уж околела где-нибудь.

– Что же они увели у вас единственную лошаденку, когда у баев Сахипкерея и Каппаса гуляют целые табуны?

На вопрос Андрея не последовало прямого ответа, да и сам Андрей не настаивал на продолжении разговора. Я догадался, что он соблюдал осторожность, не очень доверяя мне. А позднее мне стало известно, что Андрей был красноармейцем и выполнял поручения подпольной организации.

Так мы доехали до жилища Жабая. Андрей, несмотря на радушные и настойчивые приглашения остаться покушать, продолжал дальний свой путь.

Землянка старика, в которой я уже побывал с утра, поражала своей теснотой. Рослый человек мог подпереть головой её потолок, а растянувшись на полу, занимал пространство от стены до стены. Маленькое оконце было затянуто вместо стекла сухой, желтоватой оболочкой бараньего желудка. Свет едва проникал сюда, а в этот час здесь и вовсе царил полумрак из-за густого пара, поднимавшегося от котла. С трудом разглядел я, что этот котел был вмазан в маленькую печку, прилепившуюся в уголке. Кусок старой кошмы составлял чуть не единственное украшение землянки.

Пар, поднимавшийся от котла, наполнял жилище Жабая запахом вареного мяса.

– Старуха! – произнес Жабай, входя в землянку.

Она откликнулась тихим, глуховатым голосом, звучащим ещё слабее в этой тесной исчадии.

– Хорошо, старуха, что у тебя мясом запахло. Я думал, ты последние косточки вытрясла из ларя. Значит, наш жиен не будет голодным. Ведь у нас гостит первый раз.

Старик усадил меня на почетное место, соблюдая обычай и в убогом своем жилище. И чтобы время ожидания обеда не показалось тоскливым ни мне, ни ему, он сразу начал рассказывать одну из тех бесчисленных историй, которыми была так богата его память.

– Знаешь ли ты, дорогой мой, что бий Токсан вашего рода Керей, уезжая на разрешение тяжб, всегда брал с собой бия Киикбая, которого называл «своим ключом»? Киикбай отличался необыкновенным красноречием и во время родовых споров всегда брал первое слово и излагал

во всех подробностях суть дела. После выступления остролова Киикбая Токсану оставалось только вынести решение. Так вот однажды завязался большой спор между верхними аргынами и найманами. За Токсаном приехали гонца. Токсан, как всегда, решил взять с собой Киикбая. Ранним утром, когда выводили на пастбища овец, он подъехал к его аулу, в котором раньше никогда не был.

Стал он разыскивать жилище бия и вдруг заметил человека в накинутом на плечо халате, только что вышедшего из кибитки с кумганом. Токсан подъехал ближе. Вгляделся. Оказывается, это был Киикбай. Он спешился, пошел навстречу «своему ключу», ласково поздоровался с ним. С грустью сказал Киикбай стихами:

О мой Токсан! В несчастный час
Ты навестить приехал нас.
Гроза отточенным мечом,
Опасный враг ворвался в дом.

Токсан разгадал смысл стихов, понял, что Киикбай не готов к приему гостя, и попробовал его утешить: «Но зачем так огорчаешься, Киике?»

Тогда Киике продолжил свой стихотворный ответ:

Пойми меня, мой добрый гость:
Пшена у нас всего лишь горсть,
Торсук, где должен быть кумыс,
Пустым на кереге повис.

И сам я, мой тамыр и друг,
Давно уж пуст, как тот торсук,
Меня зовет в страну могил
Посланец смерти Азраил.

– Ты понял, мой жиен, почему я все это вспомнил? Моя землянка сейчас очень похожа на кибитку Киикбая. И если ты чувствуешь приятный запах мяса, то не думай, что наше угощение будет слишком жирным. Сдается мне, что твоя тетя варит постные косточки. Будь доволен не обильной пищей, а нашим радушием.

Я поблагодарил Жабая за доброе слово и успокоил его, что приехал не угощаться, а повидать своего самого старого, уважаемого родича.

После чая, предшествующего, по обычаю, обеду, Жабай снова усадил меня рядом, на почетное место, и сказал:

– Не суди меня строго, жиен¹, не называя меня болтуном. Ты ведь знаешь, что старые люди любят поговорить.

Но я от всей души заверил аксакала, что для меня нет ничего слаще хорошей беседы. Мое признание обрадовало старика.

– Значит, хорошим человеком ты будешь, Сабит! В старину хан Азжанибек говорил Бию Кошкару: «Вижу я, ты красноречив и отважен. Повесть воинов – вернешься с добычей, в спорах победишь острословием».

Старик передохнул, как бы что-то припоминая, и спросил:

– Слышал я, что в вашем ауле есть острослов Нуртаза. Жив ли он теперь?

– Прошлой осенью, когда я уезжал из аула, он был здоров, а что сейчас с ним, не знаю.

– Мне не доводилось встречаться с ним, но отца его, Оспана, я знал хорошо. Он был большим знатоком старины. Говорят, что Нуртаза пошел в отца. Он тебе не рассказывал твою родословную?

– Ещё бы, дедушка! Я даже записывал.

– Ну, а если записывал, перескажи мне её.

Я стал бойко рассказывать: мой отец – Муқан, его отец – Шукей, отец Шукея – Бектемир, отец Бектемира – Байбарак, отец Байбарака – Сырымбет, отец Сырымбета – Отарбай, отец Отарбая – Косай, отец Косая – Сыйбан, отец Сыйбана – Танаш...

– Довольно! – перебил старик. – Это хорошо, что ты знаешь.

Мы приступили к обеду, а закончив скромную трапезу, снова вернулись к рассказам о старине. Я расспрашивал Жабая о нем самом, и скоро в мою память вошла его жизнь, примечательная не только долголетием, но и многими интересными событиями.

Он родился в 1826 году. Отец Жабая, Байгулы, работал у бая Шопана. Бай Шопан, посылая своего племянника Жаркымбая в Петропавловск учиться русской грамоте, дал ему в слуги молодого Жабая. Жаркымбай оказался на редкость тупым и ленивым учеником, зато Жабай был способным и прилежным. Прошло несколько лет. Оба вернулись в аул. Жаркымбай как был, так и остался неграмотным, а слуга Жабай научился и говорить и писать по-русски. Султан здешних мест Муса Зильгарин взял сообразительного и грамотного Жабая к себе на должность толмача – переводчика. Жабай недолго служил у султана и стал приказчиком богатого бая Кошыгула; по его торговым делам где только не пришлось побывать Жабая: и в русских городах – Екатеринбурге, Самаре, Оренбурге, и в городах Средней Азии – Хиве, Ургенче, Копыре и Кульдже.

¹ Жиен – обращение к племяннику.

Много пространствовал в юные и зрелые годы, Жабай с наступлением старости стал лесничим.

Умерла первая жена Жабая и все дети от неё. Вторая его жена Бубек, худая и очень некрасивая, трогательно любила своего старика и, как только могла, заботилась о нем. Их дочери были замужем, и под одной крышей с престарелыми родителями жил их единственный сын Толебай.

Несколько дней я гостил у Жабая и долгие часы беседовал с ним, привыкая к мудрой и неторопливой его речи. Уже в те годы немало я встречал бывалых рассказчиков, то такого знатока народной старины ещё не попадалось мне на моем пути. В его памяти хранилось огромное богатство сказаний, сказок, былин и поэм, пословиц и поговорок, изречений, запечатлевших вековую народную мудрость. К тому же, зная русскую грамоту, он прочитал порядочно русских книг, и художественных и исторических, и был сведущ в том, о чем и понятия не имели аульные жители.

Он мне казался живой историей моего народа.

Прежде в степных аулах нередко можно было встретить бывалых, знающих старину людей. Их называли шежере- летописцами – за глубокое знание подробностей многих исторических событий и умение увлекательно рассказывать о них. Богатой памятью шежере отличался и Жабай даже в преклонном возрасте. В своих стихах «Вот он, аул колхозный», описывая деда, который

В свой ум, как в книгу памяти народной,
Вместил все песни, сказки прошлых лет, –

я видел перед собой моего старого родича Жабая.

Обычно шежере за свою жизнь не писали ни одной строчки. Природный ум, пылливость и память помогали им ясно представлять события более поздних лет. Что касается отдаленных времен, то здесь они запоминали из уст других лишь разрозненные случаи и эпизоды, не умея их связывать в одно стройное целое. И немудрено, что шежере часто противоречили друг другу, рассказывая по-разному одни и те же эпизоды.

Но были и другие шежере, знавшие арабскую или русскую грамоту. Они записывали слышанное и прочитанное. Умели последовательно излагать события минувших веков, и их рассказы отличались большой достоверностью. Именно таким шежере и был дед Жабай. Он умел читать по-арабски и был довольно силен в русской грамоте. И, знакомясь с историей по русским и тюркским книгам, одновременно запоминал и устные народные предания.

Дед Жабай некоторое время записывал и прочитанное, и услышанное. Но ещё до встречи с аксакалом эти записи выпросил у него старый

аульный учитель Мейрам Исаков. Позднее я познакомился с Мейрамом и очень огорчился, когда узнал, что ему не удалось сохранить тетрадки Жабая. Однако часть этих материалов поместил в книжке «Казахские пословицы и поговорки», которую составил и издал в дореволюционное время.

Старый Жабай потому и любил историю, что часто задумывался над судьбой своего народа и печалился о нем. Но и в рассказах Жабая правда часто перемежалась с вымыслом.

– Знаешь ли ты, – говорил он мне, – что многие шежере утверждают: жил один человек по имени Аламан, и два сына было у него – Сейлхан и Жайлхан. От Сейлхана берут начало туркмены, а от Жайлхана – казахи и каракалпаки. Что ты думаешь об этом?

Я уже в те времена был немного знаком с историей и сказал Жабая, что едва ли может быть верным утверждение, что народ произошел от одного человека.

– Правильно, жиен, – согласился аксакал, – но эту родословную следует знать как сказку, легенду.

И дальше рассказывал Жабай:

– Наш казахский народ, как ты, наверное, знаешь, делится на Большой, Средний и Малый жузы, или орды.

Тут он добавил, что и его род Аргын, и мой род Керей относятся к Среднему жузу. И заметил полушутя, что отцом Керея считают чалого кобеля. Чтобы ненароком я не обиделся, он успокоил меня, что не только у Кереев, а во многих легендах отцом человека называют животных. И он привел много интересных рассказов об этих вымышленных «отцах» казахских родов.

– Три эти жуза, – продолжал он, – никогда не были объединены. Непрерывно происходили у них раздоры и междоусобицы. И от этого ещё сильнее страдал народ. Было время – завоевали монголы, мы подпали под иго Золотой Орды и Синей Орды. Потом казахов делили между собой ханства Хивы, Бухары и Коканда. И настало время, когда казахи распались на две неравные части: большинство присоединилось к России, меньшинство – к Китаю. Бывал я в молодости на Коныр-Кульджинской ярмарке и там встречался с китайскими казахами. Их, как они сами считают, живет в Китае около двухсот тысяч домов – семей. Это около миллиона душ. А в России, по крайней мере, в три раза больше.

Принятие казахами русского подданства Жабай считал большим счастьем.

– А как же, сынок, иначе? Ведь мы были невежественным народом, кто только нами не помыкал... Кто только не нападал на нас, кто не грабил...

Слышал ли ты о том страшном разгроме, который произошел в пору великого переселения – Актабан шубырынды? Два века назад страшные беды обрушились на наш народ. – И Жабай глубоко вздохнул. – Так слышал ли ты об этом?

– Слышал, – ответил я, но мне очень хотелось, чтобы вы рассказали подробнее.

– Так вот, дорогой мой, кому у нас в степи не известны города Верный и Капал. Случалось и мне там побывать во время странствий по торговым делам Кошыгула. Двести лет тому назад в этом крае был центр ханства джунгарских калмыков. Вокруг Верного и Капала в Семиречье я видел сам джунгарские курганы и развалины ханских ставок. Оттуда джунгары и напали на соседние казахские аулы. Последний их набег, я узнал из книг, был в тысяча семьсот двадцать третьем году. Но в народной памяти и без книг сохранились рассказы об этой большой беде. Засушливым было лето в год джунгарского набега. Ни одна капля дождя не упала на землю, пропадали травы, скот начинал голодать. Наступила зима, сулящая по всем приметам джунг – гололедицу. И вот в это тревожное время войска джунгарского хана напали на казахские аулы. Они грабили и сжигали их, захватывали скот, убивали людей, а оставшихся в живых увозили в рабство. Джунгары овладели почти всеми родами Большого жуза, казахи Малого жуза бежали на Волгу и Яик, аулы Среднего жуза откочевали в долины Ишима и Иртыша. Малый и Средний жузы нашли защиту у русских, встретивших их дружелюбно и тепло. С той поры казахские аулы смогли зажить мирной жизнью. Вот почему, мой жиен, наш народ подчинился России.

Я спросил у Жабая о русских царях и их слугах:

– Ведь они тоже угнетали наш народ?

– Цари всегда остаются царями, – отвечал Жабай, – тут удивляться нечему. А разве казахские ханы и султаны, слуги русского царя, не угнетали своих сородичей? Но при чем тут русский народ? Я тебе расскажу, Сабит, о твоих предках. Много невеселого можешь ты узнать.

И хотя я не в первый раз слышал рассказы о своих предках, я чутко внимал Жабая, потому что многое он знал так, как никто другой.

– Известна ли тебе, сынок, гора Сырымбет? – спрашивал он меня.

– Хорошо известна. Я даже видел её в детстве, когда ездил в Кокчетав.

– А почему она так называется?

Но тут я уже ничего не мог ответить Жабая.

– Разве ты не слышал, что твой праотец в пятом колене носил имя Сырымбета? И эта гора была его становищем.

– Но ведь наши предки покинули гору Сырымбет?

– Ты совершенно прав, сынок. После смерти Аблая ханство Среднего жуза досталось его старшему сыну Вали. Он пленился красивой природой горы Сырымбет, согнал оттуда твоих праотцов и занял их становище. Твоим предкам пришлось откочевать в урочище Маулют. Русские назвали его Мамлюткой. Теперь там железнодорожная станция.

– Однако моим предкам пришлось бежать и оттуда.

– Верно, мой жиен, И случилось так по вине Зильгары. Слушай меня внимательно. Царские власти уничтожили ханство и разделили сибирских казахов на шесть округов-дуанов: Кусмурунский, Кокчетавский, Акмолинский, Баянский, Каркаралинский и Аягузский. Во главе каждого дуана были поставлены ага-султаны – правители. Не все из них принадлежали высшему ханскому роду, кое-кто относился и к черной кости, но все они были богатыми баями. Зильгара Каратокин, несмотря на черную кость, слыл одним из самых влиятельных султанов. К тому же он был хитер и услужлив. Царские власти не забывали о нем и щедро одаривали его чинами, грамотами, дорогими халатами. Ему было пожаловано дворянство и первому из казахских баев нарезаны земельные угодья. Чувствуя царскую милость и защиту, Зильгара творил с простым народом что ему вздумается. Никакой управы не было на него. И дважды он жестоко обидел твоих предков. Ты прадеда Бектемира знаешь?

Я кивнул головой и поторопил Жабая рассказать дальше. – А слышал ли ты, что у него было два младших брата – Бекара и Токкары?

И о младших братьях я тоже слышал.

– А ведомо ли тебе, что Бекара был силачом-балуаном?

И это было ведомо мне.

– Но знал ли ты историю о том, как он стал балуаном?

Я попросил Жабая продолжать, потому что об этой истории ничего не знал.

– Как тебе, возможно, приходилось слышать, Байбарак умер молодым, и его сыновья Бектемир, Беккара и Токкары остались сиротами. А Зильгара в ту пору отдавал свою сестру замуж баян-аульскому баю и собирался везти невесту в аул жениха. По старым обычаям, вместе с приданым невесты жениху дарили осиротевших детей в качестве его рабов и рабынь. Султан Зильгара и решил отправить в Баян-Аул младшего брата Бектемира – Токкары. Бектемир вступил в спор со своевольным баем, но из этого спора ничего не вышло. Зильгара своей властью вырвал мальчика из его семейного гнезда и вместе с другими рабами послал в Баян-Аул. Да, Бектемир не отличался решительным нравом, но брат его, Бекара, уже тогда был не только настойчив и изобретателен, но и могучую силу чувствовал в своих руках. Потерпев поражение в споре с баем, он не оставил

мысли вызволить своего младшего братца из рабства и вместе с караваном невесты тоже отправился в Баян-Аул.

Несколько дней продолжался в Баян-Ауле свадебный праздничный той, устроенный родителями жениха. Богатый пир был завершен играми и состязаниями. Победителю в борьбе был предназначен приз – «каска тогыз» – на выбор девять любимых вещей. На схватку с сильнейшим борцом вышел молодой Бекара. Добрые силы помогли ему одолеть противника, и тогда он потребовал отдать ему младшего братца Теккары и спас его от рабства.

Но нелегко было забыть жестокую обиду, нанесенную Зильгарой.

– Я расскажу тебе, – сказал мне в другой раз Жабай, – еще одну историю, связанную с одной короткой песней. Может быть, ты ей слышал.

На яблоне яблоки зреют. Их пять.
Нельзя никому эти яблоки рвать.
Кочует аул твой чужой стороной,
Когда же я малого встречу опять?

Я вспомнил свое детство и эту песенку, но я не знал, по какому поводу она была сложена. И попросил Жабая продолжить рассказ.

– «Пять яблок» – так были прозваны пять сыновей твоего деда Бектемира, – говорил Жабай. – Они не славились богатством, но были на редкость красивыми и мужественными джигитами. И если они не имели тысячных отар овец, то уж своими верховыми конями могли гордиться по праву. Сильные, высокие и стройные, как на подбор, братья казались одногодками. Разница между старшим и младшим не достигала и десяти лет. Но, похожие друг на друга внешне, братья отличались между собой своими характерами. Старший – кроткий и домовитый Омар – был всегда погружен в хозяйственные заботы. Второй – Оспан, острослов и рассказчик, любил читать, немного изучал русскую грамоту и хорошо постиг законы. Третий – Мужен – слыл неутомимым спорщиком, задирой и драчуном. Четвертый – твой родной дед Шукей – был самым веселым из всех братьев, лихим наездником, щеголем, певцом и домбристом. К тому же Шукей владел даром акына-импровизатора. Пятого брата, Смаила, рожденного от младшей жены, я почти не знал, он очень молодым покинул наши крыши. Тебе не доводилось его встречать?

– Нет, Жаке, он умер до моего появления на свет. Я встречал только его единственного сына – Касыма.

Едва коснулись ушей Жабая слова о смерти Смаила, он, по мусульманскому обычаю, пробормотал какую-то молитву, провел ладонями вдоль щек и бороды и продолжал рассказ:

– Так вот, сыновья Бектемира чтили своего старшего брата Омара как родного отца. Омар воспитал братьев и, когда пришло время жениться, выкупил за калым свою невесту. Оспан и Мужен выкрали себе жен. Оспан скрылся у русских и, воспользовавшись своим умением толковать законы, освободил от калыма и себя, и брата.

– А мой дед Шукей? – не сдержал я нетерпения.

– Прежде чем рассказать о Шукее, я должен вспомнить моего отца Байгулы. Ты потом поймешь почему. Жил Байгулы в достатке. Было у него немного лошадей, десятка полтора верблюдов и отара овец. Грамоты отец не знал и считать, как мы, не умел. Но счет животным вел по-своему. Он хранил в особом мешочке столько овечьих шариков, сколько у него было овец. Сдохла овца или зарезали – он выбрасывал шарик из мешка. Появлялись ягнята – он сыпал шарики в мешок. Когда он проверял отару, перед ним прогоняли овец. И он пересыпал шарики из одного мешка в порожний. И если число шариков было больше, чем овец, он ходил тучатучей и придирался ко всем. Но это была не скупость. О щедрости Байгулы знали в окрестных аулах, и гости в нашей юрте не переводились. Самой большой странностью моего отца было презрение к деньгам. Он никогда не продавал скот за деньги и до самой смерти их не имел. А мы, его дети, хорошо понимая цену денег, ухитрялись воровать скот из отцовских отар и продавать его на стороне.

– Так ведь он считал шарики?

– Ну и что ж? Сперва мы выкрадывали овец из отары. Байгулы не мог не узнать о нашей проделке, потому что число шариков и овец неизменно сходилось. В ауле у нас бывал бухарский купец Ораз-хаджи, осевший в Петропавловске. Отец ему обычно отдавал шерсть и шкуры, а Ораз-ходжа отдаривал отца четырьмя-пятью фунтами чая, головкой сахара и несколькими аршинами дешевого ситца. Байгулы много терял при такой мене. Да что Ораз-ходжи! Вот про Данияра-хаджи рассказывали, что он приехал из Ташкента в Петропавловск с попутным караваном на единственном ишачке и, обманывая невежественных степных баев, нажил огромный капитал.

– Но ведь не все баи были такими простоватыми. Вы же сами рассказывали о Кошыгуле, который вел торговлю от Оренбурга до Кульджи.

– Верно, жиен, верно, но не об этом я сейчас веду речь. Приехал однажды к отцу моему Байгулы, старший сын Бектемира, Омар, и сосватал старшую сестру Кагаз твоему деду Шукею. Ты свою тетю Зейнеб, дочку Кагаз, помнишь?

– Помню, Жаке.

– Так вот, тетя твоя Зейнеб, слышавшая в молодости красавицей, как две капли похожа на свою мать Кагаз. И не только белым, румяным лицом, но и скромностью и смирением. А Шукей, как я тебе говорил, был отчаянным джигитом, любителем веселых тоев и легких удовольствий. Что скрывать, он не только заглядывался на молодых женщин. Но Кагаз никогда не упрекала его, молча смиряясь с проделками мужа.

– Почему молчали родичи Кагаз?

– Старший брат Бабай напоминал отца своим простодушием и сговорчивостью; их интересовали только овцы. Другой брат, Татке, был совсем пустым человеком, а Шол в ту пору был ещё маленьким. Ты, конечно, хочешь спросить, а где же был я? Отвечу откровенно: мы с Шукеем были неразлучными друзьями, и я его считал больше своим ровесником-джигитом, чем зятем. Он, родившийся в год Собаки, был всего на два года старше меня, родившегося в год Коровы. Он долго ещё мог бы прожить.

– Так отчего же он умер так рано?

– Будь терпелив, сынок... Об этом я и веду речь. Слушай же меня! Султан Зильгара – о нем я тебе говорил не раз – от трех жен имел четырнадцать сыновей и единственную дочь Балжан. Сыновья к тому времени уже жили отдельными аулами, а красавица Балжан все ещё нежилась под крылом отца. Она полюбила Шукея, Шукей – её.

– Но ведь вы должны были обидеться за свою сестру...

– Э-э, милый мой, я же объяснил тебе, что Шукей был мне дорог как друг, а не как зять! В честном признании нет стыда. Я не только не обижался, не ревновал, но старался помочь Шукею. Ты понимаешь, я служил у Мусы Зильгарина толмачом, вот почему мне часто удавалось передать весточку от Балжан Шукею. Я радовался их любви и делил с ними их беды. Много мешало молодым соединить свои жизни. Разве мог, влиятельный казахский бай, обласканный русскими властями, отдать единственную дочь простому казаху? Да кроме того, Балжан ещё с колыбели стала невестой родственника – самого Турулбека, советника губернатора, управлявшего шестью уездами. Словом, мало хорошего сулила молодым их любовь. А тут в аул Зильгары хмурым, дождливым днем приехал жених знакомиться с невестой. В первую же ночь после приезда жениха Шукей и Балжан исчезли из аула. Однако скрыться от погони им не удалось: беглецов выдали следы коней, обнаруженные на размякшей дороге. Следы вели в небольшой лесок на ишимском берегу.

Старик призадумался, как бы вспоминая далекую молодость.

– Дальше, Жаке, дальше! Я хочу знать все до конца.

– Ты слишком нетерпелив, сынок... Что ж, конец самый грустный.

Сыновья Зильгары решили мстить за своего опозоренного отца. Они раздели Шукея, связали его по рукам и ногам и оставили в ледяной воде у берега, чтобы на следующий день привязать ему камень на шею и утопить в реке, на глазах жителей окрестных аулов. Но у Шукея нашелся друг, который освободил его от пут и помог бежать к братьям. Однако сыновья Зильгары не унимались. Пустив в ход клевету, они заточили в тюрьму брата Шукея Оспана, а брата Мужена вынудили преследованиями скрыться у родичей Сыйбанов.

– Но что же случилось с Шукеем и Балжан?

– Балжан отправили в аул к жениху. Там она и сложила песню «Пять яблок». И ничего больше к рассказу о её судьбе я прибавить не могу. А Шукей тяжело заболел. Он простудился, когда лежал связанным в студеной воде Ишима, и как слег в постель, так уж не встал. Он мучился осенью и зимой, а весной ему стало совсем плохо. Однажды я навестил своего друга. Желтый, исхудавший, он тяжело дышал и с трудом произносил слова. «Жабай, приподними мне голову», – попросил он меня. Я исполнил его просьбу. «Теперь дай-ка мне», – и он показал на домбру, лежавшую у изголовья. Но когда я дал ему домбру, оказалось, что обессиленные пальцы моего друга, ещё так недавно летавшие по грифу иноходцами, еле гнулись теперь. Он попробовал запеть, но вместо прежнего лебединого голоса из сухих, потрескавшихся губ вырвался хриплый стон и начался удушливый кашель. Я поправил подушки, глядя в его глаза, полные слез. Снова зашевелились губы. Я почти приложил к ним свое ухо и различил лад песни. Один его куплет запомнился мне на всю жизнь. Вот он:

Берет мой разум смерть, и тяжело душит грудь,
В последний раз моим глазам дано сверкнуть.
И пальцы, что неслись по струнам скакунами,
В могильном саване, стуча, закончат путь.

– Я и теперь вижу Шукея таким, как в день нашего последнего свидания. Почти семьдесят лет прошло с тех пор, но передо мной его глаза и посиневшие губы, еле слышно произносящие печальную песню.

Жабай умолк на несколько мгновений, вздохнул и продолжил более спокойно:

– Шукей умер в марте, в год Коровы. Ему было двадцать семь лет. От него остались четырехлетний сын Ахмет и двухлетняя дочь Зейнеб. А твой отец Мукан родился в тот же год, спустя два месяца, когда уже сошел снег и аулы собирались откочевывать в степь, на весенние джайляу.

...Так я узнал историю двух песен. В один из вечеров, накануне своего отъезда, я обратился к Жабаяу с одной просьбой:

– Дедушка, вспоминая чье-нибудь рождение или смерть, вы обозначаете год названием какого-нибудь животного. Так, вы говорили, что мой дед Шукей умер в год Коровы. Объясните мне подробнее этот счет.

– Разве ты его не знаешь, жиен?

– Плохо знаю, Жаке. Слышал, но не уразумел.

– Тогда я тебе расскажу подробно. Правда это или ложь – суди сам, но говорят, в древние времена в начале весны с неба на землю спускался Год. Вся живая тварь выходила его встречать. И вот что произошло однажды, когда все животные уже приготовились к этой встрече Года. Верблюду, понадеявшись на свой высокий рост, сказал: «Я все равно раньше всех его увижу», – и стал беспечно пастись. В это время юркая мышь пожаловалась богу: «Ты создал меня маленькой, как же я увижу Год?» Но бог успокоил мышь: «Взберись на горб верблюда, и ты его увидишь раньше других!» А ты, жиен, знаешь, что такое улу?

– Нет, дедушка! – ответил я.

– На берегах озер встречаются небольшие раковинки, внутри которых лежит мягкое, липкое, плоскоголовое существо. Русские называют их улиткой, а мы, казахи, – улу. Так вот, улитка – улу тоже пожаловалась богу: «Я живу не на воде и не на земле. Передвигаться с места на место не могу – нет у меня ног. Всю жизнь обречена лежать в своей скорлупе. Как же мне увидеть Год?» – «Не печалься, – ответил бог, – в этот день я взволную озеро и выброшу тебя на высокий берег, оттуда и увидишь!» И когда новый Год начал обход земных просторов – его увидели двенадцать живых тварей: мышь, корова, барс, заяц, улитка, лошадь, змея, овца, соболев, курица, собака и свинья. Первой увидела Год, взобравшись на горб верблюда, мышь. С мыши и начинается счет годам. Самонадеянный верблюд так и не увидел Года, поэтому в названиях годов его имя отсутствует. Двенадцать лет, названных именами животных, увидевших Год, и составляют полный цикл в народном казахском летоисчислении.

– Значит, как же считают возраст человека?

– Вот ты с моих слов знаешь, что твой отец Мукан родился в год Коровы. Проходит двенадцать лет – мушель. Снова наступил год Коровы. И детство кончилось. Еще один мушель – и отцу исполнилось двадцать четыре года. Так по порядку до девяноста шести лет. Дальше и считать не стоит. Немногие люди переживают этот срок.

Я попросил Жабаяу перечислить мне казахские названия месяцев – их уже и в ту пору начинала забывать молодежь.

– Слушай тогда и записывай. Начну с января. Помнишь, как его зовут? Акпан. А дальше следуют науруз, отамалы, саур, кокек, шильде, тамыз, киркуек, караша, сумбеле, казан, кантар. Науруз, – добавил Жабай, – связан с большим праздником Науруздамы, в честь приближающейся весны, в честь нового Года, спустившегося на землю. Из ларей извлекаются последние, сохраненные для праздника зимние запасы мяса и сала. Кто побогаче, устраивает той. Каждый стремится получше угостить гостя, а потом в аулах переходят на молочную пищу.

Слушая Жабая, я вспоминал зимние уроки древнегреческой истории. Греки также думали, что в начале весны бог спускается с неба на землю и оплодотворяет всю живую природу. Чтобы бог не поскупился на оплодотворение, в его честь устраивались большие пиры и увеселения. Именно так объясняют происхождение дионисийского театра греков.

Литература:

С.Муканов. *Школа жизни /Книга вторая. Юность. Повесть.* – А.-А.: Жазушы, 1965.

¹ *Сибаны и керек-уаки – наименования казахских родов – Г.У*

ҚАЗІРГІ ҚАЗАҚ ӘДЕБИЕТІНІҢ ПРОЗАСЫ СОВРЕМЕННАЯ КАЗАХСКАЯ ПРОЗА

Ілияс Есенберлин
(1915-1983)

Көшпенділер
Трилогия

Хан Кене
Үзінді

Күншығыс жақты сынық тағадай қоршай көмкерген кәрі Қаратау алыстан қара – қошқылданып көрінеді. Кей тұстары ат жалды, түйе өркештеніп ирелендеп жатыр. Қаратау қойнауына қарай бозаң, қылаң түсті үйір – үйір жылқы ала – құла боп өріп барады. Көбі жарау, құлынды жылқы аз. Шамасы олар алыстағы жайылымда тәрізді. Ал мынау құлын – тайлары ауық – ауық бүйірден бөліне шапқан шағын жылқы сауынға арнай ауыл маңына ұсталған тәрізді. Сойыл, құрық ұстаған он шақты жылқышының анда – санда құр – құрлаған айқайы тынық кеште сампылдап естіледі.

Бұл екі жыл бұрын ата мекен Қаратау қойнауына, осы жақта қалған Қоңырат, қыпшақ рулары мен бестаңбалы жеріне көшіп келген Қасым төре мен Алты, Тоқа, Алтай, Уақ ауылдары еді. Сонау ортадағы бозаңынан ақшылы басым елу үй Қасым төренің ауылы. Абылайханның белбаласының бірі болғанымен, Қасым төре асқан шонжар емес, сондықтан бұл маңда өрген малдың да қарасы оңай – ақ көзге түседі. Уақ, Тоқа, Алтын да Арғынның өзге руларына қарағанда шағын ауқатты рулар. Оның үстіне Арқаның көк шалғынына үйренген мал, Қаратаудың ши мен көкпек араласқан бозаңын жерсінбей, бәлендей өрбіп өсіп кете алмаған.

Осы ауылдардың Қазықұрт жағындағы бір биік төбе басында бір адам тұр. Қой – қозысы маңырап, балалары жылап, азан – қазан болып жатқан ылдидағы жұрттан қашып шыққандай.

Сонау көз ұшында ноқаттай болып көрінген көк тұйғындай қиялы әлдеқайда алыстап кеткен.

Бұл – орта бойлы, кең жаурын, арықтау тарамыс денелі, жатаған келген ат жақты сары сұр кісі. Сәл қызғылт тартқан қыран көзді, жуан балуан мойынды. Ашық жүзіне жараса біткен сәл келтелеу қыр мұрнының астында шағын ғана мұрты бар. Қою шоқша сақалы сүп – сүйір. Сақал – мұрты күңгірт сары. Басында жарғақ тысты құндыз тымақ, қара мақпал жеңіл құндыз ішігінің сыртынан бозғылт түйе жүн шекпен жамылған. Аяғында атқа мінуге ыңғайланып тігілген орта қоныш көк салмен өрнектелген саптама етік. Отырған отырысында, тұрған тұрысында ылтипаттық пен тәкаппарлық қатар аңғарылады. Сәл шегір тартқан өткір қырағы көзі қарағанда адамның ту сыртынан өткендей. Сараң қимылы, жұмыла біткен жіңішке еріндері, аз сөйлеп, көп тыңдайтын адамды сездіреді. Егер тұлғасына, көңіл райына қарасаң ішінде тұнып жатқан үлкен ақыл, бұлқынып сыртқа шыққысы келген жігер барын ұғасың.

Бұл Абылайханның немересі, Қасым төренің ортаншы ұлы Кенесары еді.

Кенесары осы төбеге шыққалы едәуір мезгіл өткен. Ол қазір қалың ойда. Есіне кешегі Нысанбай жыршының сөзі түсе берді. Ел аралаған әрі сыншы, әрі жыршы Нысанбай ақын, ақ кигізге малдасын құрып отырып ап, Қасым төренің алдында Шыңғыс шежіресінің біраз жерін қисса етіп айтып берген.

Ол моңғолдармен іргелес Керулен, Онан өзендерінің бойында көшіп жүрген Керей руының қалайша Шыңғысханның алғашқы жемі болғанын күніріне қыр етті. Бір мезет Орхон, Ом, Ертіс өзендерінің жағасындағы Найман, одан төмен, осы күнгі Сарыарқаның солтүстігі мен батыс өңірін жайлаған Алшын, Қыпшақ руларының Шыңғысханға қалай бағынғанын

желдірте өтті. Содан кейін Арғын, Найман, Керей, Қыпшақ, Қоңырат, Алшын сияқты белді рулардың Шыңғысханның үлкен баласы Жошының ұлысына бағынып, Батуханның Алтын Ордасының негізін қаласқанын, Сарыарқа мен Еділ, Жайық бойын еркін жайлағанын бір шолып кетті. Жетісудағы Үйсін, Дулат, Жалайыр руларының Шағатай ұрпақтарының иелігіне қалғанын да жыр етіп өтті.

Енді Нысанбай жыршы қарағайлы кәрі домбырасын екпіндете ұрып Шағатай мен Жошы ұрпақтары бірнеше жүз жыл бойы осы ұшы – қиыры жоқ кең даланы билегенін мақтан етті. Алайда бірімен бірі хандыққа, баққа, жерге таласып рәсуа боп, Алтын орда ыдырағаннан соң Жошыдан шыққан Керей, Жәнібек сұлтандар Шу бойында әлімсақтан бері келе жатқан Арғын, Қыпшақ, Үйсін тәрізді, көне тайпаларға бірте – бірте Уақ, Тарақты, Керей, Найман, Қоңырат, Дулат, Жалайыр, Бестаңбалы секілді түркі тілдес руларды қосып қазақ хандығын құрғанын мадақ етті. Содан кейін Жәнібектің баласы Қасым ханның кезінде қазақтың айбынды ел болғанын бір мақтаныш етіп берген. Нысанбай жыршы сәл дем алып шежіреге қайта көшкен. Бұл жолы Қасым ханнан соң қазақтар аз уақ тағы да быж-тыж болып келіп, тек Хақназар кезінде ғана қайтадан бас қосып, іргелі ел болғанын, Тәуекел, Есім, Әз Тәуке хандардың тұсында тасы өрге домалаған, сырт дұшпандар шеніне келе алмаған айбынды мемлекетке айналғанын көзі от шаша отырып жырға қосты. Кең байтақ жерді алып жатқан үш жүзден құралған елдің ауызбірлігі күшті болғанын, үнемі бір жағадан бас, бір жеңнен қол шығарып отырғанын дәріптей келе:

Арғын болсаң Алтай бол,
Найман болсаң Матай бол,
Алшын болсаң Адай бол,
Бұл үшеуі болмасаң,
Қайсысы болсаң сонысы бол,
Мейлін құдай бол! –

деп қазақ елінің ең жауынгер руларын шашбауларын көкке көтере бір шырқап, осы бірлестік Тәуке хан өлісімен тағы бұзылғанын, әр тайпа сұлтандары хандыққа таласып, елдің шырқын кетіргенін айтып берді.

Содан кейін Нысанбай жыршы қарағайлы кәрі домбырасын еңкілдете жылатып, іле-шала Қаратау мен Шу, Сарысу мекн Сыр бойын жайлаған қалың қазақты қалай Жоңғар ханы Сыбан Раптан шауып, «Ақтабан шұбырынды – Алқакөл сұламаға» ұшырағанын мақұм етті. Ұлы жүз бен Кіші жүздің көп ауылдарының Арал мен Атырау теңізінің жағасына, ал Орта жүздің Есіл, Нұра, Тобыл өзендерінің жоғарғы саласына көшкенін

әдейі тоқтай айтып кетті. Алдымен Кіші жүздің ханы Әбілхайырдың, бір жылдан кейін Орта жүздің ханы Сәмекеңнің Ресей патшасына бағынғанын, сонан «Ақтабан шұбырындыдан» отыз үш жыл өткеннен кейін Қытай патшасы бір миллионға таяу қалмақты қырып Жоңғар хандығын құртқанын бір мәлім етті. Осы шақта Найман, Керей рулары бұрынғы өзінің ата-мекен жері Тарбағатай тауы мен Қара Ертіс бойына көшіп кеткенін мақұм әуеніне сала зарлана қалды.

Осыдан соң Нысанбай жыршы әр жүздің әйгілі хандары Әбілмәмбет, Барақ, Нұралыларға қысқа-қысқа сөз тастап, үш жүздің басын қосу жолында күрескен, кейін Абылай деген атпен хан болған Әбілмасұрға тоқтаған.

Әбілмасұрға келгенде Нысанбай жыршының екі көзі оттай жайнап, күре тамыры білеудей болып, кең тамағы торғай жұтқан қурай жыланның көмейіндей ісініп кетті. Домбырасын бәйге атына шапқандай сабалай ұрып, жыр шумағын құшақ-құшақ лақтырды. Енді Нысанбай домбырасын лақтыра ойнатып, Абылайдың Қоқанға қарсы шыққанын, Сайрам, Әзірет, Шымкент, Созақ секілді жеті қаласын алып, Ташкентті қалай бағындырғанын, өзіне сес көрсеткен қырғыздардың қалың қолды манаптарын Қызылсу, Шәмсі өзендерінің Шуға құятын сағасында кездесіп, «Жәйлі қырғыны» деп аталатын ұрыста қалай жеңгенін айтқанда екі көзі қанталап, қоянға түскен бүркіттей шаңқылдай серпіп, тіпті долданып кетті. Әбілмамбет сұлтанның есігінде жүргеннен бастап, торғауытқа көрсеткен ерлігі мен ел басқарар ақылдылығы арқасында Абылайдың Орта жүзге хан атағына ие болғанын жыр еткенінде шабар бурадай тіпті құтырынып алды. Ақын енді алпысқа келген Абылайды үш жүзден шыққан өңшең қасқа мен жайсаңдарының шешімі бойынша Телікөлдің жағасында жұрт ақ кигізге көтеріп Үлкен хан сайлағанын толғағанда төбесі екі көзі жайнап кетті. Бірақ Россия қатын патшасы қазақ елінің басын біріктірудің қауіпті екенін ойлап тек өлерінен екі жыл бұрын ғана оны Орта жүзге хан етіп указ бергеніне бір тоқтап, сол Абылайдың жетпіске келгенше ыңғайына қарай біресе Россия патшасына, біресе Қытай богдыханына икем көрсетіп, Түркістаннан бастап Есіл, Нұра бойына дейін көшкен қалың қазақтың еркінділігін жоғалттырмай ел ғып сақтап өткенін тағы да бір алуан жыр ғып шырақтаты.

Бәйгеге шапқан жүйріктей, жыр желісінен маңдай тері бұршақтап аққан Нысанбай ақын, бір мезет Абылайға Атығай – Қарауыл рулары алты қызын беріп, оның үстіне Абылай қара қалпақтан бір, қалмақтан бір қыз алып, олардан отыз бір ұл, қырық қыз көргенін аса бір асқан жыр етіп толғатты.

Дауысы қарлығып болдырауға айналған Нысанбай тек ел жатарда ғана Абылайдың қарақалпақ әйелінен туған Уәлидің Россияға қол шоқпар

болып кеткенін, қалмақ қатынынан туған Қасым төренің әке жолын қуып, қазақтың басын қосамын деп бәйек болып жүргенін мадақтай келіп, кенет окшау отырған Кенесарыға қарай:

Абылай жолы ауыр жол,
Батыр Кене, біліп қой.
Абылайдай берік бол
Алам десең абырой, –
деп ұзақ жырын бітірген.

Ильяс Есенберлин
(1915-1983)

ХАН КЕНЕ

Отрывки из третьей книги трилогии «Кочевники»

Сломанной подковой стоит на востоке черно-бурый силуэт Каратау. На конские гривы и верблюжьи горбы похожи его многочисленные вершины, увитые голубовато-сизой лентой тумана, с которой не справиться закатывающемуся солнцу. А на западных склонах гор необычное оживление. Тесными группами, словно прижимаясь друг к другу, расположились казахские кочевья. Так бывает лишь во время войны... Сплошным полукругом сгрудились юрты. Только быстрая горная речка разрывает их линию. Все они покрыты серыми, бурыми кошмами, и лишь немногие – белыми. Никак не скажешь, что это очень уж богатые аулы: старые, давно не сменяемые кошмы лохматятся, пестреют многочисленными латками, едкий кизячный дым прокоптил их насквозь. Да и верблюжье стадо, пасущееся невдалеке, слишком уж мало для них. С одного раза можно пересчитать овец и коз, а среди гуляющих в ущельях лошадей большинство поджарые, с подтянутыми животами, боевые аргамаки. Совсем почти не видно кобыл с жеребятами. Зато много охраняющих скот людей с тяжелыми палицами у пояса...

Это аулы родов тока, уак, алшын и алтай, которые вместе с Касымом-торе покинули два года назад земли отцов и перекочевали сюда, к отрогам Каратау. Хоть и является Касым-торе сыном хана Аблая, но не слывет самым богатым в степи человеком. Все богатства унесла затеянная сыновьями длительная война. <...> Нет, невеселое зрелище представляют сейчас мятежные аулы!..

Об этом и думает ушедший далеко в степь от аульного шума и плача человек. Он невысокого роста, плотный, с толстой, как у борца, шеей.

Лицо его с чуть коротковатым прямым носом, небольшими усами и густой темно-рыжей бородой клином можно было бы назвать красивым, если бы не глаза. Как у степного беркута они зоркие, немигающие, в кровавых прожилках. Впрочем, именно такие глаза подходят этому лицу, на которое от рождения легла печать властности и уверенности в своем праве повелевать. Весь вид его свидетельствует, что привык он больше слушать, чем говорить, скупы движения, плотно сжаты тонкие и резко очерченные губы. И еще одну черту заметит внимательный взгляд на этом необычном лице – какую-то глубоко спрятанную мечту, ради которой такие люди идут на все...

Все дальше в степь уходит человек, и издали, из аулов, уже не различишь соболий малахай, полушубок с мягким бархатным верхом, светло-коричневый чекмень. За чем же уходит так далеко от людей Кенесары, средний сын Касыма-торе и внук хана Аблая?

Пересохший чий с хрустом ломаётся под замшевым сапогом с синим родовым орнаментом. Вдрагивают его ноздри, и грозной непреходящей песней наполняется степь. Ее пел вчера, сидя на белой кошме и подвернув под себя ноги, Нысанбай. Летописью ветви Джучи – Темучинова сына – была песня...

Неподвижны были лицо и фигура вещего певца. И пел он про вольные кочевья рода керей на берегах Онона и Керулена, ставшие первыми жертвами на долгом и кровавом пути Чингисхана. А потом оказались на этом пути многие казахские племена и роды, населявшие берега Орхона, Аргуни и Иртыша, долины Тарбагатая найманы, аргыны, а по берегам Жаика и Тургая – кипчаки, алтыны. Старший сын Чингисхана от матери-казашки – знаменитый Джучи получил от него в надел казахские степи от Едиля и Жаика до Иртыша. И немало казахской крови и костей легло в основание созданной Батыем Золотой Орды. Тогда и оказались в очередной раз расколотыми казахи, ибо южная группа родов Жетысу – Семиречья – Уйсунни, Дулаты, Жалаиры – отошла к Жагатаеву улусу необозримой державы Чингисхана.

Гремела старая сосновая домбра Нысанбая-жырши, век за веком плыли из-под его пальцев. И не было года, когда не лилась бы кровь, потому что не умели поладить между собой многочисленные ханы, беки, султаны. А враги на всех рубежах делали все возможное, чтобы не кончился этот раскол, потому что страшна была им единая степь.

Развалилась Золотая Орда, отделились керей от улуса Джучи. Султан Жаныбек сумел ненадолго объединить роды Аргыя, Керей, Найман, Уйсунь, Дулат и Бестанбалы, населявшие берега Чу. Это и было пер-

вое самостоятельное казахское ханство. Еще больше расширил его хан Касым, сын Жаныбека. А потом оно распалось. И снова объединяли его различные властители: Хакназар-хан, Тауекель, Есим, Жангир, Тауке. Великого могущества достигло оно, и боялись враги посягать на его границы, когда, по заветам предков, «одна голова управляла руками и ногами». Славу аргынам, найманам, кипчакам, алшынам по очереди пел старый жыршы, и великая гордость была в его голосе.

И снова раздирали страну казахов междоусобицы, потому что не могли поделить между собой власть ханы трех жузов. И стали они, как всегда, искать поддержки на стороне, а первым из них был Абулхаир хан из Младшего жуза...

Словно кровью пропиталась домбра, глуше стали струны. Голос певца задрожал от неизбежного горя. О страшных временах, о «годах великого бедствия» запел он. Воспользовавшись распрями и враждой, кровавым смерчем прошел по казахской земле жунгарский хан Сыбан Раптан. Почти поголовно истреблены были аулы вдоль Чу, Сарысу, Сырдарьи, у подножия Каратау. Уходили к Аралу и Каспию, на берега Ишима и Тобола Средний и Большой жузы. Тогда хан Младшего жуза Абулхаир, а через год и хан Среднего жуза Самеке согласились на русское подданство...

Только через тридцать три года, когда пала проглоченная Китаем Жунгария, а миллионы человек были вырезаны войском богдыхана, вернулись на свои древние земли к берегам Черного Иртыша и в долины Тарбагатайя роды Найман и Керей. Несладко приходилось им там, по соседству с древней и жестокой Поднебесной империей...

Восторженно вспыхнули глаза у жырши, когда запел он о совсем уже близких временах, о деяниях Абулмансура. Словно копыта быстрых скакунов на состязаниях, замелькали, забили пальцы по струнам. И согласно закивали слушатели в белой юрте Касыма-торе, потому что это был тот самый Абулмансур, который принял потом имя хана Аблая и приходится отцом самому торе и дедом его сыновьям...

Нелегко сложилась жизнь будущего хана. После смерти его деда, прозванного Кровавым Аблаем, отец его, слабыхарактерный Вали, не сумел удержать принадлежавший ему Туркестан, который легко был завоеван ханом Хивы. Раб Ораз спас тринадцатилетнего Абулмансура, и тот долго был простым батраком у некоего Даулетбая. Потом он жил у своего родственника – бия Абулмамбета, а в восемнадцать лет получил небольшой отряд сарбазов и с дедовским кличем «Аблай!» наголову разбил превосходящие полчища торгаутов...

О, это был великий подвиг! Забыл про все вокруг, словно потерял разум, Нысанбай-жырши. Дойдя до рассказа о провозглашении Абулман-

сура ханом Среднего жуза, старик от восторга так высоко подпрыгнул, что чуть было не ударился головой о стойку юрты.

Сайрам!.. Азрет!.. Чимкент!.. Созак!.. Теперь домбра сама взлетала к потолку, вертелась там, продолжая, как по волшебству, звенеть всеми струнами, возвращаясь обратно в руки певца... Семь городов сразу отобрал у хана Коканда Абулмансур, взял Ташкент, разгромил враждебных ему киргизов в знаменитом Джайильском побоище. Но к тому времени он прозывался уже своим родовым именем Аблай!..

Торжественно и красочно описывал старый жыршы событие, происшедшее в зеленой долине на берегу древнего, почитаемого всеми казахами озера Теликоль. Лучшие люди трех жузов собрались там и подняли над толпой на белой кошке шестидесятилетнего Аблая. Отныне он становился единовластным ханом всей казахской земли...

Однако русская царица, не желая объединения степи под властью одного хана, воспротивилась этому. От имени Российской империи Аблай был утвержден лишь ханом Среднего жуза. И китайский богдыхан не хотел до конца признавать его.

<...> Как загнанный скакун, дошел до конца своего предания старый жыршы. Восславив Касыма-торе, родившегося от калмычки, он назвал его продолжателем великого дела отца. И вдруг уже охрипшим голосом обратился к сидящему поодаль Кенесары:

Тернистым был Аблая путь,
Не забывай, батыр Кене.
Будь твердым и когда-нибудь
Аблаем стань в родной стране!

С опаской уставились собравшиеся в лицо Касыма-торе, которому должно было уже скоро исполниться семьдесят лет. В его присутствии такие слова, по принятому обычаю, могли быть обращены только к султану-военачальнику. А им был при Касыме-торе его более старший сын – султан Саржан. А Кенесары, хоть он и прославился своим мужеством и находчивостью, считался пока только батыром. Но Нысанбай-жыршы слыл среди казахов вещим певцом, знатоком людей и провидцем. Об этом было известно и Касыму-торе...

Касым-торе молчал, но в душе его была радость. Хоть и не мог он пожаловаться на старших своих сыновей Есенгельды и Саржана, но слишком простодушны и доверчивы были они для этого большого груза, который придется нести. Сердце его лежало к среднему сыну, молчаливому и решительному. И, пожалуй, из всех его сыновей только у этого есть твердое и непоколебимое желание власти.

– Да продлится твоя жизнь еще долгие годы на радость всем вам, мой верный жырши! – подбодрил певца Касым торе. – Порадовал ты нас достойным сказанием...

Больше месяца не было вестей от Есенгельды и Саржана, и сердце Касыма ныло от предчувствий. Успокаивало лишь то, что недобрая весть не залежится. Пока от сыновей не поступало никаких сообщений – старик держался...

<...> Сейчас, ступая по нетронутой корке солоноватой целины, он взвешивает свои мысли. Да, уже много лет думает он об этом. Никогда еще не были так разобщены казахи, и Кенесары твердо знает, что именно ему предстоит объединить их. Как имя деда и пращур, станет великим его имя, и в страхе будут повторять его враги!

Но с чего начинать? Сейчас не времена Аблая, когда русские войска не переходили еще Светлого Жаика.

Хану Аблаю долгое время удавалось служить подушкой между белым царем и китайским богдыханом, а когда очень уж пытались привалиться к ней с одной какой-нибудь стороны, из подушки вылезало колючее перо. Сейчас подушка давно уже без наволочки, и перья летят из нее по ветру. С одной стороны давят русские войска, с другой – свирепая Хива отхватила чуть ли не треть казахских земель, с третьей хитрый и коварный Кокакд...

На что же рассчитывать ему, Кенесары?.. Разве не похожи сейчас казахи на раненого тигра, в которого с трех сторон вонзились пики?! А раненый тигр ничего уже не боится. Он прыгает на что попало, а вот это надо использовать. Кто направит прыжок тигра в нужную сторону, тот и выиграет!..

<...> Да, ханом всех трех жузов станет он, потому что возглавит древнее стремление к свободе. Только этот путь приведет его на берег святого озера Теликоль, где ждет его белая кошма Аблая.

Сейчас или никогда!.. Он знает своих казахов. На взрывы способны лишь они. Если белый царь, Коканд и Хива зальют кровью едва начавшийся пожар, то они покорятся судьбе и никогда, быть может, не поднимут больше голову. Поэтому нельзя медлить ему, Кенесары!..

Он обвел глазами затихшую к вечеру степь... С кого же начинать? С того, кто самый опасный сейчас. Он знал это по многочисленным схваткам, в которых принимал участие: если назвались трое – поворачивайся лицом к сильнейшему. Те двое будут бегать вокруг, и пока решатся ударить, ты освободишь себе руки. Значит, начинать нужно с белого царя!..

И правильно это будет еще и потому, что всегда лучше иметь дело со львом, чем с шакалами. Даже если не повезет и сломят его русские войска,

то пострадают лишь вожди и те, кто сражался; останутся женщины, дети, сохранятся роды. Знающий собственную силу всегда склонен щадить слабого. И нет в русских кровной ненависти к казахам. Только царские чиновники-лихоимцы и офицеры-каратели проявляют жестокость... А вот если попасться в зубы ханских шакалов Хивы и Коканда, то здесь уж никому не дожидаться пощады.

Что же, пусть даст бог возможность уладить дело с белым царем, а потом можно приняться и за оба ханства. Не мешало бы им напомнить про кровь и слезы вырезанных аулов, про все насилия, страдания проданных в рабство казахских детей. На своей шнуре должны испытать они все это!..

Много есть причин для того, чтобы именно там, на севере, начать первые боевые действия. Что ни говори, а Средний жуз – лучшая для него опора. Если царские войска располагают укреплениями, вооружены луками и ружьями, то он будет располагать всей бескрайней степью. Покуда имеются бесчисленные поросшие кустарником овраги и лощины, никакой легавой не взять степного зайца. Хоть отбавляй Сарыарки, простирается она от Каркаралы до Светлого Жаика, от Кзылжара до Бетпак-Далы. Самое настоящее раздолье для лихого жигита, только подтяни сильнее подпруги да крепче держись на коне!..

<...> На землях Коканда и Хивы нет этих условий. Нелегко будет объединить кочевников-казахов, населяющих берега Сырдарьи, Приаралье, Устюрт и Мангышлак. Да и мало этого для победы. Необходимо, чтобы восстание поддержали братья из Жетысу-Семиречья, киргизы из горных долин Алатау, каракалпаки. Все страдают от засилия кокандских или хивинских беков. Но разве пойдут они добровольно в одном строю? Даже исконные казахи – уйсун и дулаты, проживающие на самой китайской границе, не оставят свои очаги, чтобы идти бороться за общее дело. Люди неохотно воюют – они берутся за оружие, лишь когда враг пришел на самый порог. А то, что делается у соседа, их мало интересует. Эту степную политику хорошо знают в Коканде и Хиве. Все распри и междоусобицы известны там и используются до конца. Нет, поднимать степь нужно со Среднего жуза!..

И вдруг, словно наступил на змею, вздрагивает Кенесары, сын Касыма-торе и внук Аблая. Есть еще одна причина... Мечь! Степная неутолимая, впитанная с молоком матери... Сварить живьем, закопать в землю, искоренить до седьмого колена – вот те желания, которые появляются у любого из сыновей Касыма-торе, когда они вспоминают султанов из семейства Самеке, Букея или Вали. Особую ненависть питают они к Конур-Кульдже – сыну Кудайменде, к Чингису – сыну Вали и матери его Айганым,

к Жамантаю – сыну Тауке из букеевского рода и к Ахмету – сыну Жанторе. Подлые предатели, они лижут пятки белому царю и помогают карателям!..

Он живо представляет себе, как поступит с ними, когда все они окажутся в его руках. Он разгромит и разграбит дочиста их аулы. Ему не терпится сделать их сыновей рабами. <...>

Кенесары спохватился... Ничего не поделаешь, только так сможет утвердить он законность и порядок в степи. Подавить недовольных соперников и объединить три жуза под одной рукой – рукой Кенесары. Разве не для всех казахов старается он? Разве не готов он ради общего дела отдать все; счастье, богатство, собственную жизнь?

Он уже все рассчитал наперед. Сразу по возвращении, как законный султан, обратится он к сибирскому и оренбургскому губернаторам со своими требованиями. В конце концов обо всем можно договориться на тех условиях, которые принял когда-то хан Аблай. Если правительство белого царя согласится с этим, то сразу повысится его значение и упадет авторитет Конур-Кульджи, Ахмета, Жамантая и других. Рассчитаться с ними тогда не составит особого труда.

Разумеется, в любом случае это будет только начало. Не бездумный же он пес, который убегает, получив свое. Нет, он не успокоится, пока не объединит все три жуза и не восстановит былую славу и могущество Аблаева ханства. Пусть для начала даже станет он только ханом Среднего жуза. Все равно он рано или поздно добьется своего!..

А если не удовлетворят его требования?.. Что же, кто разделся догола, тому надо лезть в воду. Тогда – война, и начнет он ее все равно с уничтожения аулов ненавистного Конур-Кульджи. Потом он захватит и разгромит Кара-Откельскую-Акмолинскую крепость, где находится приказ презренного Конур-Кульджи!..

Достаточно шепотом произнести это имя, чтобы от самого глубокого сна очнулся Кенесары. И дело не просто в том, что Конур-Кульджа сам метит в правители всей степи, надеясь на помощь и поддержку царского правительства. Из поколения в поколение скрещиваются пути их родов. Ведь это сын султана Кудайменде и внук Самеке, которого сбросил Аблай с ханской кошмы Среднего жуза. Немало бед принесла уже эта кровная вражда. И долго еще будет влиять она на ход большой политики между белым царем и степью..

Один в бескрайней степи стоял Кенесары... Он прошёл суровую школу и знал железные законы борьбы за власть. Нельзя показываться народу, пока не пришло время! Издали, через преданных людей, следует направлять ход событий в нужное русло. Для этого нет запретных путей. Если

необходимо сталкивать роды и жузы для достижения ханской кошмы, он ни на миг не задумается. Нужны будут кровавые реки – пусть прольются. Только чтобы не упоминали его имя. Но когда наступит такое время, как теперь, когда его безудержное стремление к славе и власти совпадет со стремлениями народа, он должен быть впереди всех. Имя его будет у всех на устах, а образ – в сердце... Только завоевав полную, ни с кем не разделяемую власть, сумеет он возвеличить в веках себя. <...>

Вдруг он услышал за спиной знакомый женский голос. <...>

Кунимжан [старшая жена Кенесары], вопреки обычаю, называла Кенесары не мужем, а «мой торе». Этим она, одна из знатнейших женщин степи, подчеркивала еще большую знатность своего мужа, имеющего право повелевать ею. При всей ее внешней покорности, она имела огромное влияние на Кенесары и была в курсе всех событий.

– Мой торе, я еле нашла тебя в этой большой степи... Оказывается, страшную весть привез Кудайменде-батыр нашему деду!

– Какую весть?

– Ты же знаешь сына Азанбая... <...> Азанбая из каржасов... Ты помнишь, как перед самым нашим уходом из Сарыарки в Омске казнили его сына Тайжана? Так вот: убили и его старшего сына!..

– Сейтен-батыра? – вскричал Кенесары. Она молча кивнула.

– Пусть в рай отправится душа его! Слишком рано покинул этот свет батыр. Неужели смерть его пришла от руки Конур-Кульджи? Эта собака клялась погубить его...

– Говорят, что так именно и случилось. Когда аул Азанбая уходил к Балхашу, проводником их был какой-то крещеный последыш Конур-Кульджи. У Мын-Арала их настигли каратели...

Кровь начала приливать к лицу Кенесары.

– Сколько людей погибло? – спросил он отрывисто.

– Рассказывают, что немного: два-три человека. Они попали в ловушку, и сопротивляться не было возможности... И еще говорят, что вместе с батыром попал к карателям и Ожар – сын Кубета. – Кунимжан считала своим долгом узнать все для мужа. – Он будто бы в омской тюрьме...

– Это какой Ожар? – Кенесары насторожился. – Не тот ли, что был вестовым у Конур-Кульджи? Разве не порвал он давным-давно всякую связь с родом?

– Вот и говорят люди, что он поссорился с Конур-Кульджей и вернулся к своим. Видимо, вспомнил поговорку, что руки отсыхают у того, кто не радеет о родной крови. <...>

– Однажды я встретил его, – задумчиво сказал Кенесары. – На вид крепкий человек и с настоящим характером. Значит, тоже не смог покориться... Теперь и его, наверно, пошлют в Сибирь!

<...> Глядящий в степь Кенесары вдруг насторожился. Наурызбай [младший брат Кенесары] и Кунимжан тоже посмотрели в ту сторону. Со стороны перевала на восточной окраине гор закружилась пыль. Через некоторое время из нее вырвались два всадника. Они мчались так, словно враги наседали на хвосты их лошадей.

– Это же батыр Агибай! – воскликнул Кенесары. – И конь его Акылак!

– Да, это дядя Агибай... – Наурызбай пристально всматривался в приближавшихся всадников. – А кто же рядом с ним? По тому, как прилег к гриве, похож на Ержана... <...>

Вдруг Кенесары побледнел.

– Ой, баурым! – донеслось через всю степь.

Это был вопль скорби, которым, не сбавляя бега коней, оповещают в степи о гибели близких. И сразу заголосили, заплакали в одном ауле под горой, в другом, третьем.

Каменным оставалось лицо Кенесары, и он не двинулся с места. Кунимжан встала ближе к нему. Только Наурызбай не выдержал, побежал навстречу вестникам несчастья. На полном скаку спрыгнул с коня Агибай-батыр, надел на шею пояс и, по древнему обычаю, пополз на коленях, подняв обе руки к небу:

– Батыр Кене, мы лишились обоих султанов! Мы лишились восемнадцати лучших жигитов! От руки ташкентского кушбеги пали твои старшие братья Есенгельды и Саржан, пали все наши славные воины!..

Кенесары не пошевелился.

– Когда и как? – спросил он спокойным голосом.

Не вытирая текущих слез, батыр Агибай рассказал подробности гибели султанов.

Они шли к аулу, и потрясенные горем люди бежали им навстречу. Наурызбай с Кунимжан поддерживали с двух сторон обессиленного Ержана. Подойдя к белой юрте, Кунимжан сорвала со своей головы саукеле с перьями, бросила на землю парчовую шаль и, распустив свои черные волосы, заголосила:

Пали безвременно два льва, не знавших страха,

Доверились коварному врагу!

О, как подло заманили их в ловушку

И расправились с безоружными!..

Недобрая весть подобна шальному ветру – в мгновение ока распространилась она по всем юртам. Матери в отчаянии рвали волосы, плакали навзрыд дети, тяжело вздыхали старики, стискивали зубы жигиты.

Лишь на следующее утро кое-как утих переполох, вызванный этой страшной вестью. Услышав из уст Агибай-батыра подробный рассказ о гибели двух своих сыновей, старый Касым-торе посидел в одну ночь, будто выпил горькой отравы. Несмотря на семидесятилетний возраст, он до сих пор был прям, как копьё, а тут согнулся, как одинокое, открытое всем ветрам дерево в степи. <...>

Ближе к полудню старый торе собрал на совет Кенесары, Наурызбая, Агибая и приехавшего накануне батыра Кудайменде. Он долго сидел молча, потом поднял голову:

– В молодости, когда был я глупым и необузданным, увидел я как-то в горах Кокчетау дикого белого верблюда. И хоть говорили старики, что нельзя этого делать, я посмеялся над их словами и пустил в него стрелу. Этот священный верблюд был хозяином Кокшетау, и как бы не поразило тебя его проклятие! – сказали тогда старики... Теперь я знаю, что это из-за моего кощунства потеряли мы горы Кокшетау, а сейчас я потерял сыновей. Проклятие на моем роде, и не будет счастья никому из моего потомства, если не принести жертву. Во имя Аллаха мудрого, справедливого за искупление моего давнего греха жертвую священного белого барана с золотистой головой. Склоняю свою отягощенную грехами седую голову, молю Бога простить меня и пощадить моих оставшихся сыновей!..

Касым-торе опустил вознесенные к небу руки и сидел в скорбном молчании. Собравшиеся беззвучно шептали:

– О, Аллах, прими жертву!.. Прими белого барана с золотистой головой!.. Неясный, затухающий огонек появился на миг в глазах старого торе.

– Бухар-жырау говорил, что не от старости умирает орел. Ог горя он умирает, когда крылья уже не держат его в воздухе. – Касым-торе собрал все свои силы, встал, выпрямился и протянул правую руку, благословляя Кенесары: Теперь твой черед летать... Аминь! Он отстегнул от пояса родовой кинжал в серебряных ножках, снял со стены старое кремневое ружье на роговых ножках, передал их Кенесары:

– Этому кинжалу тысяча лет, и всегда принадлежал он старшему из нашего рода. А ружье перешло ко мне от моего отца и твоего деда – хана Аблая. Оно убивает с пятисот шагов, и до сих пор я никому его не давал!..

Это означало, что Касым-торе передает всю власть, родовую и военную, султану Кенесары. Вынув прадедовский кинжал из ножен, Кенесары приложил его острием к губам:

– Клянусь никогда не знать пощады к врагам, и пусть сердце мое будет холодным и твердым, как эта сталь!

Касым-торе наклонил голову в знак согласия:

– Последняя моя просьба к тебе: отомсти за смерть двух братьев и за восемнадцать зарезанных туленгутов!.. Нам не одолеть сейчас всего Кокандского ханства, но для мести сил хватит. Завтра же собери всех верных сарбазов и по примеру нашего славного прадеда – хана Тауекеля не оставь камня на камне от Ташкента. Пусть сгинет это гнездо коварства, и тогда ты выполнишь передо мной свой сыновний долг!..

Султан Кенесары опустился на одно колено:

– Мы подумаем и после восхода солнца скажем свое решение.

...В ту же ночь султан Кенесары собрал в белой двенадцатикрылой юрте батыров Агибая, Наурызбая, Кудайменде и Нысанбая и долго советовался с ними. Наутро он вместе с батырами посетил Касым-торе.

Всю ночь не смыкал глаз, ворочаясь с боку на бок, старый хан. Он сомневался, правильно ли поступил, велел напасть на Ташкент и не заручившись при этом поддержкой казахов Сырдарьи, Сарысу и Чу. Можно ли рассчитывать на успех, опираясь лишь на малочисленные роды Алтай, Тока, Алтын, Уак? Увидев сына, Касым-торе медленно встал с мягкой постели.

– Торе! – Кенесары низко склонился перед ним. – Как говорят, если разум – палка, то гнев – нож. Не будем же срезать палку. Мы обдумали это и пришли к решению, что не следует сейчас нападать на Ташкент. Время еще не настало... <...>

– Что же, я сам сомневался, правильно ли мы задумали. Очевидно, пришло утро, которое всегда мудрее вечера... Теперь давайте подумаем о вашем решении. Когда волчица оставляет свой выводок в логовище, охотники обязательно ставят там капканы. Не ждут ли они нас в Кокшетау? Ведь нам ужиться там после всего случившегося невозможно. Не лучше ли перекочевать в глубь Сарыарки, да и то не дальше Улытау? Это узел кочевий всех трех жузов, и если не на одного, то на другого можно будет опереться...

– Улытау относится к роду баганалы. Кенесары говорил спокойно, убедительно. Было видно, что он все хорошо продумал. – Что если откажут нам теперь в убежище сыновья Сандыбая? Нельзя забывать, что оба – Ерден и Дузен – получили высокий титул от белого царя. Не придется ли нам сразу братья за палицы? Разумно ли это будет, даже если мы и сможем их одолеть?

Касым-торе согласно кивнул:

– Да, ты правильно судишь, султан Кенесары. Измученные походом сарбазы должны будут отдохнуть. Да и плохо приходится тому, кто, придя в чужой дом, подобно скорпиону, жалит хозяина. Не с этого следует начинать задуманное тобой... – Он остро посмотрел на Кенесары,

потом со вздохом опустил голову. – Неужели во всей Сарыарки не осталось места, где можно было бы приклонить голову внукам Аблая?

Тогда, до сих пор стоявший молча, склонил перед старым торе голову батыр Кудайменде.

– Нельзя надеяться на гостеприимство детей Сандыбая, мой торе. Мне кажется, что вам следует перекочевать сразу к берегам Терсаккана, в урочище Каракоин-Каширлы. Среди наших – немало из рода Алтай, а вы знаете их батыров Жанайдара и Тулебая. К тому же род Алтай с радостью даст на зиму убежище потомкам Аблая! А к лету можно будет перейти в Улытау, чтобы вырвать его у сыновей Сандыбая. Только переломив им хребет, можно будет думать о дальнейшем...

– Что же, где-то за Терсакканом и родные нашей снохи Кунимжан, – задумчиво ответил Касым-торе.

– В таком случае надо немедленно послать нарочного в Каракоин-Каширлы, чтобы дать знать о нашем намерении! – решил Кенесары.

Касым-торе утвердительно кивнул.

– Это правильное решение!

<...> После поминок по погибшим от рук ташкентского кушбеги султанам и туленгутам аулы стали поспешно готовиться в дальний и нелегкий путь. Оказалось, что не только старики и взрослые мужчины, но и маленькие дети истосковались по родным краям. Они радостно бегали, помогая старшим разбирать юрты. Потуже стягивали ремни жигиты, узлом завязывали хвосты лошадей, готовясь в дорогу. Особенно тщательно проверяли оружие. Все понимали, что вряд ли обретут покой на родной земле.

<...> За две недели пересекли они Бетпак-Далу. Там, где река Сарысу заканчивает свой путь, исчезая в сыпучих песках, находилось урочище Кзыл-Джингил. Там, в большом ауле Ботеша, их ждал уже Кудайменде и с ним знаменитый, ужасный в сражениях алтайский батыр Тулебай, который один вытаскивал упавшего в глубокий степной колодец верблюда. Вместе с Тулебай-батыром для встречи султана Кенесары сюда прибыли два влиятельных аксакала и полтора десятка крепких, вооруженных коваными палицами жигитов. Маленькие косматые лошади, овчинные малахаи и яловые сапоги выдавали в них людей невысокого происхождения. Да и сам Тулебай-батыр, одетый просто, выделялся только своим необыкновенным устрашающим видом. Казалось, что ширина его равняется высоте его, а роста он был в полтора обычных жигита. Глаза его затерялись в зарослях густых бровей и ресниц, а длинные смоляные усы доходили до ушей и закручивались вокруг них. Под стать батыру был и конь, так же густо заросший ниспадавшей на землю черной гривой. И круп коня был немногим уже плеч хозяина...

Тулесбай подъехал, слез с коня, опустился на одно колено.

– Эта степь – ваша, султан Кенесары, внук Аблая!

Кенесары, который всю дорогу был хмур, как осенняя степь, впервые расправил плечи и посмотрел куда-то поверх голов окруживших его людей... <...>

В огромной пустой белой юрте, словно тигр, попавший и клетку, ходил Кенесары. Он всегда так делал: хмурил жесткие брови, стискивал правой рукой рукоятку родового кинжала и много ходил, когда нужно было решиться на что-нибудь важное. Он и вправду был похож в такие минуты на хищного зверя: шея его напрягалась, шаги становились неслышными, глаза горели недобрым огнем. Боясь его гнева, никто в это время не нарушал его покой. Страшно было подвернуться ему под руку, когда он находился в таком состоянии... Сегодня это продолжалось особенно долго. Шинель с полковничьими эполетами, которую по наследству носил Кенесары, была лишь наброшена на его плечи, и полы ее развевались на поворотках.

Вчера с берегов Сырдарьи прибыл лазутчик. Он привез известие, что кушбеги Бегдербека перевели в Аулие-Ату, а на его месте временно сидит Ляшкар. Положение казахов в связи с этим сильно ухудшилось, и можно рассчитывать на взрыв. <...>

Не судьба сырдарьинских казахов беспокоила султана Кенесары, а то, как можно использовать создавшееся положение для пополнения войска. Нужно подождать, пока окончательно созреет кокандский нарыв, и тогда уже действовать наверняка. К пятидесяти тысячам последовавших за ним дворов может прибавиться еще сто, а то и сто пятьдесят тысяч. Это уже серьезная сила!

А что если созрел уже нарыв и он напрасно медлит?.. Долго ли будут продолжать верить ему люди, которых он с таким трудом собирал весь этот год под свое знамя? Кто угадает, не начнут ли завтра они расходиться по всей степи. Ведь это же казахи. На многотысячный и плохо поддающийся управлению табун похожи они. Такой табун мчится по степи и все может снести на своем пути. Но если враг уловит тот единственный, знакомый опытным табунщикам момент и в нужном месте испугает его, то табун ошалело отхлынет назад. Тогда ничем уже не остановишь его: ни уговорами, ни плетью...

Нет, ни в коем случае нельзя допустить этого. Поэтому – больше шуму и крику сзади, чтобы обеспамятевший табун уже не видел ничего перед собой и мчался только вперед, без оглядки, заполняя теплыми телами рвы и овраги, сметая любые заслоны!

До сих пор его жигиты громили лишь аулы враждебных ему султанов, грабили караваны на пути между Ташкентом и Кара-Откелем, участвовали в стычках с небольшими отрядами царских войск. Теперь пришло время перейти к более серьезным действиям. Этого ждут от него все, ждет чернь. Ведь не для нападений на караваны пошла она за ним. Если не покажет сейчас людям, что он решил на большое дело, они отшатнутся от него, пойдут своим путем...

Да, пришла пора действовать! На его послания даже не отвечают, и в степи знают об этом... Несколько таких посланий направил он за это время западносибирскому генерал-губернатору князю Горчакову с предложением переговоров. Силы его все возрастали, и он рассчитывал, что царское правительство начнет, наконец, считаться с ним.

Последнее послание было отправлено совсем недавно: в мае 1838 года. Каждое слово из него помнил он и теперь, шагая из угла в угол, повторял:

«Его сиятельству господину генерал-губернатору от Кенесары Касым-оглы из дома хана Аблая... Послание...

Доводим до Вашего сведения, что я стремился установить мир и согласие между нашими двумя царствами. Однако ж, как нам стало известно, Ваше сиятельство подозревают, что мы переманиваем на свою сторону Ваших людей. Я хочу сообщить Вам: без нашего согласия Вы построили уездные города на землях, принадлежавших моему деду – хану Аблаю, ввели свои налоги, поставив моих подданных в невыносимые условия. Мы недовольны этим и не можем продолжать оставаться в Вашем подчинении, пока не будут отменены эти налоги. Как бы Вы себя чувствовали, если бы то же самое случилось в Российском царстве? Вы должны понимать наше положение.

По принадлежащему мне праву я присоединил к себе казахов Баян-Аульского, Каркаралинского и Акмолинского округов. Уповаем на Бога при этом, что объединение наших земель будет продолжено. Было бы лучше всего, чтобы мы продолжали существовать самостоятельно, и тогда не было бы у Вас более добрых соседей.

По дошедшим до меня слухам, Вы ставите перед собой задачу нарушить наши отношения с Кокандом и Бухарой. Но, как единоверцы, они обязаны помогать нам...

Как было бы хорошо, если бы мы жили в дружбе и согласии. <...>

Для того, чтобы сохранить вечную дружбу и мир между нами, я требую от Вас следующих действий:

- 1) Прекратить строительство Актауской крепости.
- 2) Срыть уже построенный город-крепость Акмолинск.
- 3) Закрыть все правящие учреждения на принадлежащей нам земле.

4) Выпустить из тюрем всех арестованных наших подданных, а также двух наших людей, посланных к султану Конур-Кульдже.

Ставлю свою именную подпись под этим посланием и заверяю печатью.

Я, Кенесары Касым-оглы».

<...> Только вот уже три месяца, как отправлено это послание, а до сих пор и на него нет ответа. Табылды и Кошимбай, которые везли письмо, были по дороге задержаны сыновьями Кошека, известными прихвостнями Конур-Кульджи. Их пешком гнали до самого Омска. А на днях получено известие, что его гонцов будут судить и пошлют в Сибирь.

Можно ли дальше внуку Аблая терпеть такое пренебрежение? Да, он уже убедился, что без хорошей встряски никто с ним не захочет считаться. Сейчас перед ним два пути. Первый – покориться белому царю, склонить голову перед грязным Конур-Кульджей и сыновьями Вали, распустить людей по домам и нежиться на шелковых подушках с женами. Другой путь – тот, который он выбрал, поклявшись на дедовском булате.

Не будут с ним считаться, пока не покажет свою силу и решимость. А начинать надо с Акмолинской крепости, которая стоит на пересечении всех дорог. Там – Конур-Кульджа, подлый шакал. И еще следует разгромить в отрогах Срымбета аулы Айганым – жены Вали-хана, злейшего врага сыновей Касыма-торе. Враги должны знать, что возмездие не минует их. Кто не с ним, тот пусть дрожит от одного его имени...

Батыры предлагали ему начать военные действия прямо с нападения на Кокчетавскую крепость, но он не согласился. Там все же мало простора для действий конницы и Омск близко. В любую минуту к осажденным в крепости может прийти подкрепление. <...>

В любом случае надо брать Акмолинскую крепость. Она – посреди степи, и весть о ее взятии сразу отразится на положении дел. <...>

А что если не сумеет он взять Акмолинскую крепость? Пятитысячное войско у него, но разве всех в нем назовешь воинами! Испытав горечь первого поражения, не попятятся ли они назад, как лошадь, которую стукнули обухом по голове? И кто пойдет дальше за полководцем, проигравшим сражение?..

Нет, потом могут быть и неудачи и поражения, а в первом бою необходима победа. И тогда станут говорить, что крепостные стены рухнули от одного только его голоса. Там, в Акмолинской крепости, спрятана та белая кошма, на которой поднят он будет над всеми жузами, как его благородный дед!

Только разве Конур-Кульджа и Кара-Иван отдадут даром такую крепость? <...>

Да, нужно делать так, как советовал башкир Ашраф... Если бы он только знал, этот бедный башкир, как опасно давать хорошие советы султанам. Они не прощают этого, и ничего тут не поделаешь. Ни в коем случае никто не должен подумать, что чьи-то советы принесли вождю победу. Кенесары – это победа, и никто больше не будет иметь к ней отношения!..

От Жоламан-батыра прибыли к нему оба башкира. Но оказалось, что пушки умеет лить только Давлетчи. Кенесары выделил ему пятерых кузнецов-казахов, приказал собрать в аулах необходимые котлы и треноги, определил место для плавки в урочище Коргасынды. А другого, Ашрафа, отец которого когда-то участвовал в восстании русского Пугачева вместе с батыром Салаватом, он оставил при себе.

Три дня назад <...> султан как бы невзначай спросил у башкира, как брали такие укрепления жигиты Салавата.

– А у вас как это делается? – спросил его Ашраф.

Кенесары тогда все подробно рассказал ему. Как и тысячу лет назад, сплошной конной массой движутся на штурм казахи. От грозного боевого клича кровь леденеет в жилах врагов, руки у них дрожат, и они уже не могут натянуть как следует даже тетиву у лука. А конная лавина, завалив собою ров, подобно волне, взмывает вверх и перехлестывает через стену прямо на плечи защитникам!..

– Нет, таким старым приемом никак не взять новую крепость, где есть пушки и ружья! – просто сказал Ашраф.

– Почему ты так думаешь? – спросил, помолчав, султан.

– Я помню, как рассказывал отец. Такая же лавина скатывалась в ров, но пока выбиралась оттуда, солдаты царицы Екатерины успевали дважды перезарядить ружья, а потом в самую гущу били картечью пушки. Пришлось действовать по-другому...

<...> Кенесары застилало глаза от бешенства, но внешне он был спокоен и внимателен. Ашраф деловито, с подробностями рассказал ему, как поступали в таких случаях Пугачев с Салаватом. Это была еще более древняя степная тактика, которую саки передали кипчакам и монголам, но против пушек и ружей она вдруг оказалась самой пригодной.

– Не забудьте, что в крепости много деревянных домов, – напомнил башкир. – Салават всегда учитывал это...

А через три дня башкир Ашраф случайно погиб в тугаях от упавшего дерева. Вместе с мрачным длинноруким султанским палачом Кара-Улеком он послан был выкуривать деготь... Да, потяжелее кованой палицы кулак Кара-Улека, и шейный позвонок честного башкира был раскрошен, словно поленом. Ничего не говорил Кара-Улеку султан, а тот почему-то решил...

Приходится смиряться с этим. Такова участь правителя. Башкир хотел только добра, когда учил брать крепости... Что же, Аблай своими руками лишил жизни верного раба Ораза, чтобы не оставаться кому-нибудь благодарным на этом свете. Прапрадед гордился кличкой Кровавый Аблай. <...> Когда идешь к власти, кровь невинного бывает необходимой пролить, чем виновного. Только слабостью порождается жалость, недостойная подлинного вождя...

– Пусть земля наша будет тебе мягче пуха! – сказал он, первым бросив горсть песка на могилу Ашрафа. <...>

Вдруг он услышал какой-то шорох и резко обернулся. Кто там?

Конечно же, это была Кунимжан, его старшая жена. Только она могла заходить к нему в такие минуты, когда он думал.

Кунимжан сразу заметила, в каком он состоянии, и поспешила развеять его тяжелые думы веселым смехом.

– Они собрались, все эти огромные батыры, и ждут тебя уже столько времени, сколько нужно мне для дойки кобылы...

Кенесары кивнул:

– Идем!..

Вместе с Кунимжан они прошли в соседнюю двоянную юрту, называемую им на русский манер штабом. Все батыры были уже здесь: Наурызбай, Агибай, Кудайменде, длинноусый смуглый Бухарбай, присоединившийся к ним недавно выходец из рода Атыгай – известный борец Басыгара, алтайские батыры Жанайдар и Тулебай, присланный Жоламаном молодой батыр Байтабын и другие.

Кроме них, в юрте находились сестра Кенесары – знаменитая Бопай, брат его – султан Абиьгазы, а рядом с вещим певцом Нысанбаем, недалеко от двери, сидели за круглым и невысоким казахским столом советники: горбоносый Сайдак Оспан-оглы и синеглазый польский поэт Иосиф Гербрут, прозванный в степи Жусупом. Как старший повыше их сидел Алим Ягуда-оглы, белокурый татарин с широким лбом и умными серыми глазами. И уже в стороне, на большом сундуке для документов, расположились особо доверенные люди: начальник охраны башкир Батырмурат и друг Наурызбая беглый русский солдат Николай Губин.

Когда вошел Кенесары, все встали, скрестив руки на груди, склонились в поклоне. Он поклонился в ответ и сел на большой, покрытый ворсистым бухарским ковром сундук, стоящий напротив двери под зеленым знаменем. Остальные тоже опустили на ковры, поджав ноги.

– Славные батыры и вожди всех трех казахских жузов! – сразу начал Кенесары. – Ни одного дня покоя не видели мы с тех пор, как начали наше благородное дело. Велики были трудности и лишения, но мы преодолели

все. Народ казахский похож сейчас на бурную реку в половодье, переполнившую русло и рвущуюся на простор. Жигиты стремятся в бой, и нет уже смысла сдерживать их. Чтобы не потерять доверия людей, нам следует от мелких схваток перейти к настоящей войне. Поэтому мы решили начать штурм Акмолинской крепости!

Всеобщий радостный вздох был ему ответом. <...>

Кенесары указал рукой на бумаги перед Иосифом Гербрutom:

– Жусуп, прочитай батырам все, что сделано карателями белого царя на наших землях!

Гербрут встал и начал читать по-казахски с легким акцентом заранее написанный доклад.

«Генералы белого царя считают нас бунтовщиками и грабителями, – читал Гербрут. – В инструкции начальника Омской области генерала Талызина предлагается во всех пограничных крепостях сформировать специальные отряды для борьбы с нами. Там так и говорится: «Ваша задача состоит в том, чтобы ликвидировать разбойника Кенесары и вернуть сбжавшее население в свои волости». Против нас во исполнение этого приказа уже послано несколько отрядов...

– Перечисли все, что уже сделали они! – приказал Кенесары.

– Отряд из пятисот солдат под командованием атамана Лебедева в месяце маусым – июне нынешнего года совместно с ага-султанскими людьми учил погром в аулах родов Карпык и Темеш, кочующих по берегам Тургая и Жаидере-Кегрубe, а также в ауле султана Саржана, где убито четыреста и угнано карателями сто человек. В их числе находится Баянды-бий...

Кенесары нетерпеливо махнул рукой:

– Дальше!

– Отряд из пятисот человек во главе с ага-султаном Конур-Кульджей и войсковым старшиной Карбышевым в месяце шильде – июле нынешнего года учинил погром в аулах Кошек-султана и мирзы Сайдака, кочующих в Айркумах. При этом было убито около пятидесяти человек, среди которых находились женщины. С собой угнали восемьдесят человек...

– Довольно! – Кенесары сделал широкий жест рукой.

– Что мы предприняли, чтобы воспрепятствовать этому? Расскажите нам это, Сайдак-мирза!..

Мирза Сайдак-ходжа, человек средних лет, с красивыми усами и мягкими, учтивыми движениями, неторопливо поднялся с места.

– Мы, когда представляется возможность, не допускаем этого, – сказал он и обвел сидящих взглядом. – Несколько стычек произошло у нас с отрядами, высланными комендантом Актауской крепости Симоновым.

Однажды и сам войсковой старшина Симонов бежал от нас, бросив на поле боя два десятка ружей и пистолетов, а также патронов к ним, которые нам пригодились. Всего за это время нами захвачено сто пятьдесят ружей, около ста пистолетов, двести заводских сабель и много другого оружия и боеприпасов. Первым долгом, конечно, мы обрушиваемся на аулы правительственных ага-султанов и неправедных биев, участвующих в карательных походах против нас. В этом году мы отобрали у них целый миллион голов разного скота и много добра.

– Не только в аулах! – поправил Кенесары.

– Да, сюда входят захваченные караваны, а также то, что отобрали мы у царских чиновников, приставов, урядников, всяких толмачей. Хорошую добычу мы получили и вокруг Актауской крепости. Весь скот угнали у них.

– Поступали ли жалобы на нас от русских крестьян? – строго спросил Кенесары и поправил свой полковничий эполет со старыми царскими вензелями. – Я говорю о тех, которые сеют хлеб и не строят крепостей против нас.

– Почти не было. Всего за счет земледельцев поступило из Каркаралинского округа около ста рублей...

На самом деле поступило оттуда значительно больше, но Кенесары накануне попросил Сайдак-ходжу уменьшить эту цифру до символических ста рублей. Он знал настроения некоторых своих батыров из простонародья.

– Да, это правильно! – Агибай-батыр так разволновался вдруг, что даже вскочил с места. – Там и брать-то нечего. Не против них мы идем.

Несколько батыров закивали, Кенесары посмотрел на них долгим, с прищуром, взглядом. Сам смущенный своей неожиданной речью, Агибай-батыр растерянно сел. Султан сделал Сайдаку знак продолжать.

– Так что основные наши доходы – от ага-султанского добра купцов и царских чиновников. Только из аулов сыновей Кудайменде угнали мы двадцать тысяч лошадей. Сейчас не осталось у нас жигита, который не имел бы породистого скакуна и к нему по паре сменных лошадей.

– Мы уже думали, что угнали у бедняги все до последнего жеребенка, а тут вдруг говорят, что на одном только дальнем острове на Есиле пасется еще три тысячи белых, как русский сахар, аргамаков.

– О, Аллах! – воскликнул с удивлением Бухарбай, у которого в лучшие времена не было больше пары лошадей. – Неужели бывают на земле такие богатые люди!

– Оттого и прячутся за спину белого царя! – зло заговорила Бопай. – Это им нужны крепости на нашей земле.

Сколько ни отрезали на переселенцев, все равно самые плодородные земли и пастбища у потомков Самеке и Вали-хана. Не то, что землю – душу готовы продать они, лишь бы сохранить свои табуны... Посмотрите, что делается: один царит на Есиле и в пойме Нуры, другой – на склонах Срымбета и аж до самого Шубара и Кушмуруна! С трех полных волостей можно уместить скот в одних только владениях этой хитрой валихановской Айганым! Доколе будем терпеть ее выходки и проказы? Не пора ли разгромить ее вместе с Конур-Кульджей?..

Глаза ее сверкали, она требовательно протягивала руку к брату. Кенесары пристально смотрел на нее. Наконец он кивнул:

– Ни один уважающий себя батыр не станет нападать на аул, принадлежащий женщине. Если не жалко сородичей своего мужа, сделай это сама!

Батырам понравилась его находчивость. <...>

Кенесары задумался о чем-то на миг, потом снова повернулся к сестре:

– Да, так и сделаем. По пути домой заедешь в аул Вали-хана. Переговоришь скот Аманкарагайского приказа на нашу сторону.

Бопай радостно всплеснула руками:

– А чего ждать? Мои сарбазы сейчас и выступят!

– Правильно! – Кенесары повернул голову к Сайдак-ходже: Напишите указание ей в пять дней добраться до Аманкарагайского приказа. Потом день отдыха в тугаях, а на седьмое утро произвести нападение... В этот же день мы поведем наши главные силы на приступ Акмолинской крепости!.. <...>

...Байтабын приехал неожиданно. Кенесары с Иосифом Гербрутом и с сопровождающими их людьми вышли на окраину аула встретить возвращающегося с охоты Наурызбай. И в это время совсем с другой стороны показалась небольшая группа всадников. Султан узнал их с первого взгляда.

– Это батыр Байтабын! – сказал он ровным, спокойным голосом.

Вместе с Байтабыном ехали Жеке-батыр, батыр Кудайменде и Таймас. У Байтабына в лице не было ни кровинки. До хруста были сжаты его зубы, а в устремленных на Кенесары глазах застыло недоумение и неутешное горе. Всем было ясно, что Байтабын знает о свадьбе Наурызбай и своей нареченной невесты Акбокен. <...>

И в этот момент раздался вдруг топот, веселый смех. Это возвращались с охоты Наурызбай с друзьями. Увидев Кенесары, они тоже сошли с коней и двинулись к нему. Впереди шел Наурызбай, а на правом плече его сидел знаменитый во всей округе сокол Канды коз – «Кровавый глаз» – с белой шелковой нитью на ногах.

Наурызбай увидел Байтабына и застыл на месте. А Байтабын уже подходил к Кенесары. Встав на одно колено, батыр приветствовал султана.

– О чем мне говорить раньше, мой султан: о закончившемся походе или о несправедливости, которой я подвергся, находясь вдали? – спросил Байтабын.

Густые рыжеватые брови Кенесары, крылья орла, сошлись над переносицей.

– Будет еще время выслушать и то и другое! – Он смотрел в упор на Байтабына. – Сначала нужно решить один очень спорный вопрос... Люди говорят, Байтабын, что ты лучший стрелок в нашей войске. Если правда это, то попади со ста шагов в сокола, который сидит на плече у Наурызбая...

Люди онемели. Безмолвно стоял Наурызбай, и сокол застыл на его плече, словно понимая, какая ему предназначена роль.

Байтабын посмотрел на Наурызбая.

– Мой султан, у стрелы шальные повадки, а голова батыра Наурызбая так близко от птицы...

– За шальную стрелу ты не в ответе!

Это был приказ... В который раз ужаснулся Иосиф Гербрут характеру этого человека. Никого не было у Кенесары ближе брата Наурызбая. И вот теперь он делает его голову залогом своей политики. Да, если Байтабын промахнется и попадет в голову Наурызбая, конфликт между ними будет разрешен, и одновременно конфликт между обоими жузами, которые во что бы то ни стало хотят объединить Кенесары. И ничего не будет за это Байтабыну...

Какая жестокость! Но все это ради цели, которую поставил перед собой этот степной вождь. Чего достойна такая безмерная твердость: поклонения или порицания? По-видимому, смотря где и в какое время происходит это...

Байтабын не заставил себя долго ждать. Обведя твердым взглядом батыров, он решительным движением вынул из колчана знаменитую стрелу Козы-жауы – «Смерть ягнёнка», вскинул лук на уровень груди и, как будто не целясь, отпустил тетиву. В тот же миг сокол упал на землю с левого плеча Наурызбая...

Вздых послышался в толпе, но лица у батыров были каменные. Они понимали, что Байтабын сейчас своим выстрелом спас единство обоих жузов.

Кенесары подошел и поцеловал его в лоб, чего никогда, еще ни с кем не делал.

– Я и не знал, что ты такой замечательный стрелок! – сказал зычным голосом. – В награду за оказанную мне честь можешь выбрать в жены

любую девушку из моего рода или других родов на всей подвластной мне земле...

Так закончился спор двух батыров, которые обычно даже лучшим друзьям не прощают одного неосторожно сказанного слова. Наурызбай в память об этом дне приказал закопать сокола на том месте, где он упал. С тех пор этот холм в народе стали называть Сункар-Ольген – «Могила сокола».

Потом Наурызбай подошел к Байтабыну, и они поздоровались за руку, как подобает делающим общее дело людям. У всех стало светло на душе. И лишь у одного человека словно когтями сжало сердце. Этим человеком был Кенесары. Простой батыр Байтабын победил его в состязании на самоотречение!..

Тяжелая рука Кара-Улека пришла в это мгновение на ум султану Кенесары... Людей с такой волей и благородством, как у этого юного батыра, нужно уметь привязать к себе. Но со временем они становятся опасны...

– Батыр Байтабын!.. – Благожелательная улыбка была на губах Кенесары. – А теперь расскажите нам о том трудном деле, ради которого вы оставили нас.

Байтабын подробно рассказал о своем длительном походе.

– <...> Говорят, из Омска должны прибыть крупные подкрепления к тем войскам, которые уже имеются. Судя по всему, они намерены напасть на нашу ставку, когда вы распустите на зиму по домам сарбазов. С вами ведь тогда останутся одни туленгуты...

Тень прошла по лицу Кенесары... Враг хорошо знал его больное место. Разве легко прокормить зимой в степи такое большое войско вместе с лошадьми? Приходилось каждую осень распускать сарбазов по своим аулам и с наступлением лета снова собирать их. Этим и решил воспользоваться враг. Не больше пятисот сарбазов и туленгутов может он оставить на зиму возле себя. Если регулярные войска окружают его аул, придется трудно...

Генерал Талызин выбирает удобное время, чтобы сполна рассчитаться с ним за Акмолинскую крепость и за многое другое. Они там со своими ага-султанами хотят поступить с ним, как охотники, которые преследуют волчьи выводки по первому снегу. Придется и с ними вести себя по-волчьи.

Волки в таких случаях не ждут прихода охотников. Пока те собираются, они уводят своих волчат за много переходов. Так и нам следует поступать. Пока из Омска выступят войска, мы окажемся под самым Оренбургом, среди Младшего жуза для оренбургского военного губернатора это будет полной неожиданностью. А пока он собирается с силами,

зима пройдет. За это время все может случиться. Говорят, что оренбургское начальство все же не такое беспощадное, как омское. Возможно, и удастся договориться о чем-нибудь...

Байтабын сообщил, что они с Ожаром пригнали скот, захваченный Агибаем. Сам Байтабын поехал вперед, чтобы сообщить об этом.

– Спасибо тебе за добрые вести! – У Кенесары было хорошее настроение. – А где же ваш Ожар?

– Он свернул по дороге в какой-то аул...

– Зачем?

– Дела там у него. Он мне не говорил. По-видимому, разузнать хочет кое-что для нас...

При имени Ожара Таймас вздрогнул.

– Это какой Ожар? – спросил он громко, и лицо его сильно побледнело.

– Ожар – сын Кубета, – пояснил кто-то.

– Откуда взялся здесь этот человек?

– Сбежал из омской тюрьмы, а потом приехал к нам вместе с дочкой Тайжана.

– Разве у покойного Тайжана была дочь?

– У него была дочь, – сказал Кенесары. Она прислужой в Омске работала. Там и взял ее в жены Ожар как друг и соратник ее отца...

– Та-ак!

– Что тебя тревожит?

– Это очень длинная история, Кенек... Я потом расскажу ее вам. – Таймас посмотрел в сторону жигитов Наурызбая. – А где же эта дочь Тайжана?

– Вон... Крайняя белая юрта!.. – показали ему.

– Ну и дела!

Таймас покрутил головой, не отводя глаз от этой юрты...

Солнце закатилось. Стоявший в задумчивости Кенесары, словно очнулся от сна.

– Байтабын-мерген! – обратился он к молодому батыру, прибавляя к его имени прозвище лучшего стрелка. – Ты устал в далеком походе. Отдохнешь немного и зайдешь ко мне. Мы должны поговорить с тобой об одном деле!

– Зайду, – коротко сказал Байтабын.

Кенесары со всем своим окружением направился к аулу. Лишь один Байтабын остался на холме...

Вернувшись в аул, Кенесары надолго уединился с Таймасом, который рассказал все, что слышал в ту ночь, лежа за стеной своей юрты. Батыр Сейтен оказался прав, предрекая это предавшему его Ожару...

Они вызвали к себе Алтыншаш – дочь Тайжана и жену предателя. Превозмогая себя, рассказал ей Таймас подробности. Она не стала рыдать и вопить, просить их о чем-нибудь. Только вздрогнула, как будто окунулась в холодную воду, и две слезы выкатились из глаз. Больше она не плакала.

Долго сидела молча Алтыншаш. Потом перевела взгляд на решетчатую стену юрты.

– С некоторых пор в моё сердце закралось подозрение, но я гнала его от себя. – Она говорила тихим, спокойным голосом. – Сейчас разрешились все мои сомнения, и то хорошо. За смерть моего отца и дяди мой муж ответит передо мной. Прошу вас ничего не делать с ним. Это – моё право!..

– Отмщение дело мужчин, – сказал Кенесары. – Нельзя, чтобы женщина марала свои руки в мужской крови, да еще в крови предателя. Предоставь это нам...

– Нет! – Теперь она закричала. – Только передо мной ощутит этот человек, что ни на том, ни на этом свете не будет ему прощения!..

Кенесары почувствовал родственную душу.

– Ладно, – сказал он. – Пусть будет по-твоему. Только, смотри, не оплошай...

Байтабын долго сидел на вершине холма. Самые различные думы и воспоминания блуждали в его голове. <...>

Торе не отдавали своих дочерей замуж за простолюдинов. Неизвестно, почему нарушил это правило султан Тленчи, отдавший свою дочь Даметкен в жены простому жигиту Коже. Как бы то ни было, но благодаря отцу, бесстрашному и достойному человеку, детство его прошло в тепле и достатке. А когда ему исполнилось десять лет, умер отец.

Чего только не перенес с тех пор Байтабын! К шестнадцати годам он был уже признанным жигитом и верным соратником своего дяди по матери Жоламан-батыра. Сейчас ему уже двадцать три года, а за спиной только схватки, погони, кровопролитные сражения...

Что же заставляет его каждый раз бросаться сломя навстречу смерти? Что защищает он – свои многочисленные стада, пастбища, уголья? Нет, все богатство – верный конь под ним да сбруя. Есть еще далеко отсюда темная прокопченная юрта, где живет его мать Даметкен.

Сейчас он точно определил для себя, что две причины были этому. И первая из них – Акбокен!.. Да, именно ей служил он все эти годы. Если не богатство, то славу он принес к ее ногам. <...> «Ты достигни раньше настоящего положения, чтобы люди знали тебя...», – так говорила ему всякий раз Акбокен, когда он торопил ее с женитьбой. О славе ханских дочерей мечтала она...

Но и он ведь в последнее время чаще задумывался, что недостойно служить одной лишь женской прихоти. Разве подлинная любовь обязательно требует жертв? Тот, кто действительно любит, не нуждается ни в славе, ни в богатстве. А ей нужен был не он, простой жигит Байтабык, а слава!..

Кину же впервые он подумал об этом?.. Да когда увидел другую женщину – тихую, с мечтательными глазами. Они шли тогда с Наурызбаем, и на пороге белой юрты сидела она.

Ничего ему не нужно от нее. Он будет издали любить эту прекрасную женщину...

А какая же вторая причина? Да, она тоже связана с женщиной, гордой и смуглой, с серебряными волосами. В день шестнадцатилетия она подвела к нему старого боевого коня его отца Кожи и сказала: «В час испытаний для нашего народа не пристало сыну батыра Кожи держаться за материнский подол. Поезжай к своему дяде Жоламану, который борется за вольные степи, стань опорой родному народу!»

Он всегда помнил слова матери. Борьба за независимость своего народа стала главным делом всей его жизни. Ради этого простил он сегодня Наурызбая. Теперь, после измены Акбокена, он свободен. Одно остается ему – умереть в бою за свой народ и оправдать материнское доверие. И если хоть одна слезинка выкатится из глаз женщины, которую зовут Алтыншаш, он умрет счастливым...

Снова возник перед ним женский образ, и мысли его возвратились к Алтыншаш. Два раза всего он видел ее, но оба раза были для него светом в кромешной тьме. Он пытался уже гнать от себя ее образ, какой это страшный грех – думать о чужой жене. Но это было свыше его сил. Как только оставался он один, она опять возникала перед ним, как птица из сказки...

Байтабын вздрогнул, радостное предчувствие появилось в сердце. Ветерок донес до него нежную мелодию. Он понял, что где-то там, внизу, девушки и жигиты веселятся и качаются на алтыбакане – казахских качелях. При этом всегда песни легкие и веселые. Только эта песня была какой-то особенной, а голос казался таким родным, что хотелось слушать его вечно...

«Почему сидишь ты один на этом холме, когда я давно уже жду тебя?.. Приходи скорее, любимый!..» Слов он не слышал, но именно они возникали из мелодии песни. Только ее голос может быть таким чистым и светлым, как мечта!.. Байтабын встал и направился сквозь ночь на этот голос. Пела Алтыншаш... После разговора в юрте Кенесары она не могла вернуться домой. Услышав шум алтыбакана, Алтыншаш направилась туда.

Молодость победила в ней все другие чувства. Куда-то в небытие ушли подлый Ожар, измены и предательства, осталась только песня...

Когда Байтабын подошел к веселящейся молодежи, она слезла с алтыбакана и пошла прямо к нему. Ведь он уходил в поход вместе с ее мужем Ожаром. <...>

– С благополучным возвращением вас, батыр!

Ее лицо светилось в темноте. Он с трудом отвел глаза, постарался совладать со своим голосом.

– Как ваше здоровье, Алтыншаш?.. – Он не знал, о чем говорить. – Ожар-ага ехал с нами, но задержался по каким-то своим делам в попутном ауле...

Алтыншаш вдруг громко рассмеялась:

– Не беспокойтесь об этом, уважаемый батыр!.. А я рада, что вы вернулись благополучно. Я вас ждала и очень боялась...

– Почему?

Он ничего не понимал. Алтыншаш смотрела куда-то в ночь.

– Как бы объяснить... Просто некоторые ваши попутчики казались мне недобрыми.<...>

Алтыншаш ничего не рассказывала ему о предательстве Ожара, но он чувствовал ее состояние. Себя он ни перед кем не считал виноватым... Ожар не возвращался. Они почти открыто уходили вместе и не знали, что за ними следят. Самен, тайный соглядатай Ожара, знал уже все...

Так прошло десять дней. На одиннадцатый день Байтабын, как всегда, ожидал ее на условленном месте, но Алтыншаш не шла. Он знал, что Ожар еще не возвратился, и не понимал, что произошло. На рассвете он пошел к ее юрте.

Ни коня, ни следов чьего-либо приезда. И все же Байтабын не вошел. Он растянулся на земле у самой войлочной стены и стал слушать. Чуть слышный стон донесся до него. Тогда батыр встал и ногой распахнул дверь...

Ожар по дороге не случайно отстал от Байтабына. Он знал, что должен встретиться с Таймасом. Но слышал ли Таймас его ночной разговор с батыром Сейтемом, этого Ожар не знал. На всякий случай он решил спрятаться неподалеку и приглядеться. Вести ему должен был доставлять Самен. Осторожный, как змея, Самен выведал про то, что Кенесары и Таймас говорили с Алтыншаш, а она сразу после этого сошлась с Байтабыном. Пробравшись в соседнее зимовье, где скрывался Ожар, Самен рассказал ему все...

Ожару следовало немедленно убраться в ставку Конур-Кульджи, но жажда мести была сильнее его. Сперва он хотел расквитаться со своей

женой. Он решил пробраться к ней в юрту, убить, а потом уже бежать от Кенесары. Когда все в ауле уснуло, Ожар оставил коня в логу за аулом и пешком пробрался в свою бывшую юрту. Когда он вошел, Алтыншаш как раз собиралась к Байтабыну.

Она рванулась к постели, где был спрятан у нее нож, но он ударом ноги отшвырнул ее, свалил на пол. Алтыншаш потеряла сознание. Ожар затолкал ей в рот кляп, подождал, когда она очнулась, и принялся подробно рассказывать, как заманил и предал сначала ее отца, а потом и брата. Время от времени он прерывал рассказ, чтобы поиздеваться над ней. Называя каждый раз имя Байтабына, он бил ее плетью, бил с ухмылкой, тщательно выбирая, куда ударить. Сейчас он приготовился уже зарезать полумертвую женщину, но слетела дверь с крючка и на пороге встал Байтабын.

Ногой выбил Байтабын кинжал у предателя. В тот же миг оба батыра схватили друг друга руками за горло. Каменными от напряжения сделались их руки. Через минуту пальцы Ожара начали слабеть, и он рухнул на землю задушенный. Не удовлетворившись, Байтабын поднял валявшийся кинжал и по рукоятку вогнал его в грудь Ожара...

Он подошел к Алтыншаш, вырвал клин у нее изо рта, склонился ухом к обнаженной женской груди. Чуть слышно стучало сердце. Байтабын удовлетворенно кивнул, подошел и распахнул закрывшуюся было дверь. Ясное утро стояло на дворе...

В этот ранний час на глазах у испуганных людей Байтабын через весь аул пронес на руках к юрте Кенесары окровавленную Алтыншаш. Старик, женщины, дети шли следом.

Кенесары проснулся от шума на улице и вышел, не дожидаясь телохранителей. Одна лишь соболя шуба была сброшена на его плечи. Байтабын, не выпуская из рук Алтыншаш, опустился перед ним на колени прямо в пыль.

– Мой султан! – закричал он. – Отсеките мою голову, но только что я своими руками задушил батыра Ожара. На то была у меня причина...

Кенесары на миг задумался... Хорошо, что этот батыр убил предателя и что он на коленях. Вечным своим должником следует сделать его!..

– Я прощаю тебе это, батыр! Многого ты не знаешь, но поступил правильно...

– Благодарю за прощение, мой султан! – Байтабын прямо смотрел в глаза Кенесары. – Разрешите просить вас еще об одной милости. Вы предлагали мне выбрать в жены любую из девушек Сарыарки. Я выбрал эту вдову. Отдайте ее мне!

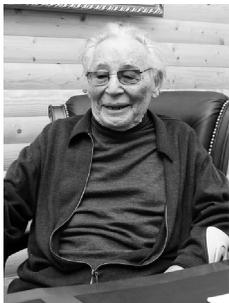
Все смотрели на Кенесары, ожидая решения. Среди людей уже прошел слух о предательстве Ожара...

– Бери ее, батыр!

<...> А через неделю после свадьбы начались снегопады. В то время к Кенесары, пристально следившему за всем, что делалось в южных ханствах, приехал гонец из рода Конрад. Он привез интересную новость: ожидается война.

Что же, пусть дерутся правоверные, а он, Кенесары, постарается пока что вырвать у Кокандского ханства нижнее течение Сырдарьи, где проживают казахи. Если до сих пор он все еще размышлял над этим, стоит ли оставлять ему сейчас Сарыарку, то теперь решился. Нужно в это время находиться поближе к кокандским владениям...

На следующий день Кенесары распустил на зиму свое войско, а сам с пятью верными соратниками-батырами и тремя сотнями туленгутов ушел на земли Младшего жуза к Тургаю и Иргизу.

Әбдіжәміл Нұрпейісов

(1924 ж.т.)

Соңғы парыз

Романнан үзінді

Жолы түсіп әне бірде астанаға бара қалғанда Арал проблемасы жөнінде болып жатқан үлкен айтыстың үстінен шықты. Аузы-мұрнынан шыққан үлкен залдың арт жағына кеп отыра кетті. Көзі бірден Әзімге түсті. Нарқасқа жігіт президиумда маңқайып отыр екен. Оның оң қолын ала бұл білмейтін дүр қара біреу жайғасыпты. Жыға танымаса да, бірақ көрген бойда мына жуан жара қара көзіне оттай басылды. Әзімнің көзін алып қайта қарағанда шырамыттты. Баяғыда оқу бітіріп келгенде өзін қабылдап отырып, шыбын қуалап кететін Жуан Жақайымға ұқсайтын сияқты. Сол туысы бірденеден кандидаттық қорғап, астанаға ауысып кетіпті деп еститін. Рас болса, рас шығар. Әйтеуір, сонан бергі он үш жылда Аралға қанша барғанда көзіне Жуан Жақайым түскен емес. Бұл анада Жуан Жақайым ғылым кандидаты болды дегенге сенер-сенбесін білмеп еді; енді сондағы жуан қараның астанаға келгесін аруағы көтеріліп, Әзімнің оң жағын ала отыратындай қауқардың қайдан біткеніне сенер сенбесін білмей ақылы дал боп отырғанда, Әзімнің кіріспе сөзін есіте алмай қалып еді; қасында тесірейген түйме көз біреу отыр екен, жұрттың бетінен жоғалтқан бірдеңесін іздегендей, анаған бір, мынаған бір қарап отырған түйме көзден сен Әзімнің жанындағы «Жуан қара

кім?» деп сұрап едің, «Жәкең ғой» деді; деуін десе де, ол бұған «Жәкеңді білмейтін сен өзін кімсің?» дегендей тесірейген көзін тебен инедей қадап тұрып алды. Сен шынында да, Әзіммен иықтасып отыруға жараған білдей азаматты білмегеніңе ішіннен ыңғайсызданып отырдың да, сәлден соң екінші жағындағы ақ сары оқымыстыға бұрылды. Үстіндегі қыжым-қыжым костюм сияқты қыжым-қыжым көйлектің де өңірін ағытып тастаған ақ сары оқымысты орындықтың арқасына шалқалап жатып алыпты. Сенің мойын бұрғаныңды байқаса да, былқ етпеді. «Жуан қара кім?» деген сенің сұрағыңа да жөндеп жауап бермей, бір танауынан мырс етті. Соған кейін жуан қараны мошқағаны, әлде мақтағаны белгісіз, аузын аспандата шүйіріп, «ол анау-у ғой», – дегеуі. Сен онан «анау қай анау» деп сұрай алмадың. Екі көршісінен есіткен екі ұдай долбардың екеуіне де түсінбеді. Арал проблемасы жөніндегі пікір бұл жақта да екіге бөлініп, бет ашысып алған екен. Түскі астың уақыты өтіп кетсе де, иін тірескен ығы-жығы халық тырп еткен жоқ; тек керілдескен қызыл шеке ұзап бір кезде кеңсіргі қаңсып бара жатқан біреулер көп арасынан сытылып шығып, есік алдында тұрып темекісін шегіп болар-болмастан аяғын ұшынан басып өз орнына қайтып жатты.

Түстен кейін ұзын бойлы аққұба жас жігіт сөз алып еді; бірақ қарсы жақ жер тепкілеп, ысқырып сөйлетпеді. Ыза болған жігіт ойының басаяғын жинақтай алмай, қайта-қайта тұтығып қала берді. Жас жігітке жаның ашып, аяп отырып, сен оның сөзін жөндеп ұға да алмағансың-ды.

Тек ызалы жігіт әбден ашынған бір тұста қатты ақырып, көп шуылдақтың аузына күм құйды да, сөзін жалғап кетті: Қазақстан мен Орта Азия халқының маңдайына біткен жалғыз теңіз әне тартылып жатыр деді. Жарым жартылап тартылған теңіз түбінен жыл сайын мың-мың тонналап ұшып жатқан тұз қазірдің өзі Кызылорда облысы мен бүкіл Қарақалпақ елін тұншықтырып, ауасы меп суын улап, шөбі екеш шөбін көктемей жатып күйдіріп, ал халық сорлы, бұрын-соң адам баласы есітпеген ем қонбайтын бейдауа індетке ұшырап, келешек ұрпақтың тағдырын тұйыққа тіреп қойғаны анау деді. Бүгін ішіп-жегеніне мәз болып, елінің ертеңін ойламайтын осынау дардандаған есалаң адамдарға бұл Арал әлі де өзінің ақырғы үкімін айтпай, артына сақтап отыр деді. Соңыра Арал әбден тартылар-ау, тартылған теңіз түбіне төрт жарым миллиард тонна тұз тау боп шөгер-ау. Сонда осынау алды-арты ашық ұлан байтақ далада сахара шөлдің өрттей ыстық аптабы күн-күн, түн-түн аңырап соғып бергенде, келешекте Орта Азия мен Қазақстанда кім аман қаларын бір Құдай болмаса, басқа ешкім білмейді. Сендер мені сөйлетпей жер тепкілеп, ысқырып жатсындар. Әрине, құлаққа жақпайтын сөзді

тыңдап керегі қанша. Бірақ, естеріңде болсын, келешекте адам баласының жер бетінде болу-болмауы – табиғаттың болу-болмауына тікелей байланысты, – деп аққұба жігіт сөзін бітіргенде, сен екі езуің екі құлағыңда, орныңнан атып тұрып едің-ау. Басқалардан бұрын қызына қол соғып едің ғой. Ол аз дегендей, шартылдап жөнелген алақанға «айналайын тусаң ту!» деп дауыс қосып қалып еді; сүйтсе, қасындағы түйме көз тіпті есінен шығып кетіпті. Оның тебен инедей тесірейсе қалған көзін кеш байқады; «ә» дегенде қысылып қалса да, бірақ іле-шала бұ да бойын билеп алды.

«Мына ененді ұрайын неге тесірейеді, әй?» – деп, оны ішінен мықтап бір боқтаған еді де, тесірейген түйме көзге бұл өзінің алақандай ала көзін мірдің оғындай қадап жалт қарап еді; шамасы, қарсы сөз айтса, үстіне төніп қалған мына ірі қара кісі бас салатындай түрі тым суық екен, түйме көздің жанары жасып, ықтап бара жатып; «Подумаешь, көзін алартады еше», – деп міңгірледі.

Аққұба жігіт мінбеден түсіп, арт жақтағы өз орнына барып отырды. Сен: «Айналайын інім, алдыңнан ақ күн тусын», – дедің ішіңнен. Тіл-көзден аман болсаң, осы қазақтың маңдайыңдағы дындай азаматы болғалы тұр екенсің. Ана жақта суы тартылған теңіз бен шаруасы күйзелген халықтың сөзін сөйлейтін жер бетінде сендей де жан бар екен ғой. Оған да шүкір!»

Аққұба жігіттен кейін сен кәдімгідей көңілденіп, жан-жағыңа сергек көз тастап едің-ау. Назарың Әзіммен иық тіресе отырған жуан қараға түскенде «апырай, ә?» деп ақылың дал боп ойланып қалдың. Жаңа бұны «анау» – деді. Анау болғанда сонда бұл қай анау?! Асылы, бұл Жуан Жақайым болмас. Жуан Жақайым анада қапырық кабинетте азғантай отырғанның өзінде қол-аяғына не бола алмай, шыбын қуалап кетпеді ме? Ал, мынау... Ой, заңғар-ай, ертеден қара кешке қызыл шеке боп жатқан айтыста қу тақтайда құйрығы ойылғанша отырғанда, қыбыр етпеді. Тек қарсы жақтан біреу сөз алып Әзімді сынаса құты қашып кетеді екен. Бастықтан гөрі сын оған қаттырақ батып, өзін қоярға жер таппай қалады.

Ал, Әзім... Залым ғой, өзін жақсы ұстады.

Үлкен орында жүріп әбден ысылып алған. Жұрт алдында қимыл, қозғалысының бәрі өлшеулі. Сөзі санаулы. Бас изесіне дейін басқа жұрттан бөлек. Қарсыластар жағы сөйлесе де, жақтастар жағы сөйлесе де бет өңінен бір нәрсе ағнарып болмайды. Ренішін де, ырзалығын да ішінде сақтап, қоңыр көздің жанарын залдағы кісілердің үстінен асыра, әлдебір жақа, алысқа тастап, құрықтай мойны құрағытып қыбыр етпей отыр. Ол тек шекесі қызып алған кісілер ешкімді тыңдамай, шектен шығып дуылдап бара жатқан кезде ғана шылдыратып қоңырау қағады. Қалған уақытта

өзінің әлгі бір сыртқа сыр шашпайтын сабырлы, маңғаз қалпына ауысып, көзін тура алдына тігеді екен де, қыбырсыз қатып алады екен. Сол күнгі қызыл шеке айтыста сенің тағы бір аңғарғаның: тіл-жағына сүйелген шешендердің Әзімге қай сөзі жағып, қай сөзі жақпағанын сен көбіне-көп оның жанындағы ана жуан қараның ыңғайына қарап аңғарғансың-ды. Әзімдей емес, жуан қараның қуанышы мен реніші атанақтап сыртына шауып тұрады екен. Шешендердің аузынан Әзімге жағатын сөз шықса, басқадан бұрын ала-бөле жуан қараның жолы болып алақайлаған баладай, алақанын аямай соқса, ал қарсыластар сөйлегенде қабағы түсіп, қалың беті кабарып, желіндеп ала қояды. Ондайда жұрт жанын сала дуылдатып қол соғып жатса да, жуан қараның ботқа беті бұлк етпей алақанын алақанына эзер-эзер тигізіп ишаратын ғана істейді. Сен енді жуан қараның ыңғайына қарап отырып, бұндағы кісілердің қайсысы Әзімге жақтас, қайсысы қарсылас екенін қателеспей айыра бастағансың-ды.

Сен де өзінше жаман-жұман бастықсың. Ауылда саған да жағынатын жалпылдақтар жетеді. Бірақ, несін айтасың, айналайын, үлкен жер үлкен турайды ғой. Мыналардың қай мінезі де түйелі адамдай көш жерден көзге түсіп тұрады екен. Аққұба жігіттен кейін сен жиналыстың аяғына қарамай ертерек кетіп қалғансың-ды. Есік алдында қырма сақал біреу темекі шегіп тұр екен. Іштегі қызу қанды кісілерден гөрі мынаның жүзі жылы көрінгесін, қатарласа бере онан Әзімнің қасындағы жуан қараны сұрап еді; «институт директорының ғылыми жағын басқаратын орынбасары ғой», – деді; «аты қалай?» – деп сұрап еді; «Жәкең ғой», – деді. Мынаның берген жауабынан миына бәрібір ештеңе кірмегесін: «Өзі қай жақтың кісісі?» – деп сұрап еді; «Әз ағанның жерлесі. Аралдан», – деді. Бұл күліп жіберді.

Бетіне таңдана қараған иманжүзді кісіге бұл ләм деместен сыртқа ата жөнелген еді; көшеге шыға сала жыңды адамша ішек-сілесі қата күліп келеді, күліп келеді, күліп келеді. Оңнан да, солдан да кездескен кісілер: «есі дұрыс па?» – деп тосырқап таңдана қарап тұрды да, түкке түсінбей өтіп кетеді. Олардың ешқайсысы сенің қаперіңе кірген жоқ, көшені басына көтере күлді-күлді де, аяқ астынан кілт тиылды. «Апыр-ай, – деді ішінен, – ғылымы құрғырдың да құны арзаңдап кеткен екен ғой».

Елге қайтып келе жатып та жуан қара есіне түскен сайын Әзімге қалай жол тапты екен деп ойлады. Жерлестігін бұлдамаса, баяғыда көргенде шыбын қуалап кететін Жуан Жақайымда ғылым басқара қоятындай қабілет шамалы сияқты еді ғой. Әлде жүн тыққан қаптай жуан дененің бір қалтарысында бұл білмейтін асылдың сынығы жатыр ма?

Таң таяу еді; түн күзеткен бұл әлі көз шырымын алған жоқ; тықылдап миын шаға бергесін қабырғадағы сағатты тоқтатып тастаған-ды. Көшенің қарсы бетіндегі дырду да бұл кезде басылған; үй де, түз де жым-жырт. Бәкізаттың келмесіне көзі әбден жетті; оны енді күткен жоқсың; ойлаған да жоқсың; жоқ, ойламауға тырыстың; ертеден бері ішінді өртеген реніш пен ыза кәзір қызғанышқа айналып, көкірек түбінде қорғасындай ауыр салмақпен шөгіп алған-ды.

Бір орында тағат тауып отыра алмай, абажадай үлкен үйді ерсі-қарсы кезіп жүрді де, кенет әлдебір ой көкірегін шарпып қалшыып тұрып қалды. Осы жігіт келген сайын бұл неге берекеті кетіп, ішінен азып, абыр-жып болады? Бәсе, сонысы не? Бәкізатты қызғана ма? Әлде... Әлде осы жігіттің басындағы бағын көре алмай ма? Әй, қайдам... Астана аспанында жарқыраған жарық жұлдызға табынбаса табынбаған шығар, тек оның басындағы бағын көре алмаған жері жоқ еді ғой. Кәзір тұрсың, бұл тіпті баяғы бала кезде де өзінен Әзімнің артық екенін мойындамап па еді? Әзімнің ақылы артық еді; енді бағы артты; ол кезде бұл екеуі арасынан қыл өтпейтін дос еді; ақыл тоқтатпаған алаңғасар немелер бұл дүниеде асыр салған ойыннан да басқа қызғаныш деген қызыл ит болатынын қайдан білсін. Қызыл итті де, онан да басқа талай иттікті бұлар білсе соңыра талай жылды артқа салғасын білер. Ал, ол кезде құрдасы барған жерін пысымен басып, ұршықтай үйіре бастағанда, бұл ылғи кез түспейтін елеусіз шетте қала беретін. Бұл, сірә, ол кезде оның алдына түскісі келді ме? Ондай ой, сірә, басына келді ме? Ұзын бойлы, ақсары жігіт екі иығын жұлып жеп тұрғанда екеуінің таңдауына түскен не бір асыл мен жақсыға ішінен ынтығып тұрса да, бұл, сірә, таласпақ түгіл дәмтетін бе еді? Бәкізатқа да дәмеленді ме? Ақ сары әдемі жігіт бір шекесіне қарай жығыла беретін сусылдақ шашын оқтын-оқтын артына сілкіп қап, қара көзі ұшқындап тұрғанда Бәкізат түгіл, бұл, сірә, осы өңірдегі беті жылтыраған бір қыздан дәме қылатын ба еді?

Әскерге бірге алынып, елге бір мезгілде оралған екі дос сол жылы институтқа да бірге түсетін боп уәделескен. Институтқа түсер алдындағы уақытты бірге өткізіп жүрген-ді. Бір күні... Сол өзі түс кезі ме еді? Жоқ, екеуі түс ауа бергенде теңізге барған екен-ау. Жағада тірі жан жоқ екен. Екі дос бұтында тыртиған бір-бір трусиден басқа киімді сыпырып тастап, жиекте күнге қыздырынып отырғанда да Әзімнің алдына шығу бұның ойында жоқ еді ғой! Иә, ойында жоқ еді. Сол кезде де Әзім адам басына келмеген төтен бірдеңе тауып алатын да, бұны ықтияр еркіне қаратпай, ылақтырып соңына ертіп әкетіп бара жататын. Сол кездің өзінде адамды

әй-шайға қаратпай, ылақтырып үйіріп тұратын бір пәлесі бар-тұғын. Мүмкін, ол сол баяғысынан әлі де өзгермеген шығар? Өзгерген өзін боларсың?

* * *

Ой, дариға-ай!.. Өткен күнде белгі жоқ. Кәзір ол күндер көрген түстей көзден бір-бір ұшты да кетті. Шіркін, ол кездегі өмірдің несін айтасың! Онда жарықтық кәрі теңіздің бағы басында. Күрпіген қос дарияны қатар емген телегей теңіз қыста да, жазда да кенерінен асып, ісініп, ыңыранып жатқаны.

Шіркін-ай, ол кезде бұл өңірдің кісілері қандай еді! Күнге күйіп, жел қаққан, өңшең сіңір қара кісілер оқта-текте соғып тұратын лай балыққа аулары майланғанда өлгенін білмей рухтанып кететін еді-ау! Қанаты сатырлап ақ шағалалар да көк теңізде қиғылық ұрып жатқаны. Ақ пен қызыл арасында беттақтаймен бірдей боп балыққа толған қара қайықтар біріне-бірі құйрықтасып келіп жататын!

Сонан бері... Иә, сонан бері, міне, жиырма жыл. Жиырма жылда ел өзгерді. Жер өзгерді. Ауа бұзылды. Осы елдің ішетін суы уға айналды. Теңіз тартылды. Теңізге құятын екі ұлы өзеннен қайсы жылдары сыңар тамшы да тамбай қояды. Суы шағын Сырдария түгіл, ағыны қатты Аму-дарияны айтсаңшы. Баяғы Македонский заманында Жойқын атанған, өзі де жойқын десе жойқын дарияның толқыны ақ езуленіп, екі жағасына бұрқырап ұрып жататын қатты ағысына қайық салса шапқан аттай ала қашатын ағыл-тегіл суын кеше жарық дүниенің жарым-жартысын билеп тұрған құдіретті ұлы елдің басшылары кері ағызып, Қарақұмға – қара құрдымға бұрып әкетті. Бас аяғы жиырма жылда теңіз жары ортасынан төмен түсіп, суы ашыды. Азған теңіздің азғалтай балығы кең далада құрық көрмей тағыланып кеткен тұз қашағанындай. Қашаған балықты құып аулаған бұл елдің ер-азаматы ебіл-себіл. Қыс демей, жаз демей теңіз кезіп телтіреп жүргені әне!

Бұл өңір жиырма жылдан кейін осылай болып жатыр. Ал ертең ше? Ертең тағы да жиырма, елу жыл өткесін теңіз әбден тартылар-ау. Акқұба жігіт анада айтса – айтқандай, тартылған теңіздің түбіне тұз айналып, Арал өңірінің аңызак аптабы күн-күн, түн-түн азынап соғып бергенде не болады? Арал тұзы кәзір Қарақалпақ пел Қызылорданы тұншықтырып жатыр. Сол тұз ертең... Ертеңгі күні Қарақалпаққа көршілес жатқан елді тұншықтырмасына кім кепіл?

Жасаған Ие-ау, сонда осы елдің әлгі кір сақал жаман шалдарының «Ақырзаман боларда су тартылар, қарап тұрған жігітке қыз артылар»

деген сандырағы рас болғаны ма? Солар айта беретін сол ақырзаманның басы осы болмаса не қылсын? Апыр-ай, бұрынғы қазақ соны не біліп айтты? Құр сандырақ емес, аржағында қандайда бір ақиқат шындыққа көзі кәміл жеткен сенім жатпаса қайтсін? Бәлкім, өзінен кейін дүниеге келетін соңырағы ұрпақтың құлпы мен пиғылын болжаған ата-бабаның көреген біреуі түптің түбінде бұл дүниені апатқа ұшыратар қатер қайдан келетінін көкірегі сезді ме? Ендеше, осы ауылдың кір сақал жаман шалдары жер бетіндегі тірлікті ұстап тұрған құдірет – ауа мен су екенін де білген болды-ау?! Өзінен кейінгі ұрпаққа осы екеуін көздің қарашығындай сақта деген ескертпесі ме? Солай ма? Ал, соны сақтай алдық па? Ауаны да, суды да құртпады ма?

Ірі қара кісі еңсесін тіктеді. Өзінен қол созымдай жерге келіп қонған жұдырықтай сұр торғайға назар аударған жоқ. Соңында жатқан шұбалаң іздеп көзін ала бере, кеудесін кере күрсінді. «Аруағыңнан айналайын, қайран ата-баба, – деді ішінен, – мал соңында қоңын күн тесіп жүріп те, көп нәрсені көкірегің сезіпті-ау. Келер ұрпақтың құлқы мен ындыны күндердің күнінде дүниені апатқа ұшыратпай тынбасын да білген болдың-ау, сірә?»...

Әдебиет:

Әбдіжәмил Нұрпейісов. Соңғы парыз //Бірінші кітап. Сондай да бір күн болған. – Алматы: Жазушы, 1999.

А.Нурпеисов
Последний долг
Главы из романа

Как-то раз, приехав в Алма-Ату, ты узнал, что где-то проходит Дискуссия по проблемам Арала. Когда пришёл туда, огромный зал был набит битком. Ты был не из приглашенных, и потому незаметно присел на свободное место с краешку. Председательствовал на собрании Азим, он сидел в центре президиума, а рядом, справа, восседал толстяк с тёмным, как чугун, тяжёлым лицом.

Ты его заметил ещё с самого начала, когда десятка два людей в галстуках высыпали из глубины сцены к столу президиума. Словно раскормленный кот, толстяк увалисто и грузно поспешал за Азимом, возглавлявшим шествие именитых учёных. При виде чугуннолицего ты встрепенулся. Тебе показалось, что где-то с ним встречался. Мысленно пролистывая в памяти минувшие дни своей жизни, ты прослушал всту-

пительное слово Азима. Стало досадно, но, взглянув на толстяка вновь... «Апырай, думал ты, это было, кажется, да, да, после окончания института, когда, напевая «Арал мой, Арал, синее раздолье», на крыльях радости ты примчался в отчие края... По-моему, это тот малый, что сидел тогда в тесном душном кабинетике, куда ты залетел однажды жарким полуднем во дни своих юношеских надежд и отчаяния? В самом деле, не он ли это?! Ну-ка, ну-ка, посмейся! При смехе, Бог свидетель, как и тогда, должно заколыхаться его брюхо, вываливающееся из-под пиджака, и затрясутся жирные складки двойного подбородка, а коротенькие руки-ласты захлопают по тюленьим бокам...

Слышал ты, что тот толстяк из рода Жакаим, защитив кандидатскую, перебрался будто бы в столицу. Ты был удивлён. Никак не укладывалось в голове, что из того разомлевшего от жары и безделья малого когда-нибудь мог получиться кандидат каких бы то ни было наук. И уж совершенно немыслимо было предположить, что не кто иной, а именно он, толстяк-жакаим, очутившись по прихоти судьбы в столице, взлетит настолько высоко, что сможет так вот запросто сидеть рядом с самим Азимом. Мало того, вместе с ним вести за собой, точно архар-вожак, весь этот табун учёных... Сбитый с толку ты дивился великой несообразности жизни.

Между тем место рядом с тобой занял какой-то вертлявый человечек. Тебя снедало любопытство, и ты, не утерпев всё-таки, спросил его, кто этот толстяк.

– Так это Жак! – ответил тот, с явным неодобрением скосив на тебя свои пуговки-глазки. В них читалось возмущение: «Откуда ты такой взялся, что даже самого Жак не знаешь?!» Ты впрямь малость сконфузился своей темноты, но, посидев немного, наклонился к соседу с другой стороны. На нём был мятый вельветовый костюм и такая же мятая сорочка с расстёгнутым воротом. Он как сел ещё в начале совещания, отвалившись на спинку стула, вытянув перед собой ноги, скрестив руки на груди, так и сидел всё с той же едкой, насмешливой гримасой на лице. Когда ты осведомился у него, кто этот толстяк в президиуме, странный сосед хмыкнул, а потом не то насмешливо, не то с подчеркнутым подострастием указал перстом в потолок и загадочно протянул:

– О-о, тот са-а-мый!..

Два невразумительных, но явно разноречивых ответа твоих соседей оставили тебя в большом недоумении. Между тем на трибуну поднялся высокий белолицый молодой человек. Пробежав взглядом клочок бумажки, он, чуть выдержав паузу, обратился к притихшему залу:

– Как некогда предки наши, собиравшиеся каждый божий день на

холме Куль-Тобе, мы также стали собираться, если и не ежедневно, то через день уж точно. Вот и сегодня собрались мы снова, и снова будем говорить всё о том же: как повернуть Амударью вспять, как перекрыть русло Сырдарьи, чтобы быстрее усохло, исчезло с лица земли Аральское море. Вот тогда, мол, покорив природу, заживём припеваючи, как в раю. Об этом мы неустанно пишем везде и всюду. И темы наших диссертаций, монографий о том же. И в каждой бумажке, засылаемой в Большой дом, опять-таки не преминем заверить правительство, что, мол, успешно исправляем досадные ошибки природы. При этом невдомёк нам, что уже сейчас Кызыл-Ординская область и вся земля Каракалпакии¹ стонет, задыхаясь от соли, поднятой с обнажившегося дна моря...

И тут зал заволновался, зашумел:

– Эй, слышите? Что за чушь он несёт?!

– Опять свою старую песенку затянул!

– Послушаешь его, так небо с овчинку, а земля с потник подседельный покажется.

Но молодой учёный резко пресёк нападку:

– Не для нас, а для таких, как вы, небо окажется с овчинку, а земля с потник. Во всём мире сейчас немало чудотворцев-реформаторов от науки, всякой своекорыстной бесовни, которые в угоду своей ненасытной алчности стремятся из страданий и бед беззащитной природы извлечь для себя выгоду. Такие же чудотворцы нашлись и в туманном Альбионе. По проектам английских покорителей природы, великое озеро в Танзании высыхает из-за того, что вода из реки, питающей озеро, разбирается на орошение сорока тысяч гектаров рисовых полей. Великие запасы ценной рыбы уничтожены, семь тысяч бегемотов уже погибло. Вымирают крокодилы. Могучие слоны изгнаны с их родных равнин, занятых рисовыми плантациями. Всего за каких-то шесть лет британская «научная помощь» привела роскошное царство зверей на край гибели. Рис вместо слонов – вот какой выбор сделали эти реформаторы природы.

– Нет, вы слышите, товарищи. Мало ему наших, так он решил теперь шельмовать учёных всего мира!

– Нет дорогой... Я лишь говорю о том, что горечью сердце моё разъедает. Многие, возможно, и не догадываются, а кто-то уже давно понял, что... если кардинально не пересмотреть нынешнее отношение к природе, то человечество неминуемо придёт к своему уничтожению.

Сказав это, молодой учёный спустился с трибуны, но не успел он дойти до своего места, как твой сосед с глазами пуговками вскочил:

¹ Каракалпакия — автономная республика, входящая в состав Республики Узбекистан.

– Конец Арала, что это – конец света? Кому-кому, а тебе-то известно, что академик Азим Сулеич собирается распахать плодородную...

– Что-что?.. Плодородную?

– Да, плодородную. Лабораторные анализы подтвердили: земля на дне высохшего моря оказалась настолько плодородной, знаете, что, по предварительным подсчётам академика Азима Сулеича, мы вполне можем получать ежегодно около полу-у-тора милли-и-о-на тонн хлопка! А он, этот научный сутяга...

– Этот научный сутяга, как вы изволили его называть, верно рассужда-ет... Глумиться над... на-а-д природой... кхе... кхе-е-е...

Все разом обернулись на внезапный, как выстрел, голос, раздавшийся откуда-то со стороны. В ту же сторону глянул и ты. И увидел человека, который возвышался над головами сидящих в зале людей, словно восседал на верблюде. Он сидел, низко клоня голову, ссутулившись, желая, видимо, таким манером скрыть непомерную длину своего нескладного тела. Но как бы низко он ни склонялся, всё равно не заметить его было невозможно. Ты недоумевал, всё больше изумляясь, каким образом столь же непомерно длинная, как весь он сам, тоненькая шея может удерживать, не давая упасть, такую же несуразную, огромную, будто тыква, голову этого человека. «Интересно, кто он такой? Случаем, не больной ли какой-нибудь? Но погоди... кажется, где-то я его...»

И тут народ вокруг разволновался и зашумел.

– Эй, что он сказал? Кто глумится? Над кем глумится?

– Я говорю... Если мы... кха-а... кха-а... не перестанем глумиться над природой... помяните мои слова, дождёмся мирового катаклизма.

– Астапыр-алла! Ката-клизма?! Что за ересь!

– Это не ересь. Сам Энгельс ещё сказал, да будь благословенна его борода, задолго до нас с вами.

– Прекрати! Не глумись! Не впутывай сюда великого вождя.

– О конце света, предсказанно во всех священных книгах, говорил и Энгельс. Самый убеждённый, кстати, атеист.

– Замолчи! Не может этого быть!

– Ещё как может... кха-кха... кха-а... Когда вышел его гениальный труд «Диалектика природы», оппоненты спросили его: «Так что, после утверждения коммунизма на земле жизнь остановится? Что, уже не будет дальнейшего развития человечества?» Как видите, вопрос резонный и не простой. И Энгельс был человек не простой. Он, говорят, даже малость призадумался... кха-кха... кха-а...

– Ну и что... Как он ответил?

– Как, по-вашему, может ответить честный, серьёзный человек? Ком-

мунизм, сказал он, явится золотым веком, высшей фазой развития человеческого общества. Но жизнь, но природа не могут стоять на месте, - сказал он. И, как надо было ожидать от серьёзного учёного, за этим последовал честный ответ. «Быть может, - сказал он, - наступит эра мировых катаклизмов». Как видите, истинный диалектик победил в нём идеолога-догматика.

– Ерунда всё это! Не может такого быть! Не верим мы тебе!

– Дело твоё. Но факт – вещь упрямая. Если уж вы, как заявляете, научились успешно поворачивать реки вспять, а моря осушать... кха-кха... видите... вон на планете уже прозрачной воды, чистого воздуха становится всё меньше. Что бы люди могли вдохнуть глоток-другой живительного воздуха, в некоторых городах-гигантах на улицах устанавливают автоматы, подобные автоматам с газированной водой. Дорогой учёный-новатор... покоритель природы, всё это происходит уже сейчас. А завтра... лет через сто... двести?.. Или после нас хоть потоп?..

– Я вижу ты пессимист... Видимо, знать не хочешь, что наш институт, возглавляемый академиком Азимом Сулеичем, занят не столько покорением, сколько облагораживанием природы!

– Откуда ему, недоучке, знать об этом, если он за столько лет не смог даже кандидатскую... Ха-ха-ха...

И тут, похоже, на тыквоголового накатил приступ. Он вдруг сложился пополам и, прикрывая руками рот, зашёлся в жестоком кашле. Словно от судорог, сотрясались голова, плечи его и спина. Никто не проронил ни звука.

И тут, не выдержав, вскочил со своего места бледнолицый:

– Чего смеётесь? Над чем смеётесь? Если силы у вас в самом деле немеренные, стройте, созидайте, преобразуйте всё подряд! Только не смейте трогать природу! Побойтесь праведного гнева матери-земли!

– Эй, дорогой, мы не меньше тебя любим природу! Если мы пашем, сеем, выращиваем хлеб, выращиваем хлопок или, скажем, города строим, то это делается ради того, что бы святая мать-земля, как ты сказал, стала ещё краше!

– Да замолчите вы! – махнул рукой тыквоголовый, который уже пришёл в себя. – Ваши истинные намерения видны за версту. Если такие учёные, как туркменский академик Бабаев, или как наш достопочтенный академик Сулеич, будут и впредь баловаться с природой, как озорные дети с игрушкой, то помя-ни-те мои слова: великая прародительница природа обрушит сокрушительные бедствия на весь род человеческий и... и на весь наш мир... кхе-кха-а а... Вы же об этом - ни слова...

– Кто это?

- Наш сотрудник, представьте себе.
- Неужели? Что-то раньше я его не видел.
- И не мудрено! Он каждый год по весне сматывается на Арал.
- Вот как? Вообще, кто он такой? Кандидат – не кандидат. Доктор – не доктор. Как прикажете его величать?
- Не затрудняйтесь. Просто рядовой сотрудник института. МНС.
- Тогда, скажи-ка на милость, рядовой сотрудник института, кто, по-твоему глумится над природой?
- Ты.
- Я? Ха-ха-ха... Ну и нахал!
- Не смейся. Знаю я тебя. Это ты и тебе подобные во главе с вашим... кхе-кхе...
- Каков наглец! Вон, вон отсюда!

Крики. Шум. Кое-кто сгоряча привскочил с места. С разных концов зала стали раздаваться возмущённые возгласы, на них нажились другие голоса. Страсти разбушевались. Пора бы вмешаться Азиму. По всему было видно, что, кроме него, никого другого уже не станут слушать. Но тот и не шелохнулся...

О, он и прежде был таким! Ещё в детстве, когда ребятня в рыбацком ауле затевали драку, расквашивая друг другу носы, он стоял в сторонке и непонятно ухмылялся, преспокойно наблюдая за происходящим. Правило: «Я с теми, кто победит!» – ему было ведомо уже тогда.

Светлолицый молодой учёный, высказав своё, теперь сидел, отрешённо закрыв глаза, подперев голову кулаком. А тот, тыквоголовый вовсе исчез куда-то. И ты стал соображать, как бы тоже незаметно исчезнуть отсюда, не попавшись на глаза Азиму. И вдруг, вспомнив толстяка, глянул в президиум.

Смотри-ка, сидит всё так же, всё в той же позе, не шелохнувшись, будто кто-то взял да и насмерть прикрутил его ремнём к креслу. Нет, явно не тот, ни капельки не похож на того малого... Ты же помнишь, как тот, пока ты неприкаянно маялся в его душном и тесном кабинете, всё время поёрывал, дёргался, как на ниточках, за крохотным столом, перескакивая в разговоре с пятого на десятое. А этот... Не-ет, этот непоколебим, как каменный истукан. За всё время собрания ни разу задницы не оторвал от стула. Лишь время от времени, если кто-то из недоброжелателей осмеливался задеть за живое академика Азима, менялся в лице и даже бледнел.

А что же закадычный дружок твоего детства?.. Что ни говори, видать, он пообтёрся на высоких постах. Знает, шельмец, что здесь только один он на виду у всех. С той самой минуты, как только уселся в президиуме, замер, словно кол проглотил, решительно выдвинув подбородок вперёд,

установился прямо перед собой. И держится совсем не так, как другие. Движения, жесты рассчитаны. Каждое слово – выверено. И даже головой кивает по-особенному. Если кто-то из президиума принимался нашептывать ему что-то на ухо, он и тогда не оборачивался, не глядел на него. Если, снизойдя к кому-то, хотел кивнуть головой, кивал слегка, а то и вовсе не кивал, сохраняя на лице невозмутимое величественное спокойствие небожителя. Когда выслушивал критику своих противников или упивался славословием, – ишь ты, сукин сын, и тут на редкость отменно управлял своими чувствами... О том, что могло твориться в душе у Азима, тебе приходилось догадываться скорее по реакции чугуннолицего толстяка, примостившегося подле него справа. В отличие от Азима, у толстяка и радость, и огорчение безудержно выплёскивались наружу. Когда ораторы расточали похвалу, его широкая физиономия расплывалась в улыбке, он глядел в зал ликующими глазами, словно приглашал сидящих порадоваться вместе с ним и аплодировал азартно, с детской непосредственностью. А если кто-то из охальников обрушивался с хулой на Азима Сулеича, то бедолага сразу сникал. «А что ему остаётся делать? Жить как-то надо», – усмехнулся ты про себя.

Не дожидаясь конца собрания, ты поднялся с места и вышел из зала. Остановился у выхода, где стоял кто-то поджарый, горбоносый, прислонясь плечом к дверному косяку, посасывал сигарету.

– Почтенный! А это кто? – движением головы ты указал ему на толстяка в президиуме.

Но, чёрт побери, они здесь будто сговорились между собой! И этот ответил столь же неопределенно пренебрежительно выпятив нижнюю губу:

– Да-а... Он са-амый!.. – фыркнув своим горбатым носом, он выпустил клуб табачного дыма. «Видать, парень, тот ещё фрукт».

– А как его зовут? – спросил ты.

– Жакен его зовут. А что?

– Из каких он краёв?

– С берегов околевающего моря, – горбоносый, отворачиваясь, запустил всю пятерню в свалявшиеся длинные, прямые волосы, потом резким движением головы откинул патлы назад, за спину.

Ты вышел на улицу. Непонятно отчего, но вдруг напал на тебя беспричинный смех. Стоя прямо посреди тротуара, по которому сновали прохожие, ты сначала фыркнул, в точности как тот парень с длинными, будто конский хвост, чёрными волосами. Затем рассмеялся, да так неудержимо, что плечи ходуном заходили. И всё не мог унять и наконец совсем откровенно уже хохотал, закрыв ладонями лицо...

– Надо же, до чего низко пала наука, – буркнул ты себе под нос.

Да, родились вы действительно в один год. В одном ауле. Росли вместе. Вместе и аульную десятилетку закончили. Вместе попытались счастья поступить в институты. И оба, провалившись на первом же экзамене, вернулись домой. В тот же год забрали обоих в армию. Отслужив положенный срок, друзья опять чуть не день в день возвратились домой и увидели небесно-синее море, веками дремлющий Бел-Аран, свой родной, пропахший рыбой и степью аул. И ещё потом немалое время шли бок о бок по дорогам молодости, каждый, в меру своей прыти, гонясь за птицей счастья.

Не век же идти вместе – разошлись ваши пути. Азим, окончив институт, остался в столице. Тебя судьба вернула назад, в аул. И с песенкой «Арал, Арал мой, синее раздолье...» на устах ты вернулся в родной край. А твой друг.. Он под надёжным крылышком своего дяди, знаменитого градостроителя, в парус удачи которого всегда дул попутный ветер, за короткое время сделал головокружительную карьеру, в чём ты никогда не сомневался.

Да, уже в те далёкие послевоенные годы стройный, по девичьи красивый, с нежным лицом мальчик заметно выделялся среди вас, дочерна загорелых и стеснительных аульных парняг. Ещё со школьной скамьи всё ему давалось завидно легко. Он всё хватал на лету и потому, уверенный в себе, в своих способностях, не корпел над учебниками, как другие. От природы независимый, раскованный, он всюду был на виду. Лез напролом. На светлом, с ярким румянцем лице его поблёскивали карие глаза. Где нужно было петь – он не робея распевал громче всех. А там, где по кругу ходила домбра, – опять-таки яростнее других нахлёстывал-наяривал по струнам он. А позднее, когда в ауле стали затеваться доселе неведомые в этих краях танцы и несмелые подростки робко жались по углам, он первым выходил на круг. Если же ненароком случался конфуз – ну, скажем, вдруг срывался голос, он давал петуха, и девицы прыскали в ладошку, он и тогда ничуть не смущался, наоборот, лишь сверкнув глазами, бодро приговаривал: «Ничего-о... бывает... Зато в другой раз такое выдам – ахнете!» И действительно, в следующий раз он выдавал – и пел, и наигрывал, и плясал так, что все только ахали. За все годы учёбы в школе никто из сверстников не видел его в унынии или сомнениях.

Да, Азим неизменно верил в себя, в свою звезду. Помнится, был у вас в школе преподаватель истории, которого все боялись. Особенный страх наводил его правый стеклянный глаз. Казалось, неподвижно-упорным, всевидящим искусственным оком он насквозь пронизывал всякого, когда

спрашивал урок. Станный был этот учитель истории. Когда проходили Петра Великого, он приходил в школу в рыбацких сапогах, с длинными голенищами, объяснял урок, расхаживал по классу, шагая крупно, размашисто – ну точь-в-точь царь-работяга в ботфортах на корабельной верфи... А когда приходила пора наполеоновским походам, он надвигал на лоб неизвестно где добытую широкополую чёрную шляпу, надменно скрещивал на груди руки и мрачно, сурово, исподлобья вперял стеклянное око в притихших за партами учеников. Тогда казалось, что сам французский император воскрес и собственной персоной объявился вдруг на захолустных берегах Арала, чтобы нагнать страху на аульных сорванцов... «Двойка» по истории воспринималась как непоправимое несчастье, однако не для Азима. Получив «пару», этот юнец с горящими на светлом лице задорными карими глазами не шмыгал носом и не опускал голову перед учителем, как все другие, а дерзко заявлял, что на следующем уроке, когда будут проходить крестьянское восстание, он обязательно отхватит «пятерку». И отхватывал!

В те годы среди вас выделялся он и сообразительностью и находчивостью. Когда ты с трудом отважился поехать в Алма-Ату, он, не задумываясь, махнул прямо в Москву. А когда ты вернулся в аул, завалив первый же экзамен и, спустив до копейки все деньги, которые кое-как наскребла тебе мать, оказалось, что и Азим уже дома. Но, в отличие от тебя, он был бодр и весел. А карманы набиты деньгами. И весь тот год родители, распекая своих детей, ставили в пример Азима: «Он хоть тоже не поступил, но зато денег огрёб».

Азим, посмеиваясь, рассказывал о своих приключениях там, в Москве: того, что дал отец на дорогу, хватило ненадолго. Вначале растерялся, но потом быстро сообразил, что люди и в радости, и в горести своей обращаются с письмами к вождю. И он тоже решил попытать счастья. Но недавний выпускник аульной школы так и не мог вспомнить, с одним или двумя «с» пишется имя «Виссарион». Спрашивать у кого-либо было неловко. Сбежал в киоск, купил газету и мигом разрешил свои сомнения. Ответ пришёл незамедлительно: Азиму посоветовали обратиться в Казпостпредство в Москве. Он кинулся по указанному адресу. Поджарый, узколицый чинуша средних лет без лишних расспросов протянул ему деньги. Радостный Азим, едва ступив на порог общежития, где обитал, увидел: рыжий парень валяется на соседней койке, хлюпает носом... Выяснилось, что у незадачливого парня из деревни вытащили деньги сегодня утром, когда он стоял у газетного киоска, любуясь портретом прославленного военачальника на обложке журнала. Азим похолодел. Рука сама потяну-

лась к карману. Он ведь тоже, возвращаясь из постпредства, любовался у того же киоска пёстрыми, как платья аульных баб, обложками журналов...

На следующее утро Азим, предварительно натерев до красноты глаза, вновь отправился по знакомому адресу. Вскоре он стоял перед вчерашним узколицым сотрудником постпредства, потупившись, удручённо шмыгая носом... «Агай... вчера... когда от вас вышел... хотел газету купить, и там, у киоска...», – начал он, подёргивая плечами, точь-в-точь как тот конопатый ротозей из деревни, и узколицый чиновник, сразу обо всем догадавшись, вздохнул: «Эх, одно горе мне с вами, аульные растяпы!» И дал такую же пачку денег, что и накануне, при этом ещё сочувственно погладил Азима по голове...

Рассказывая об этом, Азим встряхивал головой и, довольный, посмеивался: «Вот так, дорогой, я и столичных дядек вокруг пальца обвел! Ха-ха».

Что ни говори, дети есть дети. Разве доступно им понимание сути вещей? Это с годами открываются глаза на многие премудрости бытия... Оказывается, уже в те годы сверстник твой, рождённый на белый свет в один год с тобою, на одной и той же приаральской земле, в одном и том же ауле, лелеял в потаенной глубине души главную свою неумемную мысль: пусть не сородичи мои идут впереди, ведя меня за собой, а я буду идти впереди, ведя других.

Видит Аллах, он уже добился своего. Мечта его сбылась. И ныне он, безусловный баловень и любимец, у всех на виду. И нет уголка в стране, где бы не был он известен и почитаем... Так-то оно так, но... но... Известно, что народ чертовски падок на всякие досужие выдумки... И всё же, если люди стали вдруг почему-то шушукаться, то это, считай, неспроста. Да, кто-то где-то прознал... Кто-то кому-то нашептал, что над твоим другом детства сгущаются тучи. Считай, это неспроста. И вот не так давно, когда половодье на Амударье, прорвав плотину, обрушило на Арал гигантский поток стремительной, ревущей паводковой воды, к устью реки со всего конца моря ринулось его рыбное население, чтобы чуток глотнуть пресной воды. И туда же устремились рыбаки трёх народов – каракалпаки, узбеки, казахи. И ты со своими людьми вскоре был там.

И тут приехал к рыбакам уполномоченный из района. В его портфеле свежий номер столичного журнала. Однажды после дневного лова, когда рыбаки собрались за дастарханом, Сары Шая вытащил из-за пазухи этот журнал.

– Ешьте, ешьте, почтенные, держите только ушки на макушке, – молвил он.

Слыл Сары Шая великим докой по части составления «погорной» на пасущийся в степи скот – верблюдов, лошадей, коров, коз-овец. Неверо-

ятным образом он знал всю наличествующую живность, запоминая её не только по масти, по клейму, но даже и по насечкам на ушах, словно самолично перешупал каждую скотинку. Помимо этой редкостной способности, он был мастак состряпать кассационную жалобу в суд, очернить кого-нибудь, или, наоборот, обелить. Он особенно слыл в рыбацком ауле непревзойдённым чтецом, озвучивая всё подряд, вплоть до районной газетки «Аральские волны», размером с детскую пелёнку И до чего же звонким был его голос! Кого хочешь зачарует, заворожит.

– В журнале две статьи. Одна Азима, а другая... сейчас, сейчас, – Сары Шая засуетился, быстро пробежал глазами какие-то страницы журнала, – вторая статья какого-то М... М.Баубек-улы.

– Кто он?

– Не знаю. Какой-то М. Баубек-улы. Ну, с кого начнём?

– Давай с Азима. Как же, свой человек. Из родного аула.

– Ну, давай! С Азима так с Азима.

Сары Шая мигом преобразился. Глаза заблестели. Читку начал с пафосом, подражая знаменитым дикторам, выразительно озвучивая каждое слово в тексте, но тут... Тут, не дочитав до конца первую страницу статьи, Сары Шая вдруг замолчал, словно поперхнулся, и своими немигающим кошачьими глазами в недоумении уставился на рыбаков.

– Эй... эй, что мелет этот сукин сын?

Молчали. Только что до отвалу наевшиеся свежесваренной рыбы, которую высокой горкой вывалили из казана на охапку зелёного курака, они теперь сидели, осоловелые, уморённые сытой едой, привалясь друг к другу. «Этим, – думал недовольный Сары Шая, – читай ты, не читай, всё равно. Кроме как чебачков ловить в мутной воде, разве что-нибудь интересует их в жизни?» После некоторой заминки он продолжил было чтение, но вдруг, опять прочитав небольшой кусочек из журнала, вновь осёкся.

– Вы только послушайте его! Будто при сегодняшнем расцвете Эн-Тэ-Эр нет от нашего Арала никакой пользы, один только вред!!

– Довольно! Окороти! – вскричал тут старик Кошен. – Какой такой ынтыыр, пынтыыр?

– Аксакал, Эн-Тэ-Эр – это Эн-Тэ-Эр!

– Кончай! Сам ты, видать, ни хер-тыыра, ни пыр-р-тыыра не понимаешь. Мы, как-никак, во времена детей балшевигов живём.

– Верно, аксакал, но... моя...

И тут очнулся чёрный от загара верзила и гаркнул:

– Мать вашу за ногу с вашими ынтыыр-пынтыыр-хертыырами! Иди и скажи мудозвону Азиму, если он такой всесильный, пусть лучше вернёт нам дедовские времена.

– Ладно. Послушаем дальше. Читай, – вмешался тут Рыжий Иван...

Сары Шая только и ждал этого: «Стоило нам повернуть вспять Амударью, – читал он, – как видим, Аральское море, оказавшись один на один с огнедышащей жарой пустыни и испепеляющим суховеем Кара-Кумов и Кызыл-Кумов¹ начало интенсивно отступать от своего исконного берега. Если мы таким же способом возьмемся и за Сырдарью, уверяю Вас, за каких-то двадцать – двадцать пять лет Аральское море навсегда исчезнет с лица земли».

– Астапыр-алла! Что за поганый язык у него! – не выдержав, вскрикнул кто-то из рыбаков.

– Э, что ни говори, портит человека учёба. Ведь в детстве был вроде добронравным малым, – сказал другой.

– Брось! Отца его с чёрной до пупа бородой – не помнишь, что ли? Уж его-то никак добронравным не назовёшь. Откуда у зачатого от его дурного семени может быть добрый нрав? Тьфу! Не хочю слушать!

Вскочив с места, Кошен вышел вон. Вслед за ним встал и покинул брезентовую палатку верзила-рыбак. После небольшой заминки Сары Шая продолжил было своё чтение, но тут, как назло, с теневой стороны палатки, раздался могучий храп верзилы. Не обращая на это внимания, Сары Шая увлечённо читал вслух, словно перед ним не какая-то там статья, а народная лирико-эпическая поэма: «...Посеяв хлопок на стольких-то гектарах освободившихся на дне умирающего моря плодородной земли, можно получить столько-то тонн белого золота...»

Вдруг Кошен просунул голову в проём брезентовой палатки и рявкнул:

– Трепло!

Люди не успели оглянуться, как он убрал голову и, сделав всего лишь один шаг, отвернулся и, по своему обыкновению пробурчав непонятно что, начал расстёгивать ширинку: «...Посеем хлопок, – снова начал читать Сары-Шая. – ... Посеем рис... Возведём агрогорода. Построим фешенебельные дома. Белокаменные дворцы... А летними вечерами под струями фонтанов, под шелест зелёной листвы, в прохладных хаузах, на бульварах и в скверах нынешние наши Кыз Жибек, Баян-Сулу, Лейла и Ширина² будут поверять возлюбленным свои сокровенные чувства... А досточтимые наши женге с собачками на поводках станут прогуливаться вечерней порой... Так. На месте высохшего моря возникнет рай земной, который не то что наяву, но даже и во сне не снился, не мог в самых смелых мечтах привидеться нашим предкам...»

¹ Кара-Кум — Черные пески, Кызыл-Кум — Красные пески: пустыни в Средней Азии. Одни из самых обширных пустынь на земле.

² Сказочные красавицы из лиро-героических эпосов.

– Видать, у него не все дома, – не выдержал и Рыжий Иван. – Ладно бы на том свете... Мы на этом свете мучаемся похлеще, чем в аду.

И он вышел. Вслед за ним, махнув рукой, молча последовали остальные. В брезентовой палатке остался сидеть лишь ты. На душе стало препакостно. Тебе приходилось читать не только такие бредни, но и всё то, что попадало на глаза в связи с нынешними проблемами Арала.

Оу, и без людских глупостей в последнее время не было спасу от выбесившихся приаральских ветров, песчаных ураганов, обрушивающихся по нескольку раз на дню. Особенно ожесточались бури в дни, когда запускали ракету на Байконуре. Буря неделями свирепствовала, вознося к самым небесам белую пургу соляной пыли. Эта пыль разъедала глаза до слёз, першила в носу, забивала дыхание не только людям, но и домашней скотине, и зверю в степи... «Хоть раз испытать бы Азиму на своей холёной шкуре эту собачью жизнь», – подумал ты. Неужели ни сном, ни духом не ведает, что усыхающий Арал, уже сегодня становится первым шагом на пути к неотвратимо надвигающейся вселенской катастрофе. Или?.. Постой... уж не кроется ли за всем этим неведомая нам, какая-то иная цель, которая незримо объединяет его с туркменским академиком Бабаевым?

В те дни путины в устье Амударьи этот журнал постоянно лежал под твоей подушкой. И однажды, когда выкроился часок свободного времени, ты усадил рядом с собой Рыжего Ивана и принялся читать другую статью, статью оппонента Азима Сулеича.

Азим неплохо владел пером. Ещё в школьные годы он лихо строчил заметки в стенгазету и сочинял стихи. С годами рука его окрепла. Но его оппонент писал сильнее, местами был обескураживающе резким.

– Апыр-ай, а, – не выдержал Рыжий Иван. – Баубек-улы, говоришь?

– Да, Баубек-улы, – не менее был восхищён ты.

Тебя особенно поражали обширные знания, бьющая на повал искренность этого М.Баубек-улы! Тебе и раньше приходилось читать в газетах и журналах его материалы о судьбе Аральского моря. Каждый раз, читая их, ты задумывался, кто он? А в этой статье, он был уже бесстрашно открытен. Тут он с пронзительной душевной болью пишет о том, что начинающая с Байконурского и Семипалатинского полигонов, принесших народу неисчислимые бедствия и страдания, вся степь казахская постепенно и методично, из года в год превращается в бескрайний единый полигон, на котором какой уже год испытывается ядерное и химико-бактериологическое оружие. «...Недалеко, – писал этот М.Баубек-улы, – считай совсем рядом, между Каспием и Аралом, простирается могучая, привольная степь, где когда-то обитали несметные стада диких коз, сайгаков, джейранов и быстроногих куланов. А прямо за ней до самой калмыкской степи

раскинулась ныне на весь мир известная Туранская низменность, за вершок, за каждую пядь которой не одно столетие бились, словно львы, поколения отчаянных воинственных орд, храбрые подвиги которых воспевались в народных сагах! И там, в той же каспийской степи, пришли на белый свет прославлять свой народ Курмангазы-ата, Дина-аже, из двух всего лишь струн вдохновенной домбры извергавшие могучие мелодические водопады дивных кюев. Рядом с Туранской низменностью находятся отроги Уральских гор Мугуджар, а чуть южнее от них Кызыл-Орда с нефтеносным нетоптаным Кум-колем, севернее их один за другим медный город Жезказган, Балхаш, славный кочегар страны – Караганда.

О, времена! Времена! Что же случилось с нашей необъятной, славной родиной, которую с давних времен храбро защищали предки, не выпуская ни на миг из рук копья, не уступая даже клочка её размером со стельку? Что станет с несчастным народом? Воздух – яд. Вода – отравя. Потомство уже во чреве матери поражено раковой болезнью...».

Рыжий Иван рукою вытер глаза:

– Апырай, кто... кто же он такой? Разбередил душу.

– Я тоже о нём думаю.

– Знаешь, кто бы то ни был, но о наших краях знает не понаслышке.

– Тогда почему мы не знаем его? Впрочем... Постой... Как-то я услышал про одного человека, который будто бы изучает Аральское море. Поговаривали, что этот человек страдает каким-то неизлечимым тяжким недугом. И вид будто у него несурзанный...

– Каким бы он ни был, но, видно, за народ страдает. И видишь, жизнь свою поставил на кон. Читай, читай дальше, Жадигержан.

– «...Химико-бактериологическое оружие массового поражения, которое производится и испытывается на острове Возрождения, за минувшие почти полвека успело уже наверняка пропитать собой всю почву там и отравить и воздух, и растительность. Надо полагать, неспроста в этих краях уже сейчас обнаруживается чудовищная мутация среди людей и животных. Ну, это сегодня... А что завтра?.. Скажем, море окончательно усохнет, земля острова превратится в твердь и соединится с материком. И обитающая там живность – мыши, зайцы, волки, лисицы и корсаки, – разбредясь по всему огромному плато, раскинувшемуся между Аральским и Каспийским морями, не станет ли переносчиком холеры, чумы, оспы? Что тогда? Хоть кто-нибудь думает сейчас об этом? Не из-за того ли всё это, что преобразователи природы взяли да и повернули вспять, на виду всей планеты, самую крупную и полноводную реку Центральной Азии – Амударью, ту Амударью, которую во времена Чингиз-хана прозвали Джейхун¹

¹ Джейхун – свирепая.

из-за её дикого, необузданного нрава. И вот, некогда необузданная река – обуздана. Море обречено на смерть. Люди, покинув отчий край, вон, смотрите, разбрелись кто куда.

О, Алла!.. Разве повернутая вспять река, умирающее море, обезображенная, истощённая вконец земля и обречённый на скитания по миру народ – это не то же самое, что цунами, землетрясение, что разрушенные города, унесённые несметные человеческие жизни? Так почему же не бьёт тревогу ни одно государство? Не звонит ни один колокол? Если на иных континентах мира, в иных государствах пока что всё благополучно, их народы пока сыты, в очагах горит огонь – так что же... им вовсе нет дела до других? Почему безмолвствует ООН?»

– Пстой!.. Пстой-ка, – вдруг перебил тебя, схватив за руку Рыжий Иван, – ты.., ты, кажется, упомянул про какого-то больного и недужного? А как имя, фамилия, у этого... ну-у, статью которого читаешь?

– Имени не знаю, а фамилия Баубек-улы. А что?..

– М.Баубек-улы, говоришь?! Не Мукан ли случаем? А знаешь, кроме этого Баубек-улы, никто, по-моему об этом проклятом острове не то что писать, даже заикнуться не смел.

– Да, никто не посмел. Время было такое, а сейчас... как-никак перестройка.

– Знаешь, Жадигержан... В прошлом году... нет, в позапрошлом, проезжал мимо нашего аула в сторону каракалпаков один человек. Несуразный такой... с огромной головой. Ему стало плохо, и он целую неделю отлёживался в моём доме.

– Я его видел, когда он уходил. А звали-то его как?

– Мукан. Муканом звали. Молчаливый такой. Смурной. Кашлял всё. Не подпускал к себе детей, видимо, боялся заразить. И с нами не разговаривал. Только один раз, за день до отъезда, за чаем рассказывал про остров Возрождения, про это... химическое оружие, которое там, на острове, изготавливают. Ещё говорил и о том, что в будущем... после того, как окончательно умрёт море... может, доконают здешний народ.

– Ну, ага... выходит, это... Этот человек тот самый Баубек-улы.

– Да, тот самый. Эх, жалость-то какая! Надо же, надо же... Я бы его совсем по-другому принял.

И оба замолчали, каждый думая о чём-то своём.

Литература:

А.Нурпеисов. Последний долг //Роман в двух книгах. Авторизованный перевод с казахского. I книга. «И был день...» перевод А.Кима и Г.Бергера. Авториз. перев. II книги, «И была ночь...», А.Кима. – М.:ЗАО «Издательский дом «Парад», 2006.

Небо в чашечке цветка

Автор книги «Небо в чашечке цветка. Абдижамил Нурпеисов и его книги в мировом литературном пейзаже» Н.Анастасьев рассматривает созданный крупнейшим казахским прозаиком современности неповторимый художественный мир в тесной связи с направлениями и поисками мировой словесности XX века. Уильям Фолкнер и Эрнест Хемингуэй, Мухтар Ауэзов и Томас Манн, Гарсия Маркес и Вольфганг Борхерт, Михаил Шолохов и Алексей Толстой – вот литературный пейзаж, в котором «прописаны» герои «Крови и пота» и «Последнего долга». В том же контексте исследуются публицистика и эссеистика А.Нурпеисова.

...Еще в 1750 году, стало быть на самой заре первой промышленной революции, мало кому известный тогда женевский житель Жан Жак Руссо опубликовал трактат «О влиянии искусств и наук на нравы» – первое, по сути, предупреждение об опасности односторонних успехов технического разума. Так что никуда, конечно, монолог бесстрашного начинающего учёного не уводит – скорее, напротив, стягивает времена и пространства. Умирает Аральское море, а рядом Семипалатинск, Байконур – для героев Нурпеисова, как и для всех нас, это не просто точка на карте. И не просто героическая страница недавней истории. А далеко от тех мест, но тоже, если вдуматься, рядом – заповедники Танзании, где на воле разгуливают львы и пантеры.

...Словом, спору нет, «Последний долг» – это выразительная страница в том свитке побед и поражений, что не устаёт разворачиваться с тех самых пор, как двинулись вперёд семимильными шагами наука и производства. Несомненно, также, что это и пронзительный сигнал тревоги – так бьёт крыльями канарейка в шахте, предупреждая людей об опасной утечке газа, и я вполне могу понять, скажем, киргизского режиссёра Болота Шамшиева, который именно этот сигнал, прежде всего, и уловил.

Очевидцем Аральской Херосимы называет он Абдижамила Нурпеисова в письме, отправленном автору по прочтении «Последнего долга». Ощущает в романе подземные толчки надвигающейся всемирной катастрофы, более того, видит в нём документ и свидетельство грядущей трагедии человечества. Эпицентром отчаяния именуется берега иссыхающего моря.

...Разве не ощутима в «Последнем долге» боль по уходящему морю, разве нет в нём страшного образа серой пустоты, дыры, оказавшейся на месте чаши с прозрачной синей водой? Есть, конечно. Таращится пустыми глазницами сеть, и мёртвый этот взгляд так же страшен, как высохшее

морское дно. Разве нет в книге размышлений-рассуждений о нависшей над миром – не только над Аралом, но над всей планетой – угрозе экологической катастрофы? Есть и это...

...Здесь – повсюду, сегодня – всегда: таков хронотоп романа «Последний долг», и органичным кажется торжественный библейский лад самих названий: «И был день», «И была ночь», лад, звучанье, ритм, организующий на редкость многоголосую вообще-то повествовательную речь: «И будут все... выть по-волчьи во времена волчьи; и будут вертеть хвостами по-лисы, если времена наступят лисьи».

В такой художественной обстановке эпизоды постоянно удваиваются, утраиваются, метафора наливается земной тяжестью и фактически утрачивают собственную природу, реальность же, напротив, перетекает в легенду, сказка возвращается в быль, – а, впрочем даже, не перетекают – возвращаются, а просто все время пребывают в равновесном положении. Бакизат – сельская учительница, мать двоих детей, неверная жена, но также огненно-рыжая лисица с плутоватой мордочкой и даже (не исключено) – сама Мать Белорыбица, торжественно скользящая во главе рыбьего косяка, и удерживающая при этом своё женское, земное существо, столь точно переданное в слове, в отчетливо эротическом рисунке: «молодое тело... гибкое, упругое, точно из серебра литое. Плавники под брюшком огненно-алые. Глаза угольно-чёрные... И даже там, в сплошной мутной пелене, сверкала она своей чешуей».

Азим – карьерист, приспособленец, и он же – быть может, Кок-Огуз – легендарный Сивый Вол, монстр, чудовищный водохлеб, готовый вычерпать до последней капли соленое море. «Он надвигался всей непомерной громадной тушей, и солончаковая земля приморья под палящим солнцем стонала и вздрагивала от поступи его твёрдо-чугунных копыт». А может быть – матерый, покалеченный в долгой, изнурительной борьбе с людьми Волк, история которого составляет нечто вроде вставной новеллы, предваряющей финал романа. И тогда Бакизат – не только безымянная лиса, не только Мать Белорыбица, но и серая волчица со всеми её инстинктами хищницы и самки.

...Кок-Огуз, пусть и монструозно, но – могуч, в волке – «Корноухом Куцехвостом Матером» ощущается, пусть и опасная, но полнота и радость жизни, готовность торжествовать победу и достойно признать поражение. Азим же – в общем-то, ничтожен, даже на вершинах успеха, а уж в минуты неудач и беды – тем более. Ничтожен и жалок, труслив – бросает на погибель не только вчерашнего товарища, а ныне лютого недруга, но даже любимую женщину. По сюжету Кок-Огуз возникает во сне Жадигера, точнее сказать, в зыбком промежутке сна и яви. Потом слышится

протяжный вой оголодавшего волка, и в эхе его герою слышится неизбежное вселенское горе, то есть, это грань яви и небытия. Как раз в этом промежутке, как раз на этой неуловимой, не очерченной границе и происходит оправдывающий все эти уподобления сдвиг, или, может быть, скачок в мифологическое измерение.

Жадигер, некогда невзрачный паренёк из бедняцкой аульной семьи, а ныне битый жизнью мужчина с тяжёлыми руками и щетинистым, посеченным на ледяных ветрах лицом, незаметно превратился в ...Серого Ярого – предводителя рыбьего косяка, измученного, но не сломленного долгой и трудной дорогой. Или в верблюда, этого издревле надежного и испытанного корабля пустыни – «сколько же груза ты перевёз безропотно на своём горбу, сколько раз исходил от края и до края эту суровую землю за тьму-тьмущую веков?!» Да и от Волка с его яростью и волей к жизни много есть в этом герое. Недаром он сразу же представляется нам темноЛИКим человеком. Какой может быть лик у работяги – Передовика Труда, который за цифрами плана света белого не видит? И, тем не менее, оказывается это как раз то, что нужно, и на русском нашлось исключительно точное, ёмкое и содержательное слово...

...Характер Жадигера. Человек вообще-то далеко не идеальный – так и мифологические герои тоже неоднородны, – он в субъективных своих намерениях чист, в помыслах благороден, в повседневном труде честен. Однако же объективных последствий всё это не имеет, предотвратить беду Жадигеру не удаётся, и потому – в этих последствиях он повинен, и вину свою готов признать, и наказание принять, как должное. В финале герой гибнет. По логике быта смерть эта несправедлива и не заслуженна, но по логике мифа правомерна и даже неизбежна, так что можно, при всей бесповоротности («белое холодное лицо Жадигера») вроде бы задвинуть её в подтекст, оставить тень сомнения и даже условно отменить, во всяком случае, отложить: в тот самый миг, когда голодный волк готов броситься на обессилевшую жертву, от льдины откалывается небольшой кусок, и хищника уносит в море...

Н.Анастасьев.

Литература:

Небо в чашечке цветка. Абдижамил Нурпеисов и его книги в мировом литературном пейзаже / Н.Анастасьев. – Алматы: Өлке, 2004.

Роллан Сейсенбаев
(Родился в 1946 году)

Роллан Шакинович Сейсенбаев – драматург, писатель, популяризатор казахской культуры в странах ближнего и дальнего зарубежья, организатор открытия в Лондоне Дома Абая, Международного клуба Абая, переводчик на русский язык поэм и «Книги Слов» Абая, произведений Шакарима. Родился в Семипалатинске.

Писателем были опубликованы сборник рассказов и повестей «Тоска по отцу, или День, когда рухнул мир», роман «Отчаяние, или Мертвые бродят в песках».

День, когда рухнул мир

Гражданам Невады и Семипалатинска

... И услышал родной далекий голос. «Мне трудно дышать, сын...». И забормотал во сне:

«Отец, отец,... Не уходи, отец, умоляю, ведь я так любил тебя, так люблю, нам нужно поговорить, нам о многом нужно поговорить впервые и всерьез».

«Ты слышишь, как дрожит вечная наша земля, сын мой?».

«Не слышу, не чувствую... Я теперь далеко от родных мест, я живу в Москве, из моего окна видны зубчатые кварталы бетонных новостроек, простирающиеся до горизонта».

«Она тяжело ворочается, она стонет и плачет. Неужели вам, живым, неведомо это?»

«Разве может плакать земля?»

«Разве живые совсем оглохли? Разве не доносится до их ушей утробный, рвущий душу стон, плач, скрежет Вселенной? У тебя на родине вновь идут атомные испытания! Сатанинский огонь вновь гложет нутро земли! И земля – земля вновь неистовствует в поисках защиты и пощады».

«Разве ты забыл, как взрывали в Чингисских горах водородную бомбу тогда, много лет назад?»

«Помню, отец, помню... Я не в силах забыть тот адский день. В сны мои вплетаются разноцветные, разноголосые ужасы того дня, и я просыпаюсь среди ночи весь в поту, глядя в остановившуюся темноту невидящими глазами...»

«А я и сейчас часто дрожу от подземных взрывов! Страдание и боль! Страдание и боль! В интересах народного хозяйства! Сто пятьдесят кило- тонн! Атом! Атом!»

«Отец! – крикнул я. – Отец, вы живы! Разве не вас похоронил я на старом казахском кладбище близ соснового бора, что на крутом берегу Иртыша?»

Молчание. Тишина. Пустота.

СТРАДАНИЕ И БОЛЬ В ЦЕЛЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАУКИ, НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА, ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ

В Семипалатинске дрожала земля, лопались оконные стекла, а в одной из чабанских юрт у подножия Чингистау рожала молодая жещина. Рожала в страданиях и муках в этот грохочущий, скрежещущий мир. Казалось, плод раньше матери чувствовал, что будет происходить на земле к тому времени, когда пристанет пора и ему оказаться среди живых. Беззвучен широко раскрытый рот, обезображено лицо, безумные глаза пристально следят за действиями бабки-соседки, принимающей роды. Старая «акушерка», поймав этот взгляд, вскрикнула от неожиданности, и с этим ее криком мальчик весом в два килограмма опустился на мягкую кошму...

День, когда рухнул мир... –

прошептал я давно забытую, но внезапно возникшую в памяти строку моих детских стихов, и туманное серое облако скрыло лицо отца, скрыло его могилу.

«Отец, где вы?» – робко позвал я, но мой голос увяз в угрожающей тишине, пустота обуяла мою душу, и вздрогнув, проснулся.

Тихо... Лишь где-то на кухне капает вода из-под крана. Я раздёрнул занавески и увидел, что в окна вливается предутренний сумрачный московский рассвет.

Это называется «джоггинг», бег трусцой, «бег от инфаркта»... Я бежал в сторону Сокольнического парка. С грохотом катился пустой трамвай. Сыро, холод, безлюдно... В голове свинцовая тяжесть и ноги, словно ватные... Нет, сегодня толковой пробежки явно не выйдет... Оказавшись среди деревьев, я резко остановился и принялся, медленно раскачиваясь, делать зарядку. Вялость, апатия не отпускали меня даже после контрастного душа и чашки кофе, крепкого, как деготь. И лишь, когда я сел за

письменный стол, что-то стало меняться во мне: отхлынула усталость, мысли обретали остроту, слова – упругость... Я почувствовал зов, я готов был работать...

Резкий междугородний звонок заставил меня вздрогнуть. Я взял трубку и услышал далекий родной голос матери:

– Аман-есенбисин, балам? Здравствуй, сынок...

– Здравствуйте, мама... – Я мельком глянул на часы. Шесть утра, в Семипалатинске уже девять. Что ж, хотя бы просыпаюсь в одно время со своими земляками...

– Сынок, четвертого августа исполнится пять лет, как не стало отца. Но я собираю и друзей и родственников не четвертого, а на следующий день. Так всем будет удобнее...

– Хорошо, я все понял, мама. Я непременно буду.

– Ждем тебя, ждем, сынок... Да уж не потревожила ли я тебя, сынок? Ты ведь занят, наверное, как всегда, да? Прошу, не перегружай себя. Помни, что у отца сердце не выдержало, и будь осторожен, осторожен...

– Не волнуйтесь, мама, не волнуйтесь. Я слышу вас, у меня все в порядке...

Отбой, короткий звонок... Я записал в настольном календаре – 5 АВГУСТА, ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ ОТЦА. До пятого августа было еще полторы недели. Я вновь сел за стол, но все было кончено. Слова, рыхлые, как вата, не ложились на белую бумагу, мысли... какие мысли..., где они? Я всегда тяжело пишу, но – сегодня, что происходит сегодня?..

– Сегодня – неудачный день... Я отшвырнул авторучку, скрестил ладони, я положил голову на стол, на эти ладони.

Я закрыл глаза.

«Отец, если боль земли не дано понять живым, то как же ощущают ее мертвые?»

«Мертвые мудрее вас, живых...»

Я подался вперед, я хотел поддержать отца, но тут же ощутил эту зияющую пропасть: он в том мире, я в этом... И все же я протянул ему обе руки, так мне хотелось помочь ему выбраться из могилы.

«Осторожнее... Ты рискуешь упасть и разбиться», – предупредил меня отец, кутавший в оборванный белый саван.

* * *

... И пришла беда к людям Чингисских гор летом пятьдесят третьего года. В единый час пришла... Дети, пасшие за аулом коз и овец, враз услышали нечто ужасное – крики, вопли, женский плач. Оставив овец

и коз в степи, сверкая босыми пятками, обгоняя друг друга, помчались они в аул. А там творилось что-то невообразимое: люди обнимались, прощались, клялись и кляли, кричали, рыдали. Суета, неразбериха, хаос – и мы, мальчишки, стояли, раскрыв рты и совершенно не понимая, какая напасть столь огорчила жителей нашего тихого, уютного аула. Может, война началась? С американцами или с какими другими империалистами, осенило кого-то из нас, и мы принялись жадно разглядывать громадные военные машины, снующих повсюду солдат, которые точно из-под колес земли появились.

– Смотрите... Раз, два, три... десять колес у каждой из этих машин, – сказал Серикбол.

– Вот это да... Десять... Как в сказке... – загалдели мы, пытаюсь забраться в кабину, кузов.

– Если это война, я уйду в партизаны, – сказал Серикбол, и нам стало завидно, что он первым выговорил это – ведь каждый из нас чувствовал себя если не солдатом, то по крайней мере «сыном полка».

– А ну-ка по домам, пацаны! – прикрикнул на нас какой-то военный в чине подполковника.

– Дядя, скажите, а с кем война? – робко обратился я к нему.

– Нету никакой войны. Прекратить разговорчики. Домой ступай, родители ждут, эвакуация будет! – рассердился подполковник.

Что такое «эвакуация», мы тогда ещё не знали, но сразу же почувствовали здесь нечто недоброе. Веяло от этого загадочного, туманного слова страхом и неопределенностью. Во дворе дедушка смазывал колеса арбы.

– Подсоби-ка, внучек, – поманил он меня.

Я и у него осведомился, что случилось.

– Нас выселяют, – угрюмо отозвался дед.

– Куда? Зачем? – удивился я, втайне радуясь внезапным переменам – надоело мне, семилетнему мальчику, все летнее время каникул торчать в ауле, пасти опостылевших овец. Я к тому времени уже Марка Твена прочитал, и душа моя жаждала новых ощущений, я жаждал путешествий и готов был искать приключения хоть на краю света.

– В город, – нехотя ответил дед.

– А зачем тогда арбу готовите, если в город? – удивился я, и это вдруг чрезвычайно раздражило деда.

– Город... город... – передразнил он кого-то. – Развесили уши, твердят, как попки, – город, город. А куда скотину девать? Не в город же ее тащить. Я лично в горы ухожу, а не в город. А ты как решил – со мной будешь или поедешь вместе с матерью?

Дед сверлил меня взглядом, а я опустил глаза и молчал. Ведь мне так хотелось в город! Там жила моя Ау-апа, бабушка по материнской линии.

Строгая, властная, она любила меня и разговаривала со мной, как со взрослым. Три с половиной десятка лет минуло с той поры, но я до сих пор отчетливо помню, как мы сидели с ней на городской вечерней лавочке и вели простые беседы. Она мудро говорила обо всем – и о своей дочери, моей матери, и о своем зяте, моем отце. Странно, но зятя она, по-моему, любила больше, чем дочь. Она любила моего отца, она любила меня...

И я не подымал головы, не зная, что же мне ответить деду.

– Значит, в город собрался, да? – по голосу деда трудно было определить, всерьез он задает этот вопрос или насмехается.

Я вспыхнул и попытался увильнуть от ответа.

– Посмотрим, что папа скажет...

– Что смотреть, когда и так все видно: не беркут ты, не беркут... – отрезал дед. – Ладно, ступай, и без тебя справлюсь.

Я неловко потоптался подле него и вернулся в дом. Мама и бабушка увязывали тюки, в доме был настоящий погром. Мой младший братишка путался в ногах, держась за бабушкин подол, хныкал, спала в кроватке годовалая сестрѐнка...

– Отведи его на улицу, поиграй с ним, – сказала мама, указывая на брата.

Я взял малыша на руки и вышел во двор. Дед молча посмотрел на нас и вновь принялся за работу.

– «Не беркут, не беркут! Как будто сам – лев!» – мысленно бранил я деда.

Послышались громкие голоса, женский плач, в наш двор вошло несколько человек.

– Что делать? Пропадем! Все пропадем! – причитала соседка, бабушка Бокей.

– Эта самая бомба, говорят, нечеловеческой силой обладает, может все Чингистау с лица земли стереть, вторил ей старый Кабыш.

– Эта бомба хуже, чем та, которой американцы два японских города на нет свели. Та была атомная, а эта – водородная, – сказал учитель физики.

– Ау, Молдаберген, что нам делать? – продолжала причитать бабушка Бокей.

– Собираться, – веско и коротко отрезал дед.

– А где твой сын? – вдруг спросила Бокей.

– Где ему быть? На работе... Они там с военными в райкоме заседают, – объяснил Кабыш.

– Как начальство скажет, так оно и будет. Приказ начальства – закон для подчиненных, – закивал учитель физики. А ведь он слыл рассудительным и честным человеком. И никогда не был трусом – уйдя на фронт рядовым, вернулся с войны лейтенантом...

– Что со скотиной-то будем делать? – растерялся Кабыш.

– А ты не знаешь? – Дед глядел на него насмешливо. – В горы погоним. Или ты в город хочешь своих овец привезти? Так городские тебя самого бараном назовут.

– Да, в город нельзя, – тут же согласился Кабыш.

– И вообще, что вы тут торчите? Не сегодня-завтра в путь тронемся, а вы тут лясы точите, – вдруг вновь раздражился дед.

– И то, и то правда, – заторопилась старуха Бокей и, всхлипывая, вышла со двора.

В это время внезапно ожил репродуктор, висевший на столбе в центре аула, и металлический женский голос произнес:

– Уважаемые, товарищи! Просим вас собраться через тридцать минут на площади для встреч с руководителями эвакуационной комиссии...

Вскоре вся площадь была запружена аульчанами. В тревожной толпе стояли и мы с дедушкой.

На трибуну вместе с военными вышли руководители района, и я увидел своего отца. Вид у него был утомленный, глаза покраснели от бессонницы, но говорил он уверенно и спокойно. Я не возьмусь передать сейчас точный смысл его речи, как не помню, что говорил тогда другой оратор – пожилой военный с двумя большими звездочками на погонах, тот самый подполковник, который разогнал нас, мальчишек, по домам. Вечером отец привел к нам и его, и еще двух офицеров. Они ужинали, и я понял из их коротких реплик, что жителей будут эвакуировать в город Аягуз, а желающих – даже в областной центр Семипалатинск. Старикам дано разрешение уйти вместе со скотом в Чингисские горы. Так вот зачем приехали в наш аул большие военные машины!

Утром подполковник сказал, что брать с собой нужно только самое необходимое, окна следует закрыть тюками соломы и утешил жителей, что через месяц все они благополучно вернутся домой.

– А сейчас каждый из вас может получить в бухгалтерии райисполкома пособие на семью в сумме пятисот рублей, – закончил он.

Пятьсот рублей даже «маленковских» денег были для многих крупной суммой. Люди с достоинством расписывались в ведомости, приготовленной бухгалтером Талгатом, и все же прятали глаза, поспешно расходясь по домам.

Лишь одинокий бобыль Дуйсехан, имевший в поселке репутацию чокнутого, наотрез отказался принять неожиданно свалившиеся с неба деньги.

– Дуйсехан подачек не берет! – кричал он в непонятном гневе, прежде чем покинуть собрание.

Этот его поступок с одной стороны позабавил людей, с другой – вызвал удивление. Ведь Дуйсехан был гол как сокол и кормился тем, что давали ему за его тяжкий труд: копку и чистку колодцев, помощь на покосе... Работать где-либо постоянно он не желал...

– Ишь ты гордец какой! Если этот босяк не хочет брать дармовые деньги, пускай их мне отдадут, – предложил отставной милиционер Отеген.

– Бессовестный! Тебе лишь бы хапнуть! Нет на тебя аллаха! Хоть бы Бога побоялся! – набросилась на него бабушка Бокей.

– Твой Бог денег в зубах не носит! – огрызнулся Отеген, но все же чуть притих. Он знал, что земляки недолюбливают его за то, что уж больно рано размахивал он в свое время наганом...

Ночью, когда все стихло, я подошел к отцу.

– Папа, я не поеду в Аягуз.

– Хочешь в Семипалатинск к Ау-апа? – спросил отец.

– Нет... Я поеду с дедушкой... – выдавил я из себя. Отец смотрел меня каким-то странным взглядом и молчал.

– Я хочу быть вместе с дедушкой, – повторил я. Отец перевел растерянный взгляд на маму, и я понял, что ему легче руководить эвакуацией целого района, чем решить, что делать со мной.

– Комиссия по эвакуации в ауле остается. Нас семеро, и мы будем жить здесь... В Аягуз тебе с маленькими придется ехать. – Он помолчал и кивнул на меня. – А что с ним будем делать?

– Если хочешь, чтоб он облучение получил, отправляй его с дедом, – зло ответила мать.

– Я не получу облучение. Почему я должен получить облучение? – возразил я.

– Не нужно повторять слов, значения которых ты не понимаешь, – устало сказала мать и пробормотала: Бомба у тебя разрешения не просит. – И добавила совсем тихо: Вот же навязалась гибель на нашу голову...

Отец, сделав вид, что недослышал ее последних слов, пристально посмотрел на меня и сказал:

– Хорошо. Ты поедешь с дедушкой и бабушкой. Им ведь нужна помощь, а ты уже взрослый жигит.

– Ура! – крикнул я. – Ура!

Мать горестно покачала головой.

– Нам сказали, что это безопасно, – добавил отец.

Грузились на рассвете. Торопливо прощались друг с другом. И снова звучала эта страшная музыка растерянности и суеты – плач женщин, детей, рев машин, бляеные овец, короткие приказы военных...

Мы с дедушкой тоже отправились в путь. За аулом собрались и другие старики, старухи, которые должны были идти со скотом в горы.

Я обнаружил, что детей, кроме меня, больше нет. И тут же заметил малышку Кенже, сидевшую на арбе вместе с бабушкой. Я обрадовался. Она улыбнулась мне, и я помахал ей рукой.

– На войну шли, такого ужаса не чувствовали, – заметил кто-то из стариков.

– То была война, а это – конец света.

– Значит, правду приезжий парень толковал, которого потом милиция увезла? Значит правильно в его листочках говорилось, которые он нам читал?

Этот парень, грязный, оборванный, тощий, рассказывал такие страшные истории, что нас, аульских мальчишек, дрожь била. Он утверждал, что людей и землю ждет конец света, после чего настанет судный день, когда человек ответит за все свои грехи. Потом он раздал листочки, где (до сих пор помню!) крупными буквами было написано:

Конец света. 1953 год. 17 августа. 6 часов 12 минут. Всё начнётся с Казахстана.

И вот он, кажется, наступает, предсказанный бродягой конец света. Во что же превращается душа людская после смерти? Меня как током ударило, горячая волна пробежала от макушки до пяток – так хотелось жить. Семилетний мальчик, я впервые задумался о смерти, которая раньше не занимала никого места в моем сознании, впервые реально то почувствовал грозное приближение безликой старухи с косой... День-другой – и душа моя предстанет перед небесным судилищем... Надо мной, над всем, что меня окружает, нависло черное облако смерти...

Погрузка задерживалась. Подполковник сердился. Мать целовала отца, что-то быстро-быстро ему говорила. И вот – тронулись в путь. Машины в неведомый город Аягуз и далекий Семилалатинск, старики со старухами – в горы Чингистау.

Сидя на арбе, я правил лошадей. Смерть, она не уехала вместе с людьми в Аягуз и Семилалатинск, она ждёт нас в глубине Чингистау... Я боялся, но мне так хотелось стать, быть беркутом! Чтобы смело глядеть в глаза дедушке-льву! Чтобы гордились мною и мама, и брат, и сестренка! И – Кенже...

Наша арба шла первой. Я оглянулся и увидел вереницу телег, стариков, погонявших стадо. Близ нашей арбы вдруг остановилась машина, и из нее вышли отец и подполковник.

– Солдаты подберут для вас место стоянки, – сказал подполковник.

– Они что, лучше местных знают ваши горы? – сердито отозвался дед.

– Ну... им виднее... – засмеялся подполковник, недовольный словами старика.

– Ну да, вы умные, а мы все – глупые. На смерть гоните, а вам все «виднее», – сплюнул дед.

Бабушка осторожно тронула его за плечо.

– Рехнулся, что ли, совсем на старости лет? – свистящим шепотом заговорила она. – О себе не думаешь, так хоть сына пожалей. Доболтаешься, что тебя свяжут и нам не уйти...

– Помолчи, женщина... – Дед, казалось взбеленился не на шутку. – Это наша родина, и пусть он ответит, что они хотят с ней сделать.

Был он человеком горячим, но справедливым. В конце двадцатых, когда Чингистау задыхалась от голода, он уехал в город. Но и там оказалось несладко, ибо выжил, остался с ним только один из его детей – мой отец.

Нас окружили односельчане.

Теперь, когда прошло столько лет, мне кажется, что дед каким-то внушительным чувством ощущал реальную угрозу для жизни этих простых людей. Чем иначе могу объяснить я его вспышку – ведь он, умный спокойный человек, не мог не понимать, что слова его ничего не решат. Ровным счетом ничего. Они в упор глядели друг на друга, рослый статный подполковник и сутулый, но все еще могучий, жилистый дед, чья цепная рука крепко сжимала камчу.

– А ты знаешь, казенный человек, что вытерпел этот народ? Нет, ты не знаешь этого. Ты не знаешь, что наша земля – это земля великих святых людей! Веками мы жили в этой степи, мирно кочуя и никого не обижая. Здесь наши жайляу. Здесь родился наш Абай. Потом он стал неугоден властям, и за одно только упоминание его имени нас ссылали в Итжеткен – Сибирь. Потом расстреляли Шакарима, нашего великого поэта и философа, с которым дружил ваш Лев Толстой, и опять – стоило казаху заикнуться о Шакариме, как он тут же оказывался в Сибири. Лучшие люди в ссылке умирали... Вот ты из Семипалатинска приехал, так вся наша степь от аула до Семипалатинска была человеческими трупами покрыта – голод, ты знаешь, что это такое? Ты знаешь, скольких он выкосил? А потом – война. Скольких и она унесла, тут каждый второй жигит на чужой стороне пал. А посмотри, что едят колхозники, что они на тру-

додень получают? Да мы не живем, а существуем. Многие не что вкус мяса, вкус хлеба забыли. За каждого колхозного барана головой можно поплатиться... Так скажи, казенный человек, когда наш народ будет жить? И будет ли он жить?.. Ты ведь нас на смерть гонишь... Разве не так?

Люди слушали молча. Люди прятали глаза. Они были согласны с дедом, но их пугала его откровенность, и некоторые из них принялись пятиться, сохраняя отсутствующее выражение лица – дескать, ничего не видел, не знаю, не слышал...

– Куда направились? Стойте и слушайте правду! Неужели вы не только ум, но и честь потеряли? Хотя по нынешним временам честь, видать, для них – неподъемная ноша. А только кому вы будете нужны, если у вас ни чести, ни совести нету, а? Об этом вы подумали?

Люди пристыженно замерли. И тут вмещался мой отец.

– Ладно, ата, спасибо за лекцию. Но мы – взрослые люди. Приказ есть приказ...

Однако при этом он тоже избегал смотреть деду в глаза, и мне стало за него обидно. Я понял, что он сейчас думает о том, во что обойдется ему дедовский монолог. Но я хотел, чтобы дед еще что-нибудь рассказал военному о нашей родине. Я подумал, что вряд ли военный что-нибудь толковое о нас знает. Он, поди, казахов-то видит впервые. Но в это время подполковник подошел к деду и обнял его.

– Я понимаю вас, отец. Мы все пострадали, как ни один народ в мире. Мы потеряли отца народов Сталина, под руководством которого мы победили фашистов. А сейчас нам грозит новая опасность. Разве вы не знаете, что американцы уже сбросили атомные бомбы на Японию? Теперь они и нам с вами угрожают, поэтому мы должны защищаться. Мы не хотим ни на кого нападать, но мы должны быть начеку. Разве я не прав? Да, мы проводим испытания, но приняты все меры, чтобы обезопасить местное население. Вот почему мы предложили вам покинуть аул. А утверждать, будто мы гоним вас на смерть несправедливо. Мера вынужденная – мы хотим спасти страну от американского нашествия...

Дед, насупившись, молчал. Затем, круто развернувшись, пошел к своей арбе. Отец потрепал меня по плечу, взъерошил волосы.

– Ладно, езжайте дальше. Помогай дедушке и бабушке, как договорились, – сказал он.

Я согласно кивнул и тут же невольно посмотрел на небо – вдруг уже летит на нас американская бомба. Но небо было чистым, без единого облачка. Чистое, мирное небо...

– Чем кормиться-то будете? – спросила бабушка отца. – А то у нас мука есть, давай поделимся.

– Не нужно. Нас снабдили консервами, – ответил отец. – Не волнуйтесь за меня. Лучше выполняйте точно все, что скажут военные...

– Если совсем оголодаете, режьте кур. Я их для вас оставил... – дед хлестнул лошадь, пропустив мимо ушей последнюю фразу моего отца, и мы поехали дальше.

Тоска по отцу. Мы с женой ходили по магазинам и пытались что-нибудь «московское» для семипалатинского стола. Везде и на все – очередь. В универсамах вырывают друг у друга из рук куски вареной колбасы, завернутой в полиэтилен, толкаются возле лотков с мясом и сыром. Хорошая карамель исчезла, отец ее очень любил. Маму порадовать нечем. Приходится смириться с тем, что вечером я впервые полечу на родину, к могиле отца с пустыми руками.

Мы с женой молча шли по Арбату. Там былолюдно. Там рисовали, фотографировали, пели, читали стихи, яростно дискутировали. Молодежь, как и в любом другом уголке мира, веселилась, любила, ненавидела, ссорилась.

Подземный переход к метро оккупировали художники. Я, любопытствуя, потолкался в толпе и вдруг точно током ударило. На картине были изображены Чингисские горы. Я бы узнал эти родные долгие изгибы и изломы среди всех бесчисленных гор мира. Я тронул жену за локоть:

– Смотри, ты видишь Чингистау? Ты видишь – огненные сполохи разрывают картину, а в поднебесье застыл зловещий грязно-серый гриб?

Бешеные кони, оскалясь, ржали у подножия, и на всё это глядела огромными сумасшедшими глазами маленькая девочка в белом платьице. «Не может быть, – подумал я, – случайности не может быть, рисовал человек, видевший все собственными глазами...»

Но картина эта висела над головой бородастого парня, который лихо и уверенно писал портрет напряженно застывшей перед ним молодой девушки.

– Откуда картина? Она ваша? – спросил я.

– А что, нравится? – вопросом на вопрос ответил художник.

– Нравится – не нравится – не то слово. Страшно! – сказал я, не отрывая взгляда от картины.

– Кому страшно, а кому и нет, – равнодушно ухмыльнулся парень, протягивая девушке законченную работу. – Хотите вас нарисую? – предложил он. – Если спешите, карандашом вас изображу, а есть время так и красками могу сделать солидный портрет. В Средней Азии любят солидные портреты...

– Откуда вам знать, что любят в Средней Азии? – вырвалось у меня.

Очевидно, было в моем взгляде что-то такое, отчего он вдруг отвел глаза и сменил тон.

– Тот, кто рисовал эту картину, был куда умнее меня. Он Среднюю Азию душой понимал.

– Это Казахстан, – сказал я. – Испытания водородной бомбы.

– Угадали, Казахстан... Горы какие-то, названия я не помню. Это картина моего отца, помолчав, признался художник.

– Чингисские горы, – сказал я. – А отец ваш жив?

– В конце шестидесятых умер. Рак пищевода. Мать говорила, что он в этих самых горах свою болезнь получил... Он и рисовать-то начал перед самой смертью.

– Эта картина продается? – спросил я.

– Все продается, – ухмыльнулся он, – были бы денежки.

Его цинично-философский ответ отбил у меня охоту к дальнейшим вопросам – и так было ясно, что самодельный художник являлся очевидцем либо участником зловещих событий. Я заплатил. Я хорошо заплатил парню. Картина эта теперь висит над моим столом...

В самолете я начал читать «Хиросиму» Макото Одо. Впервые узнал об этом романе от отца. На днях я специально разыскал эту книгу в библиотеке, чтобы захватить ее с собой в дорогу...

...Несколько дней кряду шли мы в глубь Чингисских гор.

Подгоняли скот, понукали коней, брали их под уздцы.

Высокие горные перевалы, горные долины, зеленые луга, деревья, реки, родники – дивная, чистая красота эта поражала меня, впервые попавшего на жайляу, манила своей таинственностью. И эту божественную красоту человек способен порушить собственными руками? Безумие...

Однажды поздней ночью мы остановились на ночлег. Запалили костры, принялись на скорую руку варить похлебку. Старики направились стреножить коней, старушки и я вместе с ними таскали из леса сушняк для костров. Угрюмо нависшие темные скалы казались мне злобными дьяволами из сказок, страх исходил от скал, чудовищный страх. Казалось, он был разлит в ночном воздухе.

Белолицая, с огромными верблюжьими глазами девочка Кенже сидела подле моей бабушки, кутаясь в теплое верблюжье одеяло. Ее родная бабушка, которая вместе с нами собирала хворост, еще не вернулась из леса. Кенже дрожала – то ли от ночной прохлады, то ли от страха. Я подбросил в костер охапку дров. Ярко вспыхнуло пламя, и я увидел испуганные глаза Кенже.

– Где моя бабушка? – тихо спросила она.

– Она сейчас будет, она следом шла. А ты что, боишься? Трусиха... – Я стал шутливо поддразнивать её. Она молчала, и мне стало стыдно, что я смеюсь над малышкой.

– Проголодалась? Хочешь курта? – спросил я, и она кивнула:

– Спасибо...

– Я здесь, я с тобой, не бойся! – заговорил я, угощая ее куртом. Громко заговорил, громче, чем нужно в такой ситуации. Она вздохнула.

Кенже была болезненной, малокровной девочкой. Глаза ее, они всегда смотрели на человека с доверием и преданностью, это были воистину безвинные глаза, глаза ангела во плоти. Мать ее скончалась при родах, никто никогда не видел и не знал, росла она у бабушки с дедушкой. Это были тихие и скромные люди. Трех сыновей проглотила у них война, умерла дочь, но они всегда держались достойно, старались не выказывать своего горя на людях, старались не упасть духом. Мой дед говорил, что живы они лишь собственной честью. Отними у них честь, и они погибнут в тот же час, не станут, как другие, жить-поживать, будто ни в чем не бывало. Такая порода, говорил дед. Породы... Дед любил это слово, но никогда не употреблял его всеу.

Весело пылал костер. Вокруг была тьма, и от этого столь обостренно чувствовалось холодное одиночество окружающего нас мира. Лишь отдаленное мерцание звезд на небе вселяло в душу слабую неясную надежду. Бабушка, что-то бормоча, приподняла крышку котла и принялась помещивать варево большой деревянной ложкой.

– Ты хочешь жить, Роллан? – вдруг спросила Кенже.

Я недоуменно посмотрел на нее, не понимая смысла этих слов. Блики играли на ее бледном лице, длинные ресницы были полуопущены, из глаз текли слезы.

– Нельзя плакать, – сказал я.

– Знаю, это к беде, но я ничего не могу с собой поделать, – тихонько всхлипнула она. – Завтра будут взрывать бомбу! Я боюсь! – она никак не могла унять дрожь, и я укутал ее поверх одеяла шубой.

– Как ты думаешь, умирать страшно? – спросила она и сама же ответила:

– Смерть всякая бывает – и тяжелая, и легкая... Меня ждет страшная смерть...

– Ну что ты такое говоришь? Ты никогда не умрешь, Кенже, – возразил я.

– Ты добрый, очень добрый... – Она робкими пальцами коснулась моей руки. Она казалась мне тростинкой, колеблющейся на безжалостном ветру. Мрак. Тьма. Неужели нам с Кенже никогда больше не вырваться из

этого темного мрака, и смерть караулит нас, жаждет принять нас в свои объятия? Смерть... Слово это мелькнуло, как молния, и я содрогнулся. – Тебя тоже коснулось крыло смерти? – спросила Кенже, но я молчал. Я дрожал. Я вдруг взмолился, я впервые принял слова, которые слышал от бабушки:

– О аллах всемилостивый! Спаси и сохрани сына своего. Не дай мне сгинуть... – И, подумав, добавил: – Не дай никому сгинуть, тогда я поверю, что ты есть!.. Тогда я всегда буду молиться тебе! – В день по пять раз, о аллах Милостивый! Верую в тебя!..

Кенже незаметно уснула. Я подложил ей под голову седло и присоединился к старикам, которые устроились поодаль, у другого костра, и лишь их далекие голоса урывками доносились до меня, когда мы разговаривали с Кенже. Я подошел к их костру, подбросил в него несколько сухих веток и присел рядом с дедом. Старики были увлечены своим разговором и не обратили на меня никакого внимания.

– Где-то здесь лежит в колодце непогребенное тело Шакарима-хаджи, – сказал Архам, и все разом замолчали.

Я знал наизусть множество стихотворений Шакарима, но дед запретил мне читать их вслух.

– Знать – знай, но до поры до времени молчи, – наставлял он меня. – Когда-нибудь хаджи оправдают, и ты заговоришь. Настанет такой час...

Я даже не догадывался тогда, что за одно только упоминание имен Абая и Шакарима людей ссылали в Сибирь, в страну, где, по казахскому выражению, «ездят на собаках». За одно только упоминание...

– И нашему Отегену известно, где этот колодец. Он будет молчать, потому что он государственный человек, – сказал Дуйсехан.

– Аллах свидетель! Откуда мне это ведомо? – забожился Отеген. – Ничего не знаю.

– Может, и правда не знает? – засомневались другие старики.

– А может, и вы ничего не знаете? Может, забыли, как он в районном НКВД служил, со своей «пушкой» не расставался! – обозлился Дуйсехан и снова обратился к Отегену:

– Вы, поди, думали тогда – ухлопали старика и дело с концом? Ан нет – дух великого хаджи до сих пор витает в этих ущельях, как тень ночного барса...

Обиженный Отеген встал, поджал губы и удалился во тьму. Старики заулыбались. А я до сих пор не могу понять, как они не боялись вести тогда такие РАЗГОВОРЧИКИ? Или... или надеялись, что горы всё спишут?

Я положил голову на дедушкины колени и заснул. И явилась ко мне во сне грозная тень страшного горного барса. Тень эта нависла надо

мной, приближаясь все ближе и ближе. – Не бойся, не бойся меня, вдруг зашептала тень человеческим голосом. Вам будет тяжело, малыш, но вы должны выдюжить. Помни, все помни, сынок! Запоминай, запоминай, заминай! Ибо придет такое время, которое заставит тебя поведать миру правду, горькую правду о том, что ты видел...

Из глаз его сыпались зеленые искры, барс потрепал меня передней лапой по плечу. Миг – и его тень исчезла.

А когда я проснулся и, ёжась от утренней прохлады, стал растирать ладонями плечи, то заметил вдруг на левой руке свежие длинные царапины. «Барс! Это следы его когтей! – мелькнуло у меня. – Но как же так, как же так? Ведь не было же его наяву. Ведь я спал и только сейчас проснулся. Как же так, как же так?..»

* * *

С восходом солнца в горах появились военные.

– Откуда они взялись? – удивился мой дед.

– Действительно, будто из-под земли выходят, – испуганно вымолвил дед Архам. Военные направились к нам, и один из них, очевидно, старший сказал:

– Через полчаса все начнётся. Вам во время взрыва следует укрыться кошмами и не вставать, пока не будет команды. Костры немедленно потушить.

Солдаты уже заливали огонь водой. Короткие, отчетливые приказы ворвались в благостную утреннюю тишину. Люди начали вытаскивать кошмы, группироваться, кучковаться, устраиваться поудобнее. Кенже лежала между мной и бабушкой. Ее нежное лицо осунулось, в широко раскрытых глазах снова застыл страх, еле шевелились длинные ресницы. Мой дед шептал молитву. Бабушка насильно укрыла меня с головой. Я вырывался. Она сердилась.

Еще торопливее забегали военные. Я слышал их надтреснутые, охрипшие голоса. Вдруг их начальник крикнул зычно:

– Внимание! Внимание! Всем лежать! Замрите!

И – тихо покачнулась земля. Мне показалось, что она – вечная колыбель, баюкающая нас. Но земля внезапно содрогнулась, бешеными толчками била она нас снизу в ноги, в грудь, в лицо; ослабли бабушкины объятия, земля вздымалась, как необъезженный конь; степи, горы в последней потуге удерживались, чтобы не сгинуть. Я видел, высунувшись из-под кошмы, – огромный гриб заполонил небо, и огнедышащие сполохи играли невообразимо буйным соцветьем красок. Страх и удивление в единый миг сковали мою душу, такого мне и в самом страшном

сне не дано было увидеть. Стонали горы, с грохотом катились огромные камни, скрипели, гнулись деревья, и в адские эти звуки внезапно вплелся еще один – отчаянный, режущий уши визг ли, плач? Я до сих пор не знаю, как правильно назвать этот страшный звук. Маленькая девочка в белом платьице бежала, увертываясь от скачущих каменных глыб. Я и сам не заметил, как вырвался из-под кошмы и, стоя во весь рост, оцепенело глядел ей вслед. Огненный гриб тяжело поднимался, слепили глаза яркие вспышки, по качающейся земле неизвестно куда убегала маленькая девочка. Я застыл, как вкопанный, не понимая, что мне нужно предпринять. Ее крик резал мне уши. А может, не было крика? Может, я вообразил, что она кричала? Может, она беззвучно открывала рот и бежала не в степь, а в горы, и камни шарахались от нее. «Она погибнет, ее надо спасти, надо бежать за ней, догнать ее, – подумал я и крикнул: «Кенже!.. Кенже!..» Я ринулся за ней, и вдруг меня осенило: наверное, она сошла с ума! Потрясенный неожиданной догадкой, я споткнулся и упал. В эту минуту надо мной пролетел большой камень, и я понял, что аллах спас меня, Кенже сошла с ума, сошла с ума... Я настиг ее. Худые плечи ее вздрагивали, она бежала и плакала, теперь я точно слышал её душераздирающий крик:

– А-а-а! .. Пространство вдруг заново озарилось сполохами. Я настиг Кенже, и мы рухнули на землю. Тяжёлый топот сапог приближался, и не успел я обернуться, как нас накрыли тяжелой кошмой. Я услышал грубый голос:

– Лежать! Не подниматься!

Кенже легко сжала мою руку.

– Не бойся, – шепнул я ей, но она не ответила. Прикосновение влажных её пальцев – разве забудешь такое?

Земля вновь задрожала, теперь еще сильнее, она билась, как в падучей, и сердце мое билось – вниз-вверх, вниз-вверх, и душа замирала. Я забыл о Кенже, забыл обо всем на свете, я понял – на меня рухнул мир, и сейчас я погибну под его обломками. Я думал только о себе, смерть стояла надо мной с занесённым топором, вжик-вжик-вжик – лезвие опустится на мою детскую шею, я терял сознание, ощущая в некоем мерцании, как холодеет рука Кенже. «Она умерла», – успел подумать я, ибо мое замутненное сознание медленно возвращалось на круги своя. Под кошмой, в полной темноте рядом с мертвой Кенже я мелко-мелко дрожал, обливаясь холодным потом. Своим мальчишеским сердцем я внезапно понял, что был влюблен в эту маленькую болезненную девочку. Я зашевелился, пытаюсь приблизиться к лицу Кенже, поцеловать ее в первый и последний раз.

– Не рыпаться! Тихо лежать! – услышал я прежний грозный голос, – все же успел рывком дотянуться до неё и поцеловал, кажется, в лоб. На меня опять прикрикнули, но голос звучал глухо, и я понял, что обладатель тоже говорит из-под кошмы.

И казалось, что наступил конец света.

* * *

После взрыва мы еще полторы недели жили в Чингисских горах. Тут же, на высокой сопке, похоронили Кенже – первую безвинную жертву испытаний водородной бомбы на полигоне «близ Семипалатинска». Город Семей – Семипалатинск! Родной, пыльный, малоприметный, с этого дня ты стал известен во всем мире! Семипалатинск... Семей... Невада... Полигон... Атом... Испытания...

* * *

Да ведь и Курчатов, говорят, сразу же после этого взрыва воскликнул: «Это чудовищно! Не дай бог, если когда-нибудь применят против людей. Нельзя такого допустить...»

* * *

Я сидел на теплом валуне, свалившемся с гор во время взрыва, и неотрывно глядел туда, где только что похоронили Кенже. Далеко было до сопки, но я реально видел, как легкий парок поднимается над свежей могилкой, точно душа, точно атомный гриб после взрыва. Военные исчезли так же внезапно, как и появились. Осталась лишь одна санитарная машина, несколько военных врачей и молодая медсестра Галя. Дел у нее почти не было, и она частенько приходила к моей бабушке, чтобы тихонько побеседовать о том, о сём. Иногда и дедушка принимал участие в этих посиделках. И он, и бабушка хорошо знали русский язык – еще бы, ведь в годы великого голода они спасались в городе, были чернорабочими, так только и выжили. Дед вспоминает:

– Вся степь эта несчастная была устлана трупами. Под вой шакалов, крики каракусов-стервятников бежали мы, да что там бежали – ползли в сторону города. Все верили в то, что главное – доползти, а там уж как-нибудь все образуется. Все верили, и я верил. Все верили, да не все выжили...

Полынно-горькие, отравленные тридцатые годы! Галя слушала внимательно. Она частенько вздрагивала, и ей было непонятно, как это при

социализме могли быть голод, унижения, репрессии, хотя двадцатилетним своим умом она понимала, что и этот взрыв ужасный, смертельный – тоже вещь нехорошая. Она шёпотом сказала об этом бабушке и, округлив глаза, добавила, что точно, конечно же, не знает, но слышала, будто врачи ждут прибытия девятерых людей, которых взрыв застал в непосредственной близости от места испытаний, которые и простояли, не укрывшись. За ними будут наблюдать здесь десять дней, а потом отправят в Семипалатинск, где их обследуют московские профессора. Галя утверждала, что так говорил майор медицинской службы Жаворонков, который возглавлял эту маленькую группу медиков. «Такие исследования необходимы для будущего», – говорил Жаворонков, но Галя, наслушавшись деда, не верила больше этим словам своего начальника.

– ...Потому что и в городе многие пухли с голоду, – продолжал дед свой рассказ. – Ведь моя байбише, – он указал на бабушку, – она ведь у меня вторая жена, первая-то у меня умерла, не вынеся разлуки со старшим сыном. Мы старшего по приезду в город отдали в детский дом, думали, хоть так его от голода спасём. А младшего, вот его отца, – дедушка погладил меня по голове, – оставили при себе. Одного, решили, прокормим. Ну, рассказывать еще долго можно, язык, как говорится, без костей, но ведь сколько ни рассказывай, а поймет тебя до конца лишь тот, кто голод на собственной шкуре испытал. Ну вот, первая моя жена и заххла в разлуке с первенцем. Часто плакала по ночам – сына, сына надо вернуть. Похудела, есть ничего не могла, да и не было ее, еды-то... Умом-то понимала, что если вернуть ребенка, то неминуемо погибнет он. Умом понимала, а сердце другое ей подсказывало. И, не скрою, честно говорю, против моей воли пошла она в этот детский дом, а их всех уже эвакуировали. Перевели за тридевять земель, а куда точно – никто не знал. С того дня она и начала таять на глазах. Она в сорок третьем померла ... Так и не узнала, где наш первенец, и второго сына с войны не дождалась, его отца, значит, – снова пояснил дедушка. И повторил: Не дождалась. А я дождался. Но мне до сих пор неизвестно, жив ли мой первый сын или сложил где-нибудь голову. А я к концу войны один остался, как перст. Вот... встретил свою байбише... хорошая она...

Бабушка молчала. Молчал и дед. Глаза его смотрели куда-то вдаль и, казалось, ничего не видели.

И всю эту историю он рассказывал сдержанно, спокойно и оттого, что вокруг стояла тишина, рассказ его звучал еще страшнее.

«Значит, у моего отца был старший брат, а у меня был дядя», – подумал я. И мне представилось, что я ползу по степи под вой шакалов и крик каракусов, натываясь на трупы голодных. И это видение испугало меня,

как ни странно, куда больше, чем испытания бомбы, либо тень ночного барса. Пожалуй, только смерть Кенже казалась мне столь же ужасной... Мне было семь лет. И я понимаю, что именно тогда я впервые задумался о том, какое количество смертей, боли, страданий, унижения, оскорблений выпало на долю народа Чингистау.

С гор спустилась грузовая машина, и жигиты, высыпавшие из нее, подошли к нам. Оказалось, что это люди из нашего аула, именно их так «нежданно-негаданно» застал взрыв. Они степенно поздоровались со стариками, а узнав о смерти Кенже, долго сидели в молчании у ее свежей могилы. Врачи замучили их процедурами. До позднего вечера помногу раз их проверяли какими-то особыми приборами, приказывали расслабиться, закрыть глаза, одним словом, обращались с ними, по мнению жигитов, как с малыми детьми.

– Ну, хватит, сколько можно, – запротестовал бухгалтер Талгат. Мы же голодные, с утра маковой росинки во рту не держали.

– Терпи. Надо будет, и в Москву тебя повезем на обследование, – угрюмо сообщил ему не склонный к шуткам Жаворонков.

– Что ж, Москва – это хорошо, давно мечтал в столице побывать, отправляй меня скорее, – хорохорился Талгат, желая позлить врача.

Старики и старухи собрали общий дастархан – поминки по Кенже. Русские сидели с нами.

– Она была красивая, правда, Роллан? – спросила меня Галя.

Я кивнул головой:

– Да, она была самая красивая.

– И ты, конечно, любил ее? – догадалась Галя.

Старшие впервые говорили со мной на равных, и я подумал: Наверное, я уже взрослый, раз ко мне так обращаются? Взрослый, да, взрослый...

– Любил и только ее буду любить...

– Всю жизнь? – удивилась Галя.

– Всю жизнь!!! – уверенно сказал я.

– И жениться не будешь, что ли?

– Не буду! – сердито и веско отрезал я.

Галя была изумлена и, обняв прошептала:

– Эх, если б мой парень меня так любил... Желаю, чтоб все беды тебя стороной обходили. Вырастай поскорее и будь счастливым.

На небе высыпали звезды, но луна спряталась, и среди гор было сумрачно, темно. Люди при свете костров молча ели овсянку. Я опять вспомнил Кенже, и на глаза навернулись слезы. Только вчера говорили с ней, мечтали. Мечты были детские, незамысловатые, фантастические. Кенже, малышка Кенже, в свои шесть лет изъяснялась загадочно, странно, и вот

что удивительно – фантазии у нее всегда были цветные, яркие. «Будет хорошо, степь будет благоухать, – говорила она, – цветы алые так хорошо пахнут, и синее-синее небо будет нежно глядеть на нас, и золотое солнце весело засияет, и на это золотое солнце можно будет смотреть сколько угодно. Золотое, ласковое, единственное солнце мое!..»

Она любила всё и всех, а ее любил только я.

«Через несколько дней мы уедем, – думал я, – а ты навсегда останешься здесь, среди гор. Здесь зимой холодно, ветрено, вьюжно, зато летом – прохладно, тихо. Тебе будет одиноко здесь, Кенже, но я буду думать о тебе, каждый год я буду приезжать к тебе в день твоей смерти. Оллахи-биллахи! – клялся я нашей детской клятвой. – Но ведь я еще маленький, дедушка не повезет меня в такую даль, ты знаешь, на каком расстоянии от аула мы сейчас находимся?»

«Нет», – будто наяву услышал я тоненький голос Кенже.

«Километров сто будет, сказали военные»

«Это очень далеко, ты не приедешь ко мне», – опечалилась Кенже.

«Когда я вырасту и буду волен делать все, что захочу, я буду приезжать к тебе в день твоего рождения, и в день твоей смерти».

«Два раза в год.. Ты такой добрый».

«Не плачь», – сказал я.

«Я не плачу. Я больше не плачу..»

«Да, ведь мертвые не плачут».

«Они бы плакали, но у них уже иссякли слезы...»

– А ты чего такой грустный? – Вывел меня из оцепенения голос бухгалтер Талгата.

– Кенже вспомнил, – ответил я.

– Жалко девчонку. У нее сердце не выдержало такого потрясения, – заключил Талгат-ага, но его перебила старуха Биби.

– Она – сумасшедшая. С ума она сошла, – громко заговорила она и, видя, что ее никто не поддерживает, повторила. – Сошла с ума!

– Да что ты одно и то же заладила «сошла с ума, сошла с ума»... Сама ты по старости лет из ума выжила. Разве умная женщина станет такое про покойницу говорить? Совсем ты, видать, одурела, – набросился на нее Архам, и Биби замолчала, виновато глядя на всех.

Инцидент быстро забылся. Талгат рассказал, что им всем после взрыва дали по стакану водки и лишь потом привезли сюда, в горы.

– Рад видеть вас всех в добром здравии! – неестественно громко выкрикнул Талгат. Другие жигиты были навеселе, врачи угостили их разбавленным спиртом и сами изрядно выпили, утверждая, что это полезно для организма. Мой дед и другие аксалы тоже попросили спирту.

«Полезно! Полезно! – кричал Талгат. – Да еще по полтыщи денег получит за то, что из аула выехали и целый месяц будем баклуши бить... Военные правильно говорят – что прошло, того уж нет. Был взрыв, и нету его! А сделали это ради науки, ради будущего, ради земли и ради людей!»

Он умер в начале шестидесятых от белокровия.

Ради науки? Ради будущего? Ради земли? Ради людей?

Думаю, что и Курчатов понял: жить в обнимку с бомбами – значит приближать конец света, где не будет ни науки, ни земли, ни людей, ради которых будто бы и изобретено это смертоносное оружие.

И будущего не будет.

* * *

Через неделю нам разрешили возвратиться в аул. Все обрадовались. Все соскучились по своим детям, внукам, близким, друзьям. Я тоже мечтал о встрече с братом, сестрой, мамой и, конечно же, с отцом, ведь он и военные остались в самом пекле. Как он там? На прощанье я и бабушка Кенже сходили на могилку девочки. Бабушка попрощалась с единственной внучкой, я – с первой детской любовью. И ведь прошло столько времени, я столько людей встретил в жизни и столько уже потерял, однако мне никогда не забыть маленькую хрупкую девочку Кенже... Ее задумчивый вид, ослепительную улыбку белых, ровных зубов, моментально преображающую её. Прощай, Кенже! Прощай, ангел мой! Прощай, любимая! Я буду стремиться попасть на твою могилу всю свою сознательную жизнь, но пройдет тридцать три года, прежде чем я окажусь здесь и буду сидеть среди молчаливых гор, вспоминая далекое детство, одинокое кочевье стариков и старух, плач людей и плач Чингистау. Я – взрослый человек, и я забыл твое лицо. Кенже, сколько ни бился, сколько ни пытался восстановить в памяти твои черты, все на напрасно – туман и марево стоят перед глазами, туман и марево...

И сегодня, когда вновь дрожит земля от подземных испытаний, мне важнее восстановить прошлое, чем прочитать на следующий день в газетах сообщение ТАСС на эту «тему».

Но до сегодняшнего дня было еще далеко-далеко. Мы медленно, как нам и было велено, спустились с гор и долго ехали по степи, ночуя на берегу речушек и ручьев.

А когда рано утром прибыли домой, то обнаружили, что аул мертв – мы вернулись первыми. Хотя это не совсем точно. Раньше нас прибыло воинское подразделение, получившее приказ очистить колодцы до появления жителей. Это была ненужная предосторожность – ведь позже

образовалось немало новых озер - мертвых, радиоактивных... Те, кто по незнанию купались там, облучались и вскоре погибали. Со временем люди поняли, какая опасность подстерегает их, и научились обходить стороной эти фальшивые водоемы.

Старики, въехав в аул, попрощались друг с другом и молча разошлись по широкому его улицам. Дед направил свою сивую лошадь к нашему большому двору в центре аула. Он ехал медленно, но, увидев солдат у нашего колодца, громко гикнул, хлестнул сивого камчой, и наша арба влетела в ворота.

Дед кричал, размахивая камчой, вырывал у солдат ведра. Солдаты не понимали, что происходит, а из колодца им уже кричали:

– Эй вы, ослы ленивые! Что там стряслось, подавайте скорее ведра.

Дедушка заглянул в колодец и, окончательно озлобившись, заговорил сердито:

– У, кафыр неверный! А ну вылезай отсюда немедленно. Всю воду вы мне, нечестивцы, испоганили!

Солдаты быстро подняли наверх молодого ефрейтора, и все они с изумлением уставились на деда.

– Вас кто просил, кафыров неверных, в колодец лезть?

– У нас приказ есть, мы хотели, как лучше, – бормотал ефрейтор.

– Лучше! лучше! – передразнил его дед, но уже не так сердито. – Что вы можете сделать «лучше», когда вы мастера только на худшее, неужели вы думаете, что это для кого-то секрет?

Тут на машине подъехали отец и подполковник. Я хотел кинуться к отцу на шею, настолько я по нему соскучился, но не сделал этого, опасаясь прежних слов дедушки: «Не беркут ты, не беркут!» Чем снова услышать такие слова, лучше умереть!

И я заставил себя остановиться. Лицо мое от возбуждения порозовело, а дедушка увидел отца и сказал:

– Аман-есенбисин, карагым. Жив-здоров, сынок?

– Все хорошо, как сами-то добрались? Все благолучно? – отозвался отец.

И я понял, что он спрашивает лишь для порядка, ибо и сам не хуже других знает, что творится в округе.

– Дед опять шумит, – пожаловался подполковнику ефрейтор. – Это он нас от работы отстранил.

– Понятно... тогда передай всем приказ: колодцы оставить в покое. Раз не успели, значит, как говорится, не судьба, – сказал задумчиво подполковник.

Отец подошел ко мне, притянул к себе и спросил ласково:

– Ну, как ты там, хорошо себя вёл? Помогал старикам?

Я обнял отца. От него пахло дымом, солнцем, порохом – всеми теми запахами, что главенствовали в стенах последние дни.

– Спросите у бабушки, – ответил я.

– Значит, помогал! Молодец! – отец похлопал меня по плечу. – Давай будем вещи заносить.

Бабушка развела огонь в летней печи, что стояла во дворе, и принялась печь таба-нан – хлеб.

Дедушка взял с собой короткую лопатку и исчез в колодце.

Мы с бабушкой помогали ему, таскали ведра, которые он нам подавал. Только к обеду, усталый и изможденный, выбрался дед из колодца. Мы присели отдохнуть в тенёчке.

– Отец, – виновато сказал отец. – Простите, что мы всех ваших кур поели. Так уж случилось.

– Ладно, не беда, – коротко отозвался дед. – Главное, чтоб земля жива осталась и люди, ее населяющие...

– Я на днях съезжу в город, привезу вам цыплят побольше, – дал обещание отец.

– Хорошо...

Мне наскучили эти «хозяйственные» разговоры, мне вдруг стало тоскливо и одиноко в безлюдном пустом ауле.

Старшие заговорили о предстоящей жизни, о нужде, о страхе перед атомной бомбой, об американской угрозе. Отец убеждал стариков, что беда идет из Америки. Он горячился, рубил ладонью воздух, и догадался – он пересказывает то, что ему сообщили военные.

И вновь вспомнил горы. Тот страшный взрыв, когда казалось, вот-вот лопнет пуповина, связывающая землю с солнцем, и земля покатится в глубь неведомой вселенной, как те грохочущие каменные глыбы, что стремительно неслись с гор, пугая людей и животных. Я вспомнил, как разбежались с испугу кони, и старики нашли их лишь на второй день. Я вспомнил, как уходила из-под ног земля и как я обнимал землю – холодную, сырую. И ещё я вспомнил, как бежала среди грохочущих камней испуганная, потерявшая разум маленькая Кенже.

* * *

Внезапно я вздрогнул. Что-то белое мелькнуло рядом, и мне на колени шлепнулась, жалобно мяукая, грязная ободранная кошка. Я брезгливо стряхнул ее, но она, не обращая более на меня внимания, подошла к бабушке и принялась тереться об ее ногу.

– Да ведь это наша Рыжая! – вдруг осенило бабушку. И, точно. Мы тоже мигом узнали нашу кошку. Бабушка присела на скамейку, и рыжая устроилась на широком подоле. Из полуприкрытых глаз текли слёзы.

– Была рыжая, а стала белая, – изумился я.

– Ты не видишь, что она поседела? – дед сердито сплюнул. – Ох, человек, стожильный же ты! Не нервы у тебя, а – стальные провода! И что же это делаешь-то? Ведь самого себя губишь, смерть сеешь... И держишь в ладонях не семена, а яд. Даже животное поседело, не вынеся того, что ты творишь... На кого, с чем мы детей и внуков наших оставим? – Дед погладил меня по голове и сказал:

– Помяни мое слово! Если и дальше так же пойдет, человек тихо-тихо, незаметно сойдет с ума. И это может подтвердить тебе любой, в ком еще осталась хоть капля здравого смысла...

Я взял кошку на руки, прижал к груди и стал гладить ее поседевшую шерстку. Все ближе и ближе прижимал я ее к себе, вдыхая знакомый запах дыма, степных трав. А еще от кошки пахло помойкой и мышами. Наша Рыжая была сильной и смелой. Она не единожды расправлялась с заползшими к нам во двор змеями. Только один раз она никак не могла одолеть огромную толстую змею – и себя извела, и свою противницу. Змея все же сумела вырваться и уползти, но ее на улице добили камнями старшие ребята. Одновременно со змеей исчезла тогда и наша кошка. Мы долго искали ее, но так и не нашли. Сочли, что она сбежала или её убили.

Но через десять дней кошка вдруг вновь у нас объявилась. Видать, где-то отлеживалась, стыдно ей было, что она ту змею не смогла победить. «Вот какая гордая наша Рыжая!» – похвалил ее тогда дедушка.

– «Тебе больно?» – спросил я кошку. «Больно – это не то слово, мне жутко, жутко, мальчик,..» – «Прости, что я сразу не признал тебя». – «Меня сейчас родная мать не узнала бы! Спасибо бабушке, она у вас умная и наблюдательная». Я еще нежнее погладил ее. Я подумал, что все мы являемся частью живого мира. И уставшие дедушка с бабушкой и хмурый отец, и кошка, которую я держу в руках, и наш сивый конь, переживший вместе с нами весь этот ужас, и солдаты, без особого толку бегающие по аулу. Я хотел осмыслить это, я хотел заключить эти мысли в определенную форму, но в каждый следующий миг эта форма рушилась.

– Отпусти кошку и вымой руки, – приказал мне отец. Я встал. Рыжая благодарно терлась о мою руку.

– «Мне кажется, я скоро умру, мальчик. Ведь я была там, и у меня теперь все нутро горит. Кто был там, тому не выжить, об этом все говорят». – «Тебе не страшно?» «Конечно. Живым всегда страшно...»

В семьдесят седьмом году мой сын пошел в первый класс. Жили мы тогда в Семипалатинске. Помню, была суббота. Сын отправился в школу,

жена читала маленькой дочурке сказку, а я с самого утра сидел за письменным столом.

Тихо было. Редко-редко проедет за окном случайная машина.

Внезапно из подъезда донеслись чьи-то громкие голоса, шум торопливых шагов. Зазвенел дверной звонок, и на пороге появился запыхавшийся, потный сын.

– Мама, мама! Выходите! Папа! Мархаба! Давайте быстрее. Будут бомбу взрывать, всем велели выйти из дому! Быстрее!

Соседи с верхних этажей стремительно спускались по лестнице. Мы тоже принялись собираться. Я представил, как волновался мой мальчик, когда услышал это сообщение – ведь он знал, что в субботу и воскресенье, работая дома, я отключаю радио и телевизор, даже газет не читаю, чтобы получше сосредоточиться. Суббота и воскресенье – дни моего уединения. Объявили пятнадцатиминутную готовность. Он бежал из школы минут десять. Следовательно: у нас в запасе около пяти минут.

На улице, во дворе уже стояли жильцы двух наших многоэтажек. Стояли тесными кучками, тревожно глядя в небо... И вдруг задрожала земля, посыпались стекла, земля, запахло газом, и запах этот моментально распространился по двору, – очевидно, где-то прорвало трубу. Звенело битое стекло, кто-то побежал вызывать «аварийную» горгаза, казалось, что земля глухо стонет в неясной муке.

Мы, не решаясь вернуться в дом, долго ходили по большому заснеженному пустырю. Вдруг сын тревожно потянул меня за рукав.

– Папа, а что если дедушка в квартире один остался? Вдруг он ничего не знает?

– Не может быть, – успокоил я его. – У них всегда радио включено. И дома полно народу. В случае чего соседи бы их предупредили.

– И все-таки давай позвоним дедушке?

Мы прошли мимо трех разбитых «автоматов», четвертый на наше счастье оказался целым. Сын торопливо набрал номер, но в трубке слышались лишь длинные гудки.

– Их нет, они на улице, – сказал я, но сын никак не мог успокоиться.

– Давай съездим к дедушке, вдруг с ним что-нибудь случилось? Он ведь старенький, у него контузия была...

Нам повезло. Мы сразу же остановили такси, и сын нетерпеливо постукивал кулачком по коленям. Дорога от нашего микрорайона к старому городу казалась ему ужасно медленной.

Отца мы увидели сразу же, как только подъехали к его дому.

– Дедушка! дедушка! – Сын стремглав бросился к нему, и отец удивленно обернулся, услышав голос внука. Отец действительно ходил по двору вместе с другими жильцами.

– Дархан! Золотой мой! Солнышко мое! – он радостно всплеснул руками и расцеловал сына. – Солнышко! Солнышко мое!.. – приговаривал он, а я вдруг задумался. Я попытался представить себя маленьким, а отца молодым. Я вспомнил, что он в детстве редко ласкал меня, редко обнимал и целовал стопом душевно и трепетно. Что ж, времена были такие – суровые, безжалостные, мало благоприятствующие НЕЖНОСТЯМ. Вот он и сохранил нерастраченным запас любви к родному маленькому существу, и любовь эта, и эта нежность выплескиваются сейчас через край, целиком доставшись его внучатам. Хорошо ли, плохо ли это – не знаю... Не знаю, не знаю... Многого еще не знаю я в этой жизни.

– Ата! Мы звонили вам, но никто не брал трубку. Мы испугались и приехали.

– А я не догадался вам позвонить... – В глазах у отца стояли слезы, и он крепко прижал к себе Дархана.

Помню: он частенько забирал внука к себе по субботам и воскресеньям. Они путешествовали и возвращались радостные, возбужденные, уставшие. Они ездили к чабанам, родственникам или старым фронтовым друзьям отца, у него было много друзей, он любил помогать людям, и люди, помнящие добро, не забыли, что он для них сделал. Он был желанным гостем у русского рыбака, музыканта-уйгура, корейца, что разводит арбузы...

...Мы возвращались домой поздно вечером, и сын, намаевшийся за день, сладко спал в моих объятиях, бормоча время от времени: «Дедушка... зайчик... дедушка... зайчик, да?» И я понял, что это обрывок какого-то незаконченного их разговора...

Пройдет одиннадцать лет, и мы с сыном будем стоять у могилы Канта в центре бывшего Кенигсберга, на улицах которого был тяжело ранен старший сержант-десантник, мой отец. А теперь его внук, мой сын, первый год служит в пограничных войсках Прибалтийского военного округа.

Был сырой, холодный день, моросил нудный дождь. Мы стояли у могилы Канта, и сын вдруг сказал:

– Папа, а вы помните, когда я учился в первом классе, был сильный подземный взрыв?

– Это когда ты нас спасал? – улыбнулся.

– Да, я помню, как бежал из школы и все боялся опоздать. Не успею, думаю, и вы погибнете, и дом разрушится. Помню... да... Мархабу тащил вниз по лестнице, она тогда маленькая была, глаза испуганные, бормочет: «Мама, мама...»

«Почему он об этом вспомнил?» – думал я, когда мы шли мимо памятника Шиллеру, расположенного около областного драмтеатра. Памят-

ник... Он уцелел, хотя наши войска так бомбили город, что там живого места не осталось. Что ж, война есть война, у войны свои законы...

– Да, когда мы приехали к дедушке, он повел меня в гости к своему старому другу. Они вместе брали Кенингсберг и почему-то в тот день разговорились, вспомнив эти бои. Дедушка-то ведь был прекрасным рассказчиком. Он так замечательно обрисовал мне Кенингсберг, что я даже ахнул, когда сюда попал настолько точным был его рассказ. А вы знаете, ведь он полдня лежал у Кафедрального собора возле могилы Канта. Тогда-то и ранение получил, и сильную контузию. Спасибо, что вы привезли меня сюда.

Меня не на шутку взволновали слова сына.

– Я рад, что оказались вместе, – сказал я. И вспомнил, что отец при жизни много раз мечтал показать нам Кенингсберг, или Калининград, как он сейчас называется. «Увидите, какой это город, – говорил он. – Те замки, что сохранились чудом, – это действительно чудо! Люди там обосновались на века. Они умели и строить, и жить. Много у них получалось на зависть хорошо. Вот, например, коровы. Вы знаете, сколько немцы молока от одной коровы ухитрялись получать? Съездим, обязательно съездим. Увидите те места, где я кровь проливал».

Мечта его не сбылась. В пятьдесят восемь лет он скончался от обширного инфаркта.

И вот мы с его внуком, моим сыном, бродим по городу, по тем камням, где ступали кирзовые сапоги моего отца, деда моего сына.

Память трех поколений казахов слилась воедино в чужом европейском городе, расположенном так далеко от азиатских степей и гор.

Вечером четвертого августа я должен был лететь в Семипалатинск. Все дела, назначенные на четвертое, были выполнены, и в моём настольном календаре против каждого «дела» стоял жирный красный прочерк. Я машинально перекинул листок и ахнул.

5 АВГУСТА. ПЯТНИЦА.

25 лет назад (1963) в Москве представителями правительства СССР, США и Великобритании был подписан Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. К этому договору присоединилось более 100 государств.

* * *

Это был, на мой взгляд, необычный юбилей, может быть, самая крупная дата этого года, событие вселенского масштаба, напоминание о том

дне, когда человек почувствовал себя человеком, а не убийцей. Договор этот был достоин людей, и люди – договора.

5 АВГУСТА. ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ ОТЦА.

... Утром, прилетев в Семипалатинск, я первым делом ринулся к киоску «Союзпечати» и купил множество местных и центральных газет.

– В город, в центр, – сказал я таксисту и, устроившись на заднем сиденье «Волги» стал просматривать газеты, горя желанием поскорее узнать, как мир празднует дату долгожданного торжества человеческого разума.

Я внимательно просмотрел «Правду», перелистал «Комсомолку», «Известия», и у меня начали трястись руки. «Не может быть!» – подумал я, раскрывая «Труд», но и здесь даже словечка не было о двадцатипятилетию договора. Последнюю надежду я возлагал на местную «Семей тань», но и эта газета, нашпигованная материалами ТАССа – КазТАГа, молчала о договоре. Я разозлился. Неужели в этом городе нет ни мыслей своих, ни собственного голоса? Неужели мешанский апломб ещё пуще расцвёл на моей земле, тот самый апломб, в котором упрекал земляков великий Абай? Я и самого себя выругал последними словами за то, что мне тоже не пришло в голову написать об этом юбилее. Во мне что-то оборвалось. Жалкий, сомневающийся я был неприятен самому себе.

– Брат, если у вас есть время, отвезите меня на кладбище. Могилу отца хочу навестить, – попросил я таксиста. Мы остановились перед парком. Всю охапку газет, вызвавших у меня только раздражение, я отдал цветочницам. У них же купил букет темно-красных гвоздик, любимых цветов отца.

Я открыл калитку ограды, шагнул на зеленый травяной ковер. Цветы веером легли на темный гранит памятника, с высокой стелы которого на меня глядело лицо отца:

«Здравствуй, отец».

«Здравствуй, сынок, айналайын, наконец-то добрался до меня. Устраивайся поудобнее...»

«Вы приходите в мои сны, отец».

«Это тревожит тебя?»

«Нет, радует, папа. Мы с Дарханом были на могиле Канта и вспоминали вас. Почему вы молчите, отец?»

«Ты говоришь, вы вспоминали меня?»

«Да, ведь вы рассказывали Дархану о Кенингсберге тогда, одиннадцать лет назад».

«Сын мой, пусть внук знает – я любил его больше собственной жизни».

«Перед тем, как идти в армию, он приезжал поклониться вам».

«Я помню, сынок, я все помню. Мы, мертвые, помним все».

* * *

И все же мне не давала покоя мысль о том, что ни одна газета в Советском Союзе не отметила событие мирового значения. Двадцать пять лет назад люди ста стран впервые остановили ядерную гонку в атмосфере, космосе, под водой, а мы, страна, называющая себя самой гуманной в мире, молчим об этой победе? Может, мы чего-то боимся? Я ничего не мог понять, и голова моя шла кругом.

И вновь услышал я голос отца:

«Не переживай, сын. Это наша простая забывчивость. А может, сократили по случаю хозрасчета какого-нибудь координатора мировых событий? Это шутка, но ты прав, отметить такой день нужно было миром».

«Оттого и стыдно, что этого не случилось, отец! А люди доказали за эти двадцать пять лет, что можно верить друг другу. И я думаю, что мы снова должны собраться все вместе – в Неваде ли или в Семипалатинске, чтобы подписать еще один документ и окончательно запретить ядерные взрывы, на этот раз – подземные».

«Сколько ты пробудешь здесь, на родине?»

«Недолго. Завтра еду в Чингистау. Поклонюсь дорогим могилам, что остались там без присмотра. Прощай, отец!»

«До свидания, сын...»

* * *

Наутро я выехал в горы. Тридцать пять лет не был я тут, и сумрачные сизые скалы заставляли меня напрягать память в тщетных попытках восстановить ускользающие картины прошлого. Мы ехали с моим другом. Нашли могилы дедушки и бабушки, но как ни старались, так и не обнаружили то место, где покоилась маленькая Кенже.

Смеркалось, и нужно было спешить, чтобы быстрее выбраться из плена темных горных ущелий. Было далеко за полночь, когда мы спустились в долину, где у подножья Чингистау располагалась одинокая юрта чабана, и жила с мужем младшая сестра моего друга.

Нас ждали. Стол был накрыт, гудел самовар, в казане варилось мясо. За день мы устали, вымотались, и нам хотелось только одного – лечь в постель и закрыть глаза, но мы обязаны были соблюдать степные обычаи и пытались держаться, как настоящие жигиты.

Еще в дороге друг рассказал мне об ужасном несчастье, постигшем сестру и ее мужа, хорошего, простого, работающего парня. Дело в том, что их первенец, которому нынче уже около пяти лет, родился калекой, без

рук. Затем она родила еще двух детей, но они долго не прожили, погибли от лейкоза. Она родила четвертого ребенка. Он тоже урод, у него не зарастает темечко.

– Когда я думаю о ней, у меня сердце кровью обливается, – закончил друг. – После последних родов она поседела. Хотела руки на себя наложить, да, спасибо, муж спас. Он надежный парень, стойко все эти беды переносит. Люблю я его за мужскую верность, за то, что сердце у него не ожесточилось. Ты понимаешь меня?...

– Да, – сказал я. – Но, может быть, не стоит их зря беспокоить?

– Что ты, – ответил друг. – Они всегда рады гостям.

Слава богу, что он не понял истинной подоплеки моего вопроса. Стыдно, но мне не хотелось еще раз смотреть в лицо одной из многочисленных трагедий нашего народа. Слишком много горя навидался я на родных просторах. В Жамбыле мне показали жертв химизации – детей с двумя головами, тремя руками и ногами, до сих пор помню эти обезображенные нечеловеческие лица, отчаяние матерей, стыдливое молчание отцов. Я вспомнил людей Арала, которые гибнут от быстротечного рака пищевода, вспомнил беды угольной Караганды, нефтеносного Мангышлака, раковые рудники Байконура, медь и свинец Восточного Казахстана – на карте некогда свободной степи сейчас вряд ли найдешь место, где можно вдохнуть чистого воздуха, выпить чистой воды, босиком пройти по родной земле, не опасаясь облучиться, отравиться, заразиться.

Наш замечательный демограф показал мне статью, где была приведена численность казахского населения в 1913, в 1932, 1938, 1946 годах: миллион погиб на войне, были убиты, расстреляны, сгинули от голода и разрухи. Но какой статистик подсчитает ущерб от атомных испытаний, от того промышленного производства, который чиновники вершат над нашей землей? А постоянное исчезновение, обеднение казахского языка? Вот еще одна из сонм трагедий, о которых до сих пор помалкивают краснобаи и кампанейщики...

– Ага, мы же медленно умираем, – сказала сестра моего друга, когда сидели за дастарханом. – Нам тут велят помалкивать о том, как испытывают бомбы под землей. А ведь все это – под нашими ногами! Куда я только ни писала, но мне так никто и не ответил. Я знаю, американские женщины в штате Невада блокируют испытания, устраивают сидячие забастовки. Они и нас просят поддержать их движение мирными демонстрациями возле семипалатинских полигонов, да разве нам кто-нибудь позволит это? Я готова умереть, я пыталась умереть, но на кого оставляю этих несчастных детей? Разве они перед кем-то виноваты? – Она не выдержала, задохнувшись от наплыва слов, тихо заплакала. Муж

успокаивающее положил руку на ее исхудавшее, острое плечо. Безрукий мальчик отрешенно смотрел на нас. Он потянулся к матери, и она моментально успокоилась, поняв, что он голоден. Она положила ему в рот кусочек мяса, напоила его бульоном.

Неожиданно заплакал в подвесной люльке ребенок. Пятилетний безрукий мальчик быстро слез с табуретки и принялся плечом раскачивать люльку.

– Его плач означает, что скоро там опять начнут взрывать проклятую бомбу. Она как будто ждет, когда мы заснем. Но он всегда предчувствует взрыв. Слышите, как заходится?

Мальчик кричал все громче и громче.

– Айша, накорми его, может он голодный? – тихо сказал чабан и обратился к нам: Кушайте, вы что-то совсем не едите...

У него была мягкая извиняющая улыбка, у него было обветренное мужественное лицо. Айша вынула сына из люльки и взяла на руки.

Я вышел из дома. Под ногами у меня путался лохматый пес, добродушно лаявший куда-то в сторону. Что делается с нами? Куда, в какую пропасть мы катимся? Зачем собственными руками приближаем конец света?

И тут задрожала земля, послышался приглушенный грохот. Малыш был прав. Это опять началось. Малыш был прав.

У коновязи стоял конь. Стоял не шелохнувшись, точно ничего особенного не происходит в мире. Но когда я подошел к нему, погладил по крупу, по спине, обнял его за шею, то почувствовал, как дрожит его туловище, туловище ко всему привыкшей рабочей скотины. Конь благодарно положил голову ко мне на плечо, конь дышал мне в ухо и, казалось, шептал одному ему известные сокровенные слова.

В горах завыл одинокий волк.

Несколько собак с лаем бросились в горы.

На небе не было ни звезд, ни луны. Тяжелые тучи, сковавшие предгорье, увеличили ощущение плотной душной темноты.

Ни зги. Ничего не видно.

* * *

До самого утра не смог я сомкнуть глаз. А в доме спали. Заснули хозяйка, мой друг, успокоился малыш, рядом с люлькой которого мне постелили.

Воспоминания, думы – они, как дикие кони, могли растоптать меня, зло и яростно бормотал я в этой убийственной тишине:

– Нет, не лежать мне спокойно в могиле, когда я умру. Когда я умру, пусть пепел мой развеют по степи и родному Чингистау. Это последняя и единственная просьба моя к близким. Не лежать, не лежать, если горе и страдания не оставят наш народ!

Широко раскрытыми глазами смотрел я в темноту, ощущая себя тем горячим пеплом, который разносится ветром по родной земле. Пепел – это то, что осталось от тела, а куда устремилась душа моя? Куда она летит?.. Встретила ли она во Вселенной душу маленькой девочки Кенже? Сольются ли наши души, скажите отец?

Рассвело. Стояла предутренняя тревожная тишина. В далеких отрогах гранитной горы Дегелен появилась легкая дымчатая туча. Ветер гнал ее куда-то на восток.

Это от взрыва. Мне рассказывали. Гора разваливается, скоро от нее останется одна труха, так говорили мне...

«Здравствуй, сын! – сказал отец. Он неожиданно возник подле меня и теперь торопливо исчезал, испарялся в степи. – Сын мой, ты можешь и должен пройти по родной земле босиком. Ведь это – твоя земля, земля твоих предков...».

«Так верните же мне родину! – закричал я. – Я, хочу, как велел отец, пройти босиком по зеленой траве, хочу испить воды из наших озер, я хочу лежать на чистой доброй земле и глядеть в чистое доброе небо. Родина, ты слышишь меня?..»

Но Родина молчала. А я, сорокадвухлетний мужчина, стоял посреди степи и выл, как последний волк Чингистау перед смертью.

И снова дрожала земля.

5-8 августа 1988 г.

Семипалатинск.

Литература:

Р.Сейсенбаев. Тоска по отцу, или, День, когда рухнул мир //Рассказы. Перевод с казахского автора. – А.-А.: Жазушы, 1990.

Мұхтар Мағауин

(1940 ж.т.)

М.Мағауин – казак әдебиетінің зерттеуші әрі сыншы ретінде танылған ғалым. Мағауин прозаға да белсене атсалысып келе жатқан авторлардың бірі.

Оның «Бір атаның балалары» атты повесі Қазақстандағы халықтар достастығын суреттеуге арналған. Отан соғысы кезінде панасыз, жетім қалған балаларды, сәбилерді бауырына басып, тәрбиелеп, отанымыздың адал азаматы етіп өсірген абзал адамдардың образын жасайды.

Мухтар Мағауин – известный в казахской литературе исследователь и литературный критик. Известен Мағауин и как прозаик.

Повесть «Дети одного отца» отражает судьбу бездомных детей военных лет в Казахстане. Писателем рассказывается, как казахи усыновили, воспитали, привили любовь к родной земле обездоленным детям разной национальности из детдома.

БІР АТАНЫҢ БАЛАЛАРЫ

Он сегізден тірі қалған үшеу туралы орыс әні көпке мәлім.

Тарихын естіген жұрттың бәрі көзіне жас алады.

*Мен бар баласынан соғыста айрылған кемпір-шалдың
үйінен 1942 жылы көктемде түсірілген сурет көрдім.*

Әскерге жаңа алынған ауыл жастары.

Қасап қырғыннан алпыс жетінің үшеуі ғана аман қалыпты...

Мен оларды көргем жоқ, олармен бірге жүргем жоқ.

Олар туралы жаза алмаймын.

*Бірақ мен сол қыршын ерлерді панасыз қалған кәрі
ата-аналарын білем, жетім қалған жас балаларын
білем. Туып үлгермеген нәрестелерінің қазір неше
жасқа келетінін, қандай азамат болатынын білем...*

*Осы шағын дүниенің фашизм құрбандарының туып
жетім қалған, тұмай тұл болған сәбилерінің рухына
арнаймын. Өлгендеріне тастаған бір уыс топырағым,
тірілерінің жанын жұбатар бір шумақ жырым.*

Автор

Бастау

– Ал ағайын, тегіс жиналсаң, сөзіме құлақ сал, – деді басқарма. – Өздерің білесіңдер, мен жұмысшы әкелем деп кеттім. Ақыры былай болды. Үкімет біздің ауданның тоғыз қалқозына елу төрт бала жіберген екен. Жер аяғы шалғай, мен барғанша ересектерін бөлісіп әкетіпті. Соның өзі жақсы болды. Жетісіп отырған ешкім жоқ, түгел кем- кетікпіз. Төрт-

бес жұмысшы қосылғаннан азаматтың орны толмас деп, ең ұсағынан таңдап алдым.

Жұрт дабырлап кетті. Басқарма мен есепші екеуі шүпірлеген бір арба бала әкелді дегенді мана, жұмысшы басында естіген. Рас боп шықты.

– Сабыр, ағайын, сабыр, – деді басқарма қолын көтеріп. – Менің әкелгенім алты-ақ бала. Бәріңе жетпейді. Және, қазір баурыма салдым деп алып, ертең өгейсітіп жүрсек тағы қазақшылыққа жатпайды. Мүмкін, үкімет әлі де жіберер, сонда қалғанына тиеді. Әзір қолда барын құдай жолымен бөлем. Ай, бәйбіше, – деді содан соң дауыстап. – Тамағын ішіп болса балаларды алып шық.

– Қазір, ақсақал, – деген дауыс естілді киіз үй ішінен.

– Ал, былайырақ тұрындар, балаларға орын беріндер, – деді басқарма.

Жұрт жапырыла шегініп, есік алдын қоралай тұрды. Орталарын ашқанмен, кимелесіп, мүмкіндігінше алға шығуға тырысады. Бірі қызық көрмек, бірі үміт жетегінде.

Ақыры басқарма әйелінің ақ шаршысы көрінеді. Бірақ сыртқа шықпай, көтерме киіз есікті жамылған күйі бөгеле берді.

– Жүріңдер, айналайындар, бері жүріңдер.

Аппақ қаздың баурынан тұрған сары үрпек балапандай, сап-сары шашты сап-сары бала көрінді. Жұрттың дабыры пышақ кескендей тиылды. Арттынша бірінің соңынан бірі тізіліп, қара шашты, қоңыр шашты, жирен шашты балалар өрлеп шыға бастады. Күнге көздері шағылысты ма, әлде жадау киінген жат топтан именді ме, бәрі есік алдында ұйлығып қалды.

– Өй, қалқабастар, қорықпандар, бері жүріңдер, – деді басқарма. Қолынан бір-бірлеп жетектеп әкеп, киіз үйдің күнес жақ қабырғасына қатарлап тұрғызды.

Жаңа сілтідей тына қалған жұрт балалардың ішінде қоңырқай өңді, қара көзділері барын аңдаған соң қайтадан күбір-күбір сөйлесіп, гуілдеп кеткен.

– Ал Дәуренбек, – деді басқарма, екі қолын кеудесіне айқастырып, алдыңғы қатарда сіресіп тұрған қара галифе шалбар, әскери гимнастеркалы жігітке қарап. – Дүкіметінді оқы, балалардың мән-жайын айт.

Дәуренбек солдат етігімен сарт-сұрт басып, екі-үш қадам алға шықты да, бас бармағы мен жарты шынашағы ғана бар сол қолымен қармалап, төс қалтасынан төрт бүктелген бір жапырақ қағаз алды. Бес саусағы да бүтін оң қолымен қармалап, төс қалтасынан төрт бүктелген бір жапырақ қағаз алды. Бес саусағы да бүтін оң қолымен қағаздың бүктемесін жазып, ернін жыбырлатып, ішінен оқып аз бөгелді. Содан соң молақ қолының

кеміс шынашағымен балаларды санап шықты. Қағазына тағы бір қарады да балаларды орнын алмастырып, қайта тұрғызды. Тамағын кенеп екі-үш мәрте жөткірініп алып, қағазды мұқият бүктеді де қайтадан қалтасына салды.

– Басекең дұрыс айтады, баланың саны алтау, – деді содан соң. – Смирна тұрып, внимательна тыңдаңдар. Мен ретімен таныстырып шығайын. Тылдағы еңбекшілерге көмекке жіберілген жолдастар төмендегінше. Стройдың басында тұрған екеу – қазақ балалары, үлкені сегізде, кішісі алтыда, мынауы Нартай, анаусы Ертай, екеуі ағайынды. Бұлардан соңғы – татар баласы, аты Рәшит, жетіде. Көзі сығырайған жалпақ бет, тақырбас кара бала, – қалмақ, я дүңған, жасы алтыда. Қасындағысының аты – Яков, тоғызда, қолағаштай мұрнына қарағанда жойыт тәрізді, бірақ документте орыс деп жазылған; қайдан кеп, қайдан тұрғаны белгісіз, әрі мылқау. Ең соңындағы – жаңа алдымен шыққан қасқа, жетіде. Сіздерден жасыратын не бар, тегі жаман, неміс. Бұл баланың орны детдом емес еді, әке-шешеден бірдей айрылып, панасыз қалған соң алынған соң алынған екен. Үкіметтің кеңшілігі көп. Енді осы араға келіп тұрған жайы бар.

– Сонда қалай? – деді біреу.

– Не қалай?...

– Мына бала...

– Қай бала?

– Мына балалар... не... алған адам... алам деген адам... нетіп...

– Мен бәрін де айттым, – деді Дәуренбек. – Тағы қандай сұрақ бар?

Ешқандай сұрақ болмады.

– Түсінікті, – деді Дәуренбек. – Мен болдым. Басеке, сөз өзіңіздікі.

– Сөз дейтін не сөз бар... Осы ауылдан соғысқа сайдың тасындай қырық үш азамат кетіп еді. Өзірге оралғаны екеу-ақ. Дәуренбек қолдан, Берден аяқтан айырылып қайтты. Жиырма төртіне қара қағаз алдық. Хабарсызы қаншама. Тегіс жетімбіз. Жетім болмасақ, әліпті таяқ деп білмейтін Тоқажан қалқоз басқара ма. Жетім болмасақ, жетпіске келген Ахмет күндіз мал қарап, түнде күшкөлік баға ма. Әйтеуір артының қайырын берсін... – Көзі жасаурап сәл бөгелді де қайта жалғастырды. – Сөз дейтін не сөз бар, біз баладан айырылсақ, мына алдарыңда тұрған – атадан айырылған жетімдер. Екі жарты-бір бүтін... – Даусы жарықшақтанып, мұрты селтеңдеп, бұдан әрі сөйлей алмады.

– Тоқа! – деді сол аяғына көнетоз саптама етік, оң аяғына былғары тысты жаңа протез киген сырма күртелі қарамұрт. Бұл – бригадир Берден еді. – Тоқа, осы тұрған жұрттың көбі бала алғысы келеді. Мен де,

ана Ақаң да, мына Тілеубай да. Өзіңіз де құр қалмассыз. Тегіс сәби жасындағы кішкентай балалар көрінеді. Шыққан жерін ұмытып, ертең-ақ ет-бауырымыз боп кетеді. Өз қолыңызбен үлестіріп беріңіз.

– Ләббай, – деді қайтадан қатайып алған басқарма, – мен бөлмеймін, өздерің таңдаңдар. Тек ретін айтайын. Реніш өкпе болмасын. Ақа! Жол сіздікі.

Тысы тозған сеңсең тымағын құлағын қайырып бір жақ шекесіне қисайта киіп, жұрттың бәрінің басынан аса қарап, ат үстінде тұрған Ахмет шал қарына қыстырған құрығын лақтырып тастап, жерге ырғып түсті. Қимылы ширақ.

– Таңдаған балаңызды алыңыз.

Ахмет ысырыла жол берген жұртты киіп-жарып балалардың алдына барды да қалт бөгелді. Қайсысын алсам екен деп ойлағандай. Жетімдерді жағалай шолып шықты да, ең баста тұрған ағайынды қазақ балаларының қасына келді. Екеуі біріне-бірі тығыла құшақтасып тұрған. Қолдарынан тартып еді, айрылмады. Ахаң тізесін бүгіп, екеуін бірдей баурына басты. Кезек-кезек маңдайларынан сүйді. Содан соң орнынан көтеріліп балаларды жағалай бастарынан сипап өтті де, ең шетте тұрған неміс баласының қолынан ұстады.

– Мен осы мықтының өзін қаладым.

Жұрт ду ете түсті.

– Еркіңіз білсін, – деді басқарма.

– Баланың аты кім ? – деді Ахаң Дәуренбекке қарап.

– «Жауды аяған жаралы» дегенді білмеуші ме едіңіз, – деді Дәуренбек ызбармен.

– Әй, не шатып тұрсың, мен сенен ақыл сұрадым ба! – деді Ахаң да морт кетіп.

– Сақалыңыздың ағында жаңсақ іске аяқ бастыңыз, – деді Дәуренбек. Ақсақалға емес, әлдеқайда, алыстағы егінжайға қарайды.

– Құйысқанға қыстырылмай, қой, шырағым, – деді Ахмет. – Өкең атшабар Бәкібайды да көргем, ол да маған қоқандай алмаған. – Екі бүктеп, білеулей ұстаған камшысының сабымен тымағын түзеп киді. – Еміске сен үш саусағыңды берсең, мен үш ұлымды бергем. Мына жұртты бөгемей баламның атын айт.

– Зигфрид Вольфганг Вагнер. Қарық болдыңыз, – деді Дәуренбек мырс етіп.

– Зекпри Болыпкен... Қалай, қалай?...

– Зигфрид Вольфганг Вагнер.

– Е, жөн-ақ, – деді Ахмет ақсақал. – Келісті, жақсы ат екен. Айналайын, жүр, үйге кеттік. Апаң күтіп отыр. Жұрттың сөзін ұрғаның бар ма, жүр үйге.

Қызыққа жиылған балалардың ересектеу біреуі шылбырынан ұстап тұрған атына барды да, Зигфридті аяғын тарбита көтеріп алып ерге отырғызды. Еңкейіп, жерден құрығын алып, сол жақ қырына қыстырды. Үзеңгіге аяғы тиер тиместен лып етіп өзі де ат үстіне қона кетті. Күміс қасты қазақы ер кең екен де сыйды: алдында-жалбыраған ұзын сары шашты көккөз сары бала, артында-ширатылған ұзын бозғыл мұрт, шоқша сақалды, өңі жел мен күнге тотыққан ақсұр шал.

Иесінің жүріс маршруттарын жатқа білетін жиренқасқа ат оңға, колхоздың соқаға, тырмаға жегер, егін шабуға, қырман айдауға пайдаланар күшкөлігі жайылып жүрген қыр жаққа қарай беттемек еді, шал тізгінді тартып, солға қарай бұрды да, қатты тебініп қап, бұрын өзінде жоқ, тіпті, қазақта болмаған әдетпен ауылды қақ жарып шаба жөнеді. Абалай қосылған иттерден арылып, шетке шыққан соң ғана аяңға көшті. Оңашарақ тігілгені болмаса, Ахметтің өз үйі де осы ауылдың шегінде еді. Төбесі көрініп тұрған.

– Ұзағынан сүйіндірсін, – деді үйіне жетіп, атынан түскенге дейін Ахметтің артынан қарап тұрған Тоқажан. – Шоғырлы жердің шоқысы болған аруақты атадан қалған қара шаңырақ еді. Ал, жұмысқа шығу керек, тездетейік, – деді содан соң. – Бәке, Ахаңнан соңғы жол да, жөн де сіздікі.

– Рахмет, Тоқажан шырағым, – деді Бәкең аталған кішкентай қара шал таяғының ұшын шошаң еткізіп. Тілеп алған жалғызды маңдайыма сыйғызбаған құдай басқаның зәузатынан опа бермес. Рахмет пейіліңе. Көр аузына тақап отырмыз, бір рет ата-анасынан айрылып аңғарған баланы екінші қайтара жетім қалдырып күнә арқалағым келмейді.

Осыдан соң жұрттың көңілі басылып қалды. Абыр-дұбырсыз, у-шусыз келісті. Басқарманың өзі әдеппен кезек күткен соң ешкім кеуделемеді. Бала алғандар да, құр қалғандар да риза болысты. Тек бөлінер кезде ағайынды Нартай мен Ертайдың шырылдап жылап, айрылмай қойғаны ғана жанға батты. Ертерек ойламаған екем, өкпе, аразға қарамайтын ем деп басқарма өкінді. Әйелдер көзіне жас алып, еркектер үнсіз тұнжырап, үйді-үйлеріне тараспай көп тұрды. Бірақ Ертайды алған бригадир Берден де, Нартайды алған орақшы Тілеубай да баладан айрылғысы келмеді. Қатты-қатты сөздерге барып, төбелесерменге тақады. Ақыры үлкендер басу айтып қойғызды. Балаларыңның бауы берік болсын, бүгін жылайды, ертең қояды, бәрін ұмытады десті. Сол сөзді медеу қып қалғаны да тарқасты.

Бірінші тармақ

Зигфрид Ахметұлы

Ертеңіне Ахмет көрші ауылдан Жақан моланы шақыртып, неміс баласының тілін кәлимаға келтіріпті деген сөз тарады. Молда сыйға лақ сұраған екен, Ахаң шарт етіп ашуланып, ішіп отырған шайының да аяғын күтпестен, үйден қуып шығыпты. Хазіреті Ғали мың сан кәпірді дінге кіргізгенде кімнен лақ алып еді, азған атаңның аузы деп боқтап, алды-артына қаратпай атына мінгізіпті де, ауылдың шетінен асырып, айдап тастапты. Араға күн салмай кеңсе басына барып, көптен бері сыртқа шығудан қалған Сейітбек қожаны алып кеп, баласын сүндетке отырғызған көрінеді. Жұрт тағы бір сойқанды күтіп еді, ондай шетін хабар естілмеді. Қайта керісінше, Ахаңның үйіне қатысты бар әйелдер қожа қозылы қой алып кетіпті десті.

Кешіне Ахаң бүкіл ауылды баласының асықжілік ұстар тойына шақырды. Көптен қызылсырап жүрген жұрт үлкен кіші, кәрі-жас демей, тайлы таяғы қалмай тегіс жиналды. Ахаң жалғыз сегін сойған екен, бас-сирақ, шек-қарнына дейін асыпты. Молынан жетті. Сезім ет пен нәрлі сорпаға лықа тойған жұрт шай келгенде дастарқанға төгілген ірімшік, құртқа қарай алмады. Тек шөлдерін басу үшін бір-бір шыны ақсу ішісті.

Астан соң бригадир Берден ертең жұмыс барын еске салып еді, басқарма тоқтау айтты. Жамиғат той көрмегелі екі-үш жыл болды, отырып, көңілдерін көтерсін деген.

Әйелдер жағы қосылып өлең айтты. «Бір баладан» басталған ән әуені көп ұзамай мұңға ауысты. «...Қай жерімнен келеді ойын, күлкі – Жеті арал жерім-ай, – Сауықшыл елім-ай...» Осыдан соң-ақ кім шығарғаны, қайдан тарағаны белгісіз, сөзі де қораш, әуені де олақ, бірақ жұттың дәл қазіргі көңіл күйіне сәйкес жаңа әндер айтыла бастады.

Еркектер жағы шыдай алмай сыртқа шығысты. Не істерлерін білмей, ананы-мынаны әңгімелеп, күңкілдесіп тұр. Көзге түртсе көргісіз қараңғы түн. Биікте сансыз жұлдыздар жымыңдайды. Бұдан бес, он, жиырма жыл бұрынғыдай. Жас. Қайғы-мұңсыз.

Іште әйелдер жамырай сұңқылдайды. «Ахау айдай ақыным – Армияда жақыным, – Қолдан келер қайран жоқ, –Алла білсін ақырын...» Ән емес, дауыс айтып жатқандай.

– Ау, не тұрыс, күреспейміңдер, – деді Тоқажан.

Белсенуші болмады. Өңшең кәрі- құртаң. Ақыры бірін итеріп, бірін сүйреп, қаумалап, ортаға екі шалды шығарды. Әуелде амалсыздан жай ғана ұстасып жүр еді, көтермелеген айғаймен қыза-қыза шын күресіп

кетті. Бірі іштен шалып тастағысы келеді, бірі жамбасқа салмақ болды, айткенмен ештеңе өнбеді, ырсылдап, күрсілдеп, ұзақ жүрді, ақыры екеуі де шаршап, тұрған орындарында құлай кетісті. Қалғандары қарқылдап күліп, дабырласып барып тоқтады. Сол кезде ғана аңдады, үйдегі әйелдер әлі зар айтып жатыр екен. Дауыстары манағыдай жамырап шықпайды. Бәрінің қайғысы, бәрінің тілегі бір арнаға құйылған.

– Балаларды күрестірейік, – деді біреу.

Балалар әйелдердің әнінде де, шалдардың күресінде де шаруасы жоқ, үй сыртында асыр сап жүрген. Үлкендердің кейбірі солай қарай ойысып еді.

– Көкпар тартайық, – деді әлдекім. Орақшы Тілеубай екен.

– Ойбай, жетіқараңғы түнде...

– Жер жағдайы белгілі ғой, бірақ серке қайда, – деді екінші біреу.

– Ақа, сектің терісін әкеліңіз, – деді Тілеубай.

«Бүгін тартылмаған көкпар сірәда тартылмайды» деп ешкімге ырық бермеді. Белдеуде қаңтарулы тұрған аттардың біріне мінде де, жас теріні тақымына басып алып, қырға қарай қиқулап, тасыр-тұсыр шаба жөнелді.

– Қап, мына жүгірмектің істегені-ай... Бұл – бригадир Берден еді. Өзі өлсе ештеңе етпес, атты жазым қылатын болды-ау. Қайт-ей, қайт кейін! – деді айғайлап.

Тілеубай әудем жердегі белеске шыға бере көлденеңдеп тұра қалды. Жұлдызды аспанның аясында сұлбасы ғана қарауытады.

– Қайтпаймын-ау! – деді ол да айғайлап, – бәріңді жерге қаратып осы бетімде ауылға тартам. Тез енді. Ұзатып аласыңдар!

– Шыдап қорлығына, – деді Берден, – Астына мінгені қай ат?

– Көкдомбақ.

– Құртқан екен ғой. Оған бұл арада Ахаңның жирен қасқасынан басқа ат жетпейді. Әкел бермен, қарасын үзбей тұрғанда.

Біреу белдеуден жиренқасқаны шешіп әкелді.

– Тез мінгізіп жіберіңдер.

Екі-үш адам сүйемелдеп, атқа мінгізісті. Бұл кезде Тілеубай да жөнеле берген еді.

– Не екі аяқты бірдей ағаш қылам, не көкпарды алып қайтам, – деді Берден. – Айт шүү, жануар.

Келесі сәтте қырқадан асып жоғалды.

Кенет жұрт жау шапқандай абыр-сабыр болды да қалды. Бірі белдеуде тұрған аттарға, бірі ертемен жұмысқа жегілмек, қазір таяу маңда жусап жатуға тиіс жылқыға қарай жүгірді.

Кейде өр жақтан, кейде ой жақтан шыққан топырлаған тұяқ даусы, қиқулаған үзік-үзік айғай түннің бір уағына дейін басылмады.

Жылы қымтаулы төсекте жатқан, ет желініп бітпей-ақ ұйқыға кеткен Зигфрид Вагнер ертеңіне таңертең Зекен Ахметұлы Бегімбетов болып оянды.

– Еміс деп, орыс, қазақ деп бөлу пайғамбарға шет, құдайға күнә, – деді Ахаң, әр үйде өткен той ырымы тарқап, әбігер басылған соң, бірде қырманда, жаңа ғана құйып өткен соқыр жауыннан кейінгі рахат тыныс үстінде отырған жұртқа. – Жарықтық үлкен әкем айтушы еді, бұрынғы жайсаңдардан қалған сөз деп... – Қонышынан күміспен өрнектелген мүйіз шақшасын алып, алақанын толтыра насыбай атты. Мұртын ширатып, сакалын салалап, сәл бөгелді. – Алдымен тиянақсыз көк аспан, содан соң тұрлаусыз қара жер жаратылды. Аспандағы ауа қойылып бұлтқа айналды, бұлттан жауған нөсермен иіген жерге жасыл шөп, гүл-бәйшешек, саялы дарақ, мәуелі жеміс шықты. Отты, сулы далада, қалың жынысты орман ішінде неше түрлі жан-жануар, хайуанат өсіп-өнді. Ең ақырында солардың бәріне иелік ету үшін адамзат келді дүниеге. Тағыны тізгіндеді, асауды бұғалықтады, құла дүзді қан жайлау, меніреууді елді мекен етті. Ол кезде ру аласы, ел таласы болған жоқ. Жұрт тегіс шат-шадыман тұрмыс кешті. Үйткені жер бетін қоныстанған алғашқы адамдардың барлығы бір атаның баласы еді.

– Мұныңыз былай...зиянды пікір, – деді жұрт ішіндегі көзі ашығы Дәуренбек. – Бәріміз маймылдан шыққанбыз.

– Қой шырағым, мұның бос сөз, – деді Ахмет. – Жарықтық үлкен әкем тағы бір сөзінде айтушы еді, арғы атамыз көк бөрі екен деп. Бірақ құраннан ұшырата алмадым. Жер бетіндегі барлық жұрт Адам-Ата мен Хауа-Анадан таралған дейді.Естуімше, тіпті, орыстың молдалары да мұны теріске шығармайтын көрінеді. Адам-Атадан Әбіл мен Қабыл туады. Қабыл...

– Мұның бәрі діннің сандырағы, – деді Дәуренбек шорт кесіп. – Ғылымның айтуынша, біздің атамыз маймыл. Және кім деп атасаңыз да бір маймыл емес. Көп маймыл.

Қарттың мінезін білетін жұрт бір шатақтың шығуын күтті. Алайда ешқандай шатақ шықпады.

– Әркім өз атасын айтады, – деді Ахаң кеңкілдеп күліп. Тілінің ұшымен төменгі ерніндегі насыбайын оңдады да, мойнын бұра бере шырт түкірді.

Жұрттың бәрі күлген.

– Ғылымнан хабарыңыз жоқ, сөйте тұра дауласасыз, – деді боп-боз боп кеткен Дәуренбек.

Есепшінің қаһарынан хабардар халық тына қалды.

– Рас, орыстың ғылымынан құр қалдық, – деді Ахаң салмақпен. –

Мүмкін, сен айтқандай, маймылдан тараған шығармыз. Мүмкін, құранда айтылғандай, бәріміз де Адам- Атаның ұрпағы болармыз. Менің тоқсан жетіге келіп өлген бабам айтқандай, қазақтың атасы көк бөрі, басқа жұрттардың атасы басқадай әртүрлі жануарлар болуы да ғажап емес. Көріп келген ешкім жоқ, бәрі долбар. Бірақ жаңағы сенің ғылымыңның өзі қазақтан орыс кем, орыстан еміс жаман деп айтпайтын шығар. Сыртқы түр – перде. Ішін айт. Жүрегі қалай соғады, бүйрегі кімге бұрады- соған қара. Ойын айт, пиғылын айт.

– Ұлы орыс халқының мақалы бар, – деді Дәуренбек. –Қасқырдың күшігі қанша асырасаң да орманға қарап ұлиды екен.

– Менің баламды тұспалдағаның ғой, – деді Ахаң. – Өлі көрерміз, қалай қарап ұлырын, кімді бөксере қабыр. – Насыбайшы жұртты тегіс аралап келген көкала шақшасын қайтадан қонышына тықты. – Ақыр бос отырсаңдар, қырман сорғанша мен сендерге бір әңгіме айтып берейін. Менің сегізінші атам Айбас, естулерің бар шығар, ту көтеріп, қол бастаған аруақты батыр болған. Жасақ жинап, жауға көп аттаныпты. Құба қалмақпен соғыс кезі екен дейді, бірде соңынан ерген қолы ойсырап қайтыпты. Ол заманда ер арманы - жаудан өлу, жігіт шәйіт болса арулайды, азалайды, бірақ бос жылап-сықтай бермейді екен. Өлімнің орны бөлек қой, тек жаугершілік кезде қаза- үйреншікті нәрсе болса керек. Әйткенмен де біреудің, кім екенін айтпаймын, бәлкі батырдың жамағайын ағасы шығар, бәлкі, алыс та болса ел сыйлайтын ақсақал шығар, әйтеуір бір сыйлы кісінің бес ұлы бірдей садаққа ұшқаны жұрттың жанына қатты батыпты. «Әй, Айбас, – деген екен сабазың көңіл айта келген батырға. – Бес ұл қатарынан жаудан өлсе-шәйіт, ата-бабасының аруағы риза, мен бұған жыламаймын. Бүгін түгел көкөрім еді, ешқайсысы артына тұяқ тастап үлгермеді, мына мен қубас қалдым өлсем шаңырағым құлайды, соған ғана жылаймын, осыны ойладың ба?» – депті. «Ойладым», – деген екен батыр. «Ойласаң, бабаңның салты сол, тез аттан, өлсең артыңда ұлың бар», – деген екен қартың. Батыр селдіреген жасағын тас түйін етіп, қайтадан атқа қонып, әлденеше күн жорықтан соң, қазақты жеңдік деп қамсыз жатқан жауға қайта тиіпті дейді. Басып, жаншып, бостыра қуып, Алтайдың сыртына ысырып тастапты. Малға, дүние-мүлікке көз салмаса керек. Бойы арбаның күпшегінен аспаған кішкене балаларды ғана олжалапты. Елге әкелген соң қалай үлескенін кім білсін, жаңағы бесеудің орнына келген бес ұлдың ұрпағы осы қалқозданудың алдында неше ауыл боп, шалқып, толқып отырғанын өз көзіммен көрдім... – Ахаң қамшысының сабына сүйеніп, орнынан тұрды.

– Қайда? Қазір қай колхозда? – десті отырғандар жамырасып.

– Біздің колхозда, – деді Ахаң мырс етіп.

– Кім ? – деді бірі.

– Ақсақал қалжындайды, – деді екіншісі.

– Сол жолы қаза тапқан ерлердің үйлеріне келген балалардың біразының ұрпағы қазір осы арада отыр, – деді Ахаң атына мініп жатып. – Мал егінге түссе біргәдір төбемді ояр. Кеттім. – Атын тебіне бере артына бұрылды. – Бірінің бетіне бірің жақсылап қараңдар. Мүмкін табарсыңдар. – Ахаң басынан тымағын алып, сілкіп қайта киді де, қарқ-қарқ күліп, егінжайға қарай шоқыта жөнелді.

Астына сабан төсеп, малдас құрған, жалдап үйілген бидайға шынтақтай қисайған, жай ғана жүресінен отырған әйел-еркек, кәрі-жас үдірейісіп бір-біріне қарасты. Өркім қасындағы, қарсысындағы, маңындағы кісінің бойынан бөтен кейіп, өзгеше сыпат табуға тырысты. Сәлден соң бәрінің де шүбасы қалмады: бұл отырғандардың ішінде қазақ емес ешкім жоқ екен.

– Ақсақал бізді қатырып кетті, – деді әлдекім ақырында.

Бірі қиқылдап-шиқылдап, бірі ысылдап, бірі қарқылдап, тегіс күлді. Жамырап ұзақ күлді. Дәуренбектің:

– Жетеді енді, аз отырған жоқсыңдар, – деген ашулы үні шыққанда әрең басылды.

Сыпырғышын сүйретіп, күрегін иығына сап, әркім өзінің жұмыс орнына қарай аяңдады. Күлкісін тия алмай, бірталайының иығы әлі бүлкілдеп бара жатты.

Әдебиет:

Мағауин М. Бір атаның балалары. – Алматы: Жазушы, 1980.

М.Мағауин
(род.в 1940 г.)

Дети одного отца *Главы из повести*

Среди песен о войне, сложенных в недавнее время, мне особенно запомнилась одна, с припевом: «Нас оставалось только трое из восемнадцати ребят».

У всех, кто её слушал, будь-то мои сверстники или люди постарше, на глаза накатывали слезы. Я сам это видел. И каждый раз вспоминал фотографию, снятую весной 1942 года. На ней были парни одного аула, только что призванные в армию. Их – я подсчитал – было шестьдесят семь. А в аул воротилось трое, как в той песне...

Тех из них, кто погиб, я никогда не видел и не могу о них писать. Но я знал безутешных отцов и матерей героев, знал их малых детей, оставшихся сиротами.

Знаю, сколько лет было бы сейчас тем, кто не успел от них народиться...

Эту небольшую повесть мне хочется посвятить детям, которых осиротила война, и памяти погибших в битве с фашизмом, особенно тех, кто навечно сомкнул глаза, так и не сделавшись отцом. Пусть она станет горстью земли, брошенной на могилу павших, и песнью, которая, может быть, утешит живых.

Автор

Истоки

– Ну вот, уважаемые, теперь все в сборе... Слушайте и решайте, – сказал баскарма. – Сами знаете, когда я уезжал, то думал, что вернусь и привезу вам помощников. А получилось все по-другому.. В наш Булгыртауский район направили ребят из детских домов, пятьдесят четыре человека. Дорога дальняя, пока я до райцентра добрался, тех, что постарше, колхозы разобрали. Хотя бы и по четырнадцать, по пятнадцать лет, а все рабочие руки... Что было делать? Посмотрел я на оставшихся сирот, подумал... И взял самых маленьких.

Люди зашумели. Ещё до того, как собраться, прошел слух, что председатель колхоза вдвоем со счетоводом привезли полную подводу ребятисек – мал мала меньше. Так оно, значит, и есть.

– Тише, уважаемые, – сказал баскарма, поднимая руку. – Не шумите. Привезли мы только шестерых. Все равно на всех не хватит. К тому же, как бы не случилось такого, что кто нынче пригреет, завтра слезы лить заставит... Это не по нашим казахским обычаям. Может, в район ещё детей направят, тогда и спорить не придется. А пока давайте решать по справедливости. Эй, байбише, – крикнул он, – выведи ребят, если они поели.

– Сейчас, аксакал, – послышалось из юрты.

– А ну, отступите немного, дайте место, – сказал баскарма.

Перед входом в юрту расчистился полукруг. Он то увеличивался стараниями баскармы, то уменьшался: каждому хотелось быть впереди, люди теснились, подталкивая друг друга. И трудно было понять, кто на что-то надеется, а кем владеет простое любопытство.

Наконец в дверях мелькнул белый платок жены председателя. Но она ещё немного замешкалась, хотя войлочный полог был уже откинут.

– Идемте, милые, идемте...

Точно желтый взъерошенный цыпленок из-под белого крыла наседки выглянул из юрты мальчуган, худенький, с тонкой шеей и соломенными волосами. Гомон сразу стих – как ножом срезало. Следом за мальчуганом стали выходить один за другим остальные малыши – кто рыжий, кто черненький, у кого каштановый вихорок на макушке. Не то яркое солнце их ослепило, не то заробели они перед примолкшей пестро и бедно одетой толпой, но дети сгрудились у самого входа и застыли в неподвижности.

– Эй, лопухие, да вы не бойтесь, – сказал баскарма. – Ступайте поближе. – И каждого за руку вывел и поставил в ряд перед юртой.

Люди, затихшие было, снова оживились, загудели, начали переговариваться вполголоса, когда заметили среди детей и таких, у кого кожа была смуглой, а глаза черными.

– Ну, Дауренбек, – обратился баскарма к молодому человеку в синих галифе и солдатской гимнастерке, стоящему впереди всех со скрещенными на груди руками, – читай свои документы, рассказывай про ребятшек что и как.

Дауренбек, тяжело топя солдатскими сапогами, вышел на два-три шага вперед и вытянул из нагрудного кармана сложенный вчетверо листок – вытянул довольно неловко, неумело действуя левой рукой, на которой уцелели только большой палец и половина мизинца. Затем, переложив листок в здоровую руку, развернул его, разгладил складки и некоторое время беззвучно шевелил губами, читая текст про себя. Закончив, он пересчитал детей обрубком мизинца, опять заглянул в бумагу и, переменяв ребятшек местами, заново выстроил перед собой. После этого он прочистил горло, прокашлялся, сложил аккуратно листок и вернул его в карман.

– Все правильно, басаке, – сказал он, – детей записано шесть человек. – И быстро посмотрел на ребят. – Всем стоять смирно, пока я буду знакомить... Называю по порядку. Двое крайних на правом фланге – братья. Казахи. Старшему восемь лет, зовут Нартай. Младшему – шесть, зовут Ертай. Следующий за ними – Рашит, шести лет, татарин. Дальше, – он указал на девочку с обритой наголо головой, узкоглазую, скуластенькую, – то ли калмычка, то ли дунганка, шести лет. Возле неё – Яков, девяти лет, в бумаге записано, что русский, хотя по виду... – Дауренбек покачал головой, приглядываясь к большеносому мальчику, – по виду, скорей, еврей. Откуда пришел в детдом, где жил раньше – неизвестно. Не то зайка, то наполовину немой... Последний, вот этот, который вышел первым – семи лет. Между прочим, немец... Взяли его в детдом, поскольку лишился отца-матери, остался без крова. Больше о нем ничего не знаю.

Дауренбек замолк, упершись взглядом себе под ноги. По толпе побужало:

– Это как же?

– Откуда?

– Что – откуда?

– Да мальчик этот...

– Который? Их тут пятеро...

– Дети... Кого кто возьмет... Те, что возьмут... Как же...

– Я все сказал, – отрывисто произнес Дауренбек. – Есть ещё вопросы? Вопросов не было.

– Тогда я кончил, – повернулся к председателю Дауренбек. – Баскарма, теперь слово за вами.

– Э-э, какое уж тут слово... Из аула нашего ушли на фронт сорок три джигита, все как на подбор, молодец к молодцу. А вернулось только двое: Дауренбек, считай что без руки, и Берден, потерявший ногу. На двадцать четыре человека похоронку получили. А сколько без вести пропавших? .. Если разобраться, все мы, выходит, сироты, всех нас война осиротила... Будь у нас в колхозе по-прежнему, разве мне бы, с моей грамотешкой, занимать место председателя, вести хозяйство? Или Ахмету в его восемьдесят лет – ходить днем за скотиной, а по ночам пасти лошадей?.. Да что поделаешь – война... Пускай только поскорее она закончится и мы победим проклятых фашистов... – Баскарма помедлил, проглотил подкативший к горлу ком. – Э-э, зачем говорить долго, время попусту тратить? Мы сыновей лишили, а те, что стоят перед вами, – родителей. Две половинки – одно целое... – Голос у него надломился. По-стариковски задремал. Баскарма думал что-то ещё сказать, но, видно, не смог и только махнул рукой.

– Тока, – нарушив тишину, обратился к нему черноусый мужчина в стеганке. Левая нога его была обута в старый растоптанный саптама – сапог с войлочным голенищем, правая опиралась на новый обтянутый кожей протез. Это был Берден, тот самый, о котором обмолвился председатель. – Тока, многие из нас взяли бы детей. И я, и аксакал Ахмет, и Тлеубай... Да и вы, наверное, тоже не хотели бы ни с чем остаться. Дети еще маленькие, можно сказать – несмышлениши. Завтра же и позабудут, откуда пришли. Будем родными... Вы уж сами их раздайте, баскарма.

– Правильно ты рассуждаешь, Берден, – сказал баскарма, успокоившийся и вновь посуровевший. – Только выбирает пускай каждый по сердцу, а я послежу, чтобы не было никаких обид. За вами первое слово, аксакал.

о того, как к нему обратился председатель, аксакал Ахмет, сохранял полнейшую невозмутимость, восседал на своем коне, рыжем жеребце,

сверху вниз посматривая на собравшихся. На голове у него красовался облезлый тымак из поярковой шкурки, сдвинутый на левый висок, с лихо задранным кверху правым ухом. При последних словах баскармы он отбросил прочь длинный курук и ловко, почти с юношеской легкостью соскочил на землю.

– Кого из детей облюбуете, того и берите...

Ахмет прошел сквозь расступившуюся толпу и остановился перед детьми, как бы размышляя, кого ему выбрать. Пристальным, цепким взглядом окинул он каждого из шестерых и шагнул к братьям-казахам, стоявшим в начале ряда. Они жались друг к другу, старший обнимал младшего, положив руку на плечи. Ахмет осторожно попытался их разделить, но мальчики только еще теснее прикили один к другому. Тогда он, вздохнув, опустился на колени, обнял их, прижал к груди и каждого поцеловал в лоб. Потом, поднявшись, по очереди погладил всех детей по голове и взял за руку замыкавшего ряд светловолосого мальчугана.

– Вот кого я выбрал.

Толпа заволновалась.

– Воля ваша, – сказал баскарма.

– Как его зовут? – повернулся Ахмет к Дауренбеку.

Тот пробормотал, глядя куда-то в сторону, мимо Ахмета:

– Пожалевший врага им же будет ранен...

– Эй, ты чего мелешь? Я ведь у тебя совета не спрашиваю, – вскинулся Ахмет.

– При седой бороде на сомнительное дело решаетесь, аксакал.

– Не встревай в подхвостник, светик мой, – усмехнулся Ахмет. – Знал я и отца твоего, Атбасара Бакибая, так и он передо мной не смел хорохориться. – Старик поправил тымак на голове концом сложенной вдвое камчи. – Ты немису три пальца отдал, а я – трех сыновей... Не удержи-вай зря, скажи, какое имя у моего мальчика?

– Зигфрид Вольфганг Вагнер. Довольны? – косо улыбнулся Дауренбек.

– Зекпри Болыпкен ... Как, как?

– Э-э... Хорошее имя, – кивнул Ахмет. – Айналайын, пошли. Домой пошли. Мать дожидается тебя... Что нам до чужих толков. Пошли домой.

Рыжий жеребец с белой отметиной на лбу, давно изучивший все маршруты хозяина, повернул было вправо, к холмам, но, старик, натянув поводья, тронул коня влево, а затем, пришпорив жеребца, поскакал, нарушая собственные привычки и заведенный обычай, напрямик, пересекая аул. И только после того, как позади остался и аул, и свора исходивших лаем аульных собак, преследующих жеребца, Ахмет придержал коня, разрешая ему перейти на шаг. Впрочем, и спешить больше было некуда – впе-

реди, несколько на отлете от аула, виднелась одинокая юрта, в которой жил Ахмет.

– Да будут их дни долгими и радостными! – сказал баскарма, задумчиво смотревший вслед Ахмету до тех пор, пока тот не добрался до дома и не сошел с коня перед своей юртой. – Это последняя кибитка, оставшаяся от почитаемой всеми, дальними и ближними, семьи – самой славной у нас в роду... Ну, пора и на работу выходить, поторопимся, – вернулся он к делу. – Баке, теперь, после Ахмета, ваше право выбирать.

– Спасибо, Токажан, сынок, – закивал в ответ председателю сгорбленный старичок, и толстая палка, на которую он опирался всем своим сухоньким телом, дрогнула и заходила в его руках. – Спасибо... Но бог отнял у меня моего единственного, хотя когда-то я едва вымолил его у неба... А теперь мы со старухой добрались до края могилы. Зачем горемычное дитя, потерявшее родителей, снова делать сиротой? Зачем лишний грех брать на душу?

После слов Баке общее возбуждение окончательно улеглось, поладили без шума, споров. Если сам баскарма, соблюдая порядок и приличие, терпеливо дожидался своей очереди, значит, и другим негоже рваться вперед. И те, кто разобрал малышей, и те, кто остался с пустыми руками, – все, казалось, были умиротворены. И лишь когда навзрыд, не слушая уговоров, заплакали братья Нартай и Ертай, не желавшие разлучаться, людям сделалось не по себе. «Как я заранее о таком не подумал, дурень!» – укорял себя баскарма. Женщины, глядя на сирот, утирали слезы, мужчины, помрачнев, стояли безмолвно, не расходясь по домам. Но ни бригадир Берден, который выбрал Ертая, ни Тлеубай, которому достался Нартай, не думали уступать, расставаться с детьми. Дошло между ними до резких слов, могло бы, чего доброго, дойти до потасовок, не вмешайся старшие. «Были бы дети счастливы, – сказали они, утихомиривая упрямец. – А слезы сегодня прольются – завтра высохнут. Все обиды забудутся...» Последние слова прозвучали утешением и для остальных. Люди разошлись.

Приток первый. Зигфрид, сын Ахмета

Весь аул пригласил Ахмет на той в честь праздника усыновления. По истари заведенному обычаю, принятый в семью в этот день «держит асыкжилик», то есть ему вручается большая берцовая кость, асыкжилик, в знак того, что не приемышем входит он в дом, а родным сыном.

Люди давно не отвеживали свежего мяса и собрались от мала до велика, молодые и старые. Ахмет же на радостях прирезал своего един-

ственного барана и отварил всего, вплоть до ножек и внутренностей. Хватило вдоволь гостям и жирного мяса, и наваристой сурпы, наелись так, что, когда разостлали дастархан для чая, никому не хотелось уже и смотреть на рассыпанные по скатерти курт и иримщик. Разве чтобы только утолить жажду, выпили по чашке пустого кипятка – заварки в то времена было днем с огнем не сыскать.

* * *

– Если хотите знать, – сказал Ахмет, – всякий, кто разделяет людей, называя их орыс, или казах, или немис, нарушает учение пророка и берет на свою душу великий грех.

– Благословенный дед мой говаривал, – продолжал Ахмет, – что сам слышал в старину эту историю от мудрых людей... – Он вытянул из-за голенища отделанную серебром роговую шакшу, положил в рот щепоть насыбая. И помедлил немного, покручивая усы и расчесывая пальцами бороду. – Поначалу сотворено было небо, голубое, без единого пятнышка, потом земля, черная, без единой морщинки. Потом из неба родилась туча, окропила землю, выросли цветы, зеленые травы, густые леса и деревья, дающие плоды. Дикие звери заселяли поля и леса, а чтобы ими управлять и властвовать, создан был человек. И приручил он диких зверей. Обратил их в домашних животных, а по просторным степям раскинул свои кочевья. Не было в те времена ни вражды между людьми, ни разделения на своих и чужих. Все жили в достатке и веселье. Потому что те, первые люди, знали, что все они – братья, дети одного отца...

– Неправильные это мысли... Неправильные и даже вредные, – заметил Дауренбек. Он был здесь самым грамотным, и поэтому считал, что глаза его лучше видят – о прошлом ли заходила речь или о настоящем. – Все мы родились от обезьян.

– Пустые слова, светик мой, – сказал Ахмет. – Благословенный дед мой рассказывал. Что дальний наш предок – сивый волк. Но в Коране об этом тоже ничего не написано. Там написано, что все люди на земле пошли от отца Адама и матери Хауы. Слышал я, даже самые ученые русские муллы с этим согласны. От отца Адама произошли Абиль и Кабыл...

– Все это – религия и дурман, – резко оборвал Дауренбек. – По науке, предки у нас – обезьяны. И не одна обезьяна, а много обезьян.

Знающие нрав Ахмета ожидали, что загорится ссора, вспыхнет скандал. Но ничего такого не случилось.

Все рассмеялись.

– Ничего не понимаете в науке, а спорите, – побледнел Дауренбек.

Строг он был, счетовод Дауренбек, почти всегда сердит, чем-то недоволен... Люди затаили дыхание.

– Может быть, сынок. Ты и прав. – сказал Ахмет, кивнув головой. – Мы люди неученые, темные... Может быть, как ты говоришь, мы и родились от обезьяны, а может быть, как написано в Коране, все мы – потомки одного предка, отца Адама. Кто знает... Если верить моему деду, который дожил до девяноста семи лет, то предки у казахов – сивые волки, а у других народов – разные прочие звери. Сам никто ничего не видел, одни догадки... Только ведь и по твоей науке такого не получается, будто одни люди хуже других: казахи, скажем, хуже русских, или... – Ахмет не договаривал, но выразительно, глаза в глаза, посмотрел на Дауренбека. – Нет, и по науке такое не получается... Ведь обличье – это вроде бы занавеска, скрывающая нутро. Вот и надо про нутро говорить. Как сердце стучит, к чему душа лежит – на это, сынок, смотреть следует.

У русского народа есть пословица, – сказал Дауренбек. – Сколько волка ни корми, а он все в лес смотрит. – Он понял, на что намекал Ахмет.

– Умные слова, – отозвался старик, – только не к месту сказаны. – Он спрятал за голенище сапога пустую шакшу, обошедшую всех любителей насыбая. – Все равно сидим, пока хирман подсохнет... Послушайте-ка, что я вам расскажу... Наверное, все вы слышали об Айбасе, предке моем в восьмом колене. Знаменитым он был батыром, не раз становился во главе войска, во многих походах участвовал. Однажды, воюя с белыми калмыками, понесли наши большие потери. В те времена для каждого мужчины завидной судьбой считалось погибнуть от руки врага, сражаясь лицом к лицу; по тем, кто погибал, носили траур, но слез пустых не проливали. И все же, когда у одного человека... Не скажу – у кого, может быть, у родича батыра, может, у почитаемого аксакала... Короче, когда у одного уважаемого человека все пятеро сыновей разом от вражеских стрел погибают, такое вынести нелегко. И отцу особенно. Пришел батыр Айбас посочувствовать отцовскому горю, а тот человек и говорит: «Пятеро сыновей моих погибли в бою, пятеро шахидов... Духи предков гордятся ими, я не плачу, не проклинаю свою участь. Но все они молоды были, мои шахиды, никто не успел из них оставить после себя наследника семейной чести, продолжателя рода. Когда я умру, погаснет дым моей юрты, упадет мой шанырак... Вот над чем я плачу, подумал ли ты об этом?» – «Подумал, – ответил Айбас. – А если так, садись на коня, по обычаю предков: тебе гибель не страшна, у тебя за спиной – сын...»

И снова собрал батыр свое поредевшее войско и после нескольких дней похода снова напал на врага, упоенного недавней победой. И кололи его, и рубили, и преследовали воины Айбаса, пока не прогнали за Алтай. На

добро, на скотину Айбас и не смотрел – добычей для него стали только дети, ростом не достигшие ступицы колеса. Как их раздали, кому они достались, когда вернулся батыр из похода, не знаю. Зато известно, что потомки пяти мальчиков, приведенных вместо пяти сыновей-шахидов, пустили корни, каждый зажил своим аулом, и долго жили они в богатстве и благоденствии... А их потомки не дали сгинуть роду своему даже после годов великих бедствий.

Опираясь на рукоять камчи, Ахмет поднялся с места.

– Где же они? В каком колхозе, Ахмет-ага? – с любопытством заговорили вокруг.

– Да у нас же, в нашем колхозе, – усмехнулся Ахмет.

– Аксакал шутит...

– Что мне шутить? .. Потомки тех пятерых, занявших место погибших, сидят и сейчас между нами. – Ахмет направился к своему коню, взобрался в седло. – Не дай бог, скотина забрела на посевы... Мне бригадир голову снимет. Поеду посмотрю... – Перед тем как пришпорить лошадь, он обернулся: – А вы приглядитесь хорошенько друг к другу. Может, что и заметите. – Ахмет стащил с головы тымак, потряхнул его, сметая осевшую на току пыль, надел снова и, смеясь от души, поскакал галопом в сторону поля.

Были мужчины на току, были женщины; были молодые, были старые; кто сидел, поджав ноги, на подстилке из соломы, кто полулежал, выдавив боком ямку в сыпучем валу пшеницы, кто попросту опустился на корточки, но в тот миг каждый замер в той позе, в какой застали его последние слова Ахмета, и только глаза с торопливой подозрительностью скользили по лицам оказавшегося рядом или напротив. А вдруг и в самом деле обнаружится непривычная, чужая линия, складочка, черточка?.. Но спустя минуту или две ни у кого не осталось и малого сомнения в том, что все работавшие на току – чистокровные казахи.

– Аксакал Ахмет разыграл нас, – сказал кто-то.

И тут началось... Один захлебывался от смеха, другой стонал, вытирая слезы, третий уже хрипел, не в силах удержать хохот. Все смеялись, пока не раздался сердитый окрик Дауренбека:

– Довольно сидеть, пора за работу братья.

Литература:

Магауин М.М. Голубое марево //Роман. Повести. Рассказы. Пер.с казахского /М.: Известия, 1985.

Дүкенбай Досжан
(1942-2013)

Ине ұшындағы өмір
Хикаяттан үзінді

*Его жизнь висела на волоске,
причем тончайшем волоске.*

А.И.Солженицын
«Раковский корпус»

I

Дүниені бар бояуымен сезіну – адамның ең бақытты кезеңі. Кейінгі кезде сол бояу солғын тартып, мына тіршілік дәмі таңдайына кермек татып бара жатқандай. Жасыл бояуды сезінбейді, жүрегі лоблып құсқысы келеді.

Айбар Арыстанұлы жұмыртқадай әдемі кеңсенің төрт қабырғасына камалып, тапжылмай отырып, ой ішінен ой тергелі үш сағатқа жуықтады. Жуғарақта ой теңізінің жағасына малтып шыға алатын емес. Әйнектің арғы жағында құжынаған өмір. Жеңіл машина сынапша сырғып өтеді. Әрәдік дауыстап тілдескен кісі үні, бала күлкісі естіледі. Ерте көктемнің әтір иісі сезіле қоймаған кез. Бүгін күн ерекше шуақты. Көше жиегіндегі қасат қар ылжырап еріп, үй шатыры, терезе әйнегі сорпаланып терлей бастаған. Кәрі үйеңкі құрысын жазған кісідей әрәдік сықырлай теңселген кезде бұтағына қонған суық торғай жерге тас боп сорғып түседі. Бір құшак үстелінің үстінде дөңгеленеді.

Қанша отырғаны белгісіз. Күн қызарып екіндіге ойысты. Зәулім үйдің шатырына соғымнан қалған бір турам қазыдай ери сіңіп бара жатты. Батар күнді көрсе Айбардың мұңға бататын бала күнгі әдеті. Бойын басқан зіл салмақты сілкіп салып түрегелді, қара саны ұйып қалыпты, мың сан ине шаншығандай сезілді. Тәлтіректей жүріп есіктің оң қапталына ілген шарайнаға тақады. Қазыдай еріген қызыл күннің кенересі шағылып, айна беті алау өртше лаулады. Көзіне үйреншікті мойыл қара шашты, жазық маңдай, қыр мұрынды, дөңгелек жүзді, жанары шоқша жанып тұратын сұлу бозбала шалынады ғой деп ойлаған. Тұла денесі дір ете түсті. Айна бетіндегі алау өрттің ішінен ұйпа-тұйпасы шыққан, ұсқынсыздау жігіт шығып келе жатты. Құдайым-ау, мына сурет шынымен өзім бе?! Айбар Арыстанұлы ма?.. Көзінің етегі көгіс тартып, жүзінен нұры тайып, бейне, «Жо-ға!.. қоя тұрындар!.. көмуге асықпаңдар!..» деп табыттан тұрып кеткен арыған аруак, құр қауқар, сүлесок сұлба секілді ме. Қыр мұрынының

ұшы аппақ, бор жаққандай. Қою қасы ғана сол күйінде. Айнаның бетін алақанымен сипап жіберіп және үңілген. Батып бара жатқан күннің қызыл бояуы бозғылт тартып, сұйыла түсті. Түтеген ақ түтек топырақ, көшкен құмның арасынан шыққан, адасқан, арыған жолаушыға ұқсайтындай бейне. Есіне еріксіз оралды.

Мана әлгіде бөкесі бұлтиған, жанары ойнақшыған әдемі хатшы қыз бұрынғыдай бұратылып, әтір иісі мол сіңген кеудесін дірілдетіп қарсы алдында көп тұрмады.

– Түріңіз не боп кеткен? – деді.

Сөзі бетіне салқын су шашып жібергендей әсер етті. «Түріме не болыпты соншама» деп ойлаған.

Бұрынғы бет қаратпайтын мінезіне салып, шарт ашуланып, хатшы қызды бөлмесінен қуып шығарып жібергісі келді. Өзін-өзі тежеді. Бойын зілбатпан салмақ басып, еңсесі езіліп осынша омалғаны өзіне ыңғайсыз сезілді. Креслосын сықыр еткізіп ытқырыла көтерілді.

– Не болыпты түріме?

– Білмеймін, Айбар Арыстанұлы, әйтеуір осыдан ай, апта бұрынғы бозбалаға мүлдем ұқсамайсыз. Қаймақ қатқан шай әкелейін бе, әлде...

– Қажеті жоқ, бара бер,-деді салқын ғана.

Сұлу бикеш бейне кісінің назарынан ұғатын бармен секілді, бастығы жанарымен мезгеп: «Есікті ішінен жап!..» көз алдымда тырдай жалаңаш қазір шешін!..десе, сол заматында-ақ ләм демей, үндемей орындауға әзір. Бұл жолы бастығының зілдей суық үнінен, әсіресе, ұйпа-тұйпасы шыққан ұсқынсыз түрінен шошынды. Тық-тық басып, бөкесін билете, ұршықша үйіріліп шығып жөнелді.

Айбарды белгісіз үрей меңдеді.

«Не боп барамын» деп іштей мүжілді. Түріме не болған?.. Әлде ауырып жүрмін бе, әлде ойнап жүріп от басып алдым ба? Шындығында, айнадағы Айбар жиырманың сегізіне шыққан, тепсе темір үзетін, үлкен бизнес орталығының компьютердің құлағында ойнайтын программист – жаңа тест енгізушісіне мүлде ұқсамайды. Жанарының оты азайып, бетінің қызылы тарап, бозғылт тарта бастапты. Үй іргесінде, күн көзі тимей өскен шөп секілді құп-қу, жел үп етсе лып ұшып жоғалардай. Оң қолын білегіне дейін жалаңаштап алақанын аударып-төңкерді, көк тамыры баттыып көрінбей, ет пен терінің арасына жасырына түскендей, әзер шалынады, бармағын басып еді, тамыр соғысы білінбеді.

Көзімнің астындағы көгіс шеңберге не жорық деп іштей шошынды.

Маңдай тұсыма ғайыптан әлдеқандай көлеңке түскендей ме, әлде әжім сызығы ма?!

Қалың ойдан арыла аламай, айналып келіп креслоға сылқ отырды. Сол бүйірдегі компьютердің құлағын шырты ашып, экранды жақты. Жаңа

бағдарламаны оп-оңай тауып алды. Аздап еліге түсіп, қисынды, қисынсыз сызбалардың ішінен көгін, жасылын бөліп шығарды. Көк шеңбер – бизнес орталығының қаржы салымының үлесі, жасыл шеңбер – таза табыс көзі, сол шеңберді қызыл сызбамен бірқалыпты даму үлесіне салып еселеген сайын жасыл шеңбер кішірейіп, көк шеңбер ұлғая берді. Көк шеңберді үздіксіз ұлғайту – банкротқа әкеліп соғады. Қызыл сызбаны үздіксіз жетілдіріп, кіріс пен шығыстың пайызын бірде алма-кезек ұлғайтып, келесіде кішірейте түсіп біразға дейін қадалды. Самай тамыры лып-лып соғып, көз жанарының оты азайды. Хатшы қыздың әлгідегі: «Түріңіз не болып кеткен?» – деген сөзі санасынан жуылмай, есінен тандырды. Сұқ саусағы дірілдеді. Компьютер құлағын шырт өшірді.

Кеңседе жападан-жалғыз омалып отырғанда кеш түсіпті, қас қарайып, қызметкерлер тарап кетіпті. Әлгідегі сөзден кейін өкпеледі ме, хатшы қыз зытып жоғалған. Әйнектен сыртқа көз салған. Терезе алдындағы кәрі үйеңкі қарауыта ұлғаяды, не деген мықтылық десеңізші! Тастақ аулаға тамырын терең жіберіп, неше заман қыс пен көктемді, жаз бен күзді бойынан өткеріп тәкаппар тұрысы ғажап. Ойлап отырса бұл үйеңкі кешегі ызғысқан, атыс-шабысы мол қызыл төңкерісті өткерді, әр үйдің отын өшіріп, қазанын төңкерген зұлмат заманын да көрді... кешегі алдынан жан баласы кесіп өтпейтін Сталин дүрбелеңін, берідегі жуан жұдырығымен ауаны түйгіштеп «Кускинъ мать!» – деп кіжініп сөйлеген Хрущев, жазылған парақты қолынан сұсытып эзер оқыған Брежнев, сосынғы тәуелсіз ел боп ес жию кезеңін бастан кешірді. Несіне жасырады. Ай, қанша мықты болса да көп ұзамас, осымен мына үйеңкінің пашпырты біткен шығар, көп ұзамай өзегін құрт кеулеп, өрт шалып құлататын болар деген өмір жолаушылары – адамдардың көбі тоз-тозы шығып жоғалып жатты. Бүгін бар кісі ертең жоқ. Кәрі үйеңкі қақайғаннан қақайып әлі тұр. «Не деген мықтылық, өмірге құштарлық» деп бұл көкең іштей таң қалады баяғы. Осы ағаштың қасында мына біздер құр әншейін жел қуған қанбақ, жел үрген қарын, қураған қурай секілдіміз. Бәле қайда – бассан аяқ астында, андыздаған пәле, вирус, сырқат, өкпек жел, бәрі-бәрі пенделердің аяғын шалып омақастырып келеді, омақастыра бермекші.

Несіне жасырады, бүгін ертеңгісін қызметіне келе жатып орталық клиникаға соғып, таныс дәрігерге көрінген. Таныс дәрігер әуелде нақа жеті атасын көргендей құшақ жая қарсы алғанымен, қан қысымын өлшеп, көз жанарына назар жығып қараған соң-ақ, маздаған шоққа су сепкендей бықсып сала берді. Ұзын кушеткаға сұлатып жатқызып, буынын, еркектік шәуетін мұқият қарап шықты, тамақ, қолтық бездерін шошымаған ба деп қолғап киген саусағымен басып көрді. Бір мезетте еңсесін көтеріп, үстеліне жүгініп әлденені ұзақ жазды, қаламының сиясы сарқылды.

Айбар қалтасынан алтын қарындаш алып берді. Бір мезетте дәрігердің үні көмескі естілді. «Қаныңызды анализге тапсырамыз!.. Өйтпесе болмайды!.. Бой-басыңызды әлдебір салмақ езіп, жер тартып тұрғандай сезілмей ме?»

«Кейінгі аптаның жүзінде бойымды жер тартып тұрғандай еш көтерілмейді».

«Сіздей ақшасы мол, келісті жігіттің түнгі шеруі, серіліе сапары үзілмейтін болар».

«Несіне жасырайын, жаңа жылдан кейін екі-үш мәрте сұлу бикеш, алғыр бозбала, дос-жарандарым қолқалап қоймаған соң түнгі казиноға, мейрамханаға барып көңіл көтергенімді қалай бүгіп қалайын».

«Белгісіз бикештермен жыныстық қатынасқа түсіп пе едіңіз, тура айтқаныма кешірім сұраймын, әрине».

«Сақтық шараларын ұмытқан жоқ секілді едім, қайдан білейін, қызулы, қызықмас болып жүріп құдай ұрып қалмаса».

Дәрігер жігіт сұрау белгісінше үңіліп тағы сүйектетіп көп жазды. Сол екі арада аузы-басын ақ дәкемен тұмшалаған екі медбике келіп, білегін жалаңаштап, көк тамырдан қан алды. Білегін жалаңаштап жатып көк тамырға шаншылған ине ізін көріп, іркіліп қалды. Ыммен мегзеп дәрігерге көрсетті. Дәрігер ләм демеді. Айбардың көңіліне қарады ма; қолын серпелеп, әлгі бикелерге: «Тезірек бітіріңдер істі!.. Болыңдар!..» – деп дегбірін ала түсті. Ақ пәрәнжі тұмшалаған медбикелер ісін тамамдап, ізін сұйылтты. Айбар мең-зең қалпы киіне бастады. Тамағына кептеліп келіп қалған ащы ірке алмады...

Арыстан кейінгі жиырма жыл көлемінде шалғайдағы ауданның прокуроры болып істеді, ерте тұрып, кеш жатты. Ақша орнына көбіне абырой жинады. Кейінгі егеменді ел болып, тәуелсіздік алғалы бері «өз білгенім осы ғой» деп бұғынып жатып алмай, ата заңды қабылдау кезінде пікірін жазып жіберді «Қылмыстық кодекске» қосымшалар, түсініктеме, толықтырулар енгізуге атсалысты. Әсіресе кейінгі бес жыл көлемінде есімі зиялы қауымды елең еткізді. Аудан түгілі облыс көлемінде аса ауыр қылмыс көтерілсе, Арыстан ағамызға жүгінелік, сол кісі тығырықтан шығатын жол табады десті, телефон шалып, осы бір шаруаны неғыламыз деп ақыл сұраушылар көбейді. Ел-елден жолаушылар жетіп, алдынан әділет табатын таныс, білістері үзілмеді. «Әділеттің ақ жолы арыстан ғой», – десті. Сол атышулы заңгер, аудан прокуроры, абыройлы азаматтың маңдайына басқан, алақанына салған жалғыз перзенті осы – Айбар еді.

Жүзіне жел тигізбей, басқан ізі қисық демей, мәпелеп өсіріп мектеп табалдырығынан аттаған кезде дүркіретіп үлкен той жасады. Абырой

болғанда әрнәрседен беті қайтпаған Айбар алғыр болып өсті, мектепті алтын медалмен бітірді. Мына заман қағынды, дамыған социализмнен қайра капитализмге топ ете түстік, қалтаң томпақ болмаса кісі қайрылып сәлем бермейді деген оймен әр тарапты болжағыш әке жалғыз ұлын ең сапалы оқу жүйесі – Болашаққа берді. Қалың конкурстан Айбары сүрінбей өтті. Ұлыбритания астанасы Лондонға жолдама алды. Сол жазда қуаныштан тасыған әкесі жиған-тергенін шашып екінші мәрте үлкен той жасады. Облыс әкімінің өзі әдейілеп келіп дастархан басында ұзақ толғап сөз сөйледі. Сосынғы шетелге сапар, Лонданнан ат шаптырым жердегі Кембридж университетінен дәріс алу, ағылшын тілінің неше ықылым қалтарыс, құпиясына сұңғу-ол өзі «Мың бір түннің» әңгімесіндей ұзақ, әрі қызық хикаят.

Елі құрметтеген заңгер әке жалғыз ұлын биік лауазымның басқышымен үнемі жоғарылай берсе, алдынан аяқ шалар бір құдайдың пендесі ұшыраспаса деп күндіз-түні тіледі. Әулиеге мал шалып садақа берді. Осы баламның бағы жанса, тегін адам еместігін дәлелдесе деді. Өзім жетпеген биіктерге ұлым жетіп, төрдегі басымды әлі де биікке, жоғарыға сүйресе деді. Сөйткен ұлы, сенген перзенті құдай тас төбеден ұрғандай, өз-өзінен есеңгіреп, сүлесок күйде, шамы жағылмаған бөлмеде ошарылып отырысы жаман. Еңсесі түсіп езілуі ерсі.

«Қай жерден қателестім» деп Айбар іштей іріді.

Д.Досжан
(1942-2013)

Жизнь на кончике иглы
Повесть

*Его жизнь висела на волоске,
причем тончайшем волоске
А.И.Солженицын
«Раковый корпус!»*

Главы

1

Обычно человек и не догадывается, что воспринимать земное бытие во всей его полноте и многоцветии – невыразимое счастье, бесценный дар. Айбар стал в этом убеждаться, ощутив, что в последнее время краски окружающего мира для него стали тускнеть, терять первоизданную

яркость, а каждый прожитый день оставлял в душе горький осадок. Он вдруг почувствовал, что ярко-желтые, оранжевые оттенки цветовой гаммы почему-то не воспринимаются его зрением, словно их нет в природе; а к горлу стала часто подступать тошнота.

Вот уже почти три часа Айбар Арыстанулы, сидя в четырех стенах своего современного и уютного кабинета, погружен в горестные размышления, перебирая в памяти события последних дней. И никак не может выкарабкаться из этого моря гнетущих мыслей на желанный берег успокоения. А за окном кипит повседневная жизнь. Легкими ртутными шариками скользят автомобили. Доносятся приглушенные голоса людей, слышится беззаботный детский смех. В воздухе ещё почти не чувствуется дыхание неуволимо приближающейся весны. Но этот день выдался на редкость солнечным. Плотный снег на обочине дороги уже стал сереть и подтаивать, крыши домов повлажнели, а на запотевших оконных стеклах набухали крупные золотистые капли. От внезапного порыва ветра состарившийся клен вздрогнул, со скрипом выгнулся – так сладко потягивается разминающий свои кости человек, – сидевший на ветке воробей камнем упал вниз. Сноп жарких солнечных лучей отразился на столе Айбара.

Неизвестно, сколько времени неподвижно просидел молодой человек, отрешенно глядя в окно. Багровое солнце уже клонилось к закату. По крыше массивного здания стекали его лучи, как истаивает и сочится нежный жир казы. Еще с детства Айбара охватывала непонятная грусть при виде заходящего солнца. С усилием, стряхнув с плеч огромную невидимую тяжесть, он встал и почувствовал, как затекли и онемели ноги, словно в них впились тысячи иголок. Айбар кое-как приковылял к большому зеркалу, висевшему справа от двери. Края подтаявшего, будто кусок казы, красного солнца лизнули поверхность зеркала и запылали багряным пожаром. Айбар надеялся увидеть в отражении привычный облик красивого юноши с черными, как смоль, волосами, с высоким чистым лбом, с прямым носом, с округлым овалом миловидного лица. Но от неожиданности остолбенел. Сквозь отсветы пламенеющего пожара на него смотрел усталый изнуренный человек с неприглядной внешностью. «О, боже, неужели это я! Это – Айбар Арыстанулы?» Под глазами темные круги. Потухший взгляд. Точь-в-точь покойник, восставший из гроба, который жалобно просит: «Нет-нет, не торопитесь меня хоронить, я еще живой...» Кончик носа побелел, словно его испачкали мелом. Только брови оставались прежними – черными и густыми. Задумчиво погладив дрожащей ладонью гладкую поверхность зеркала, Айбар продолжал напряженно вглядываться в свое отражение. Краски заходящего светила стали блек-

нуть. Жалкий образ в зеркале был похож на истощенного, заплутавшего в пустыне путника, над головой которого пронесся страшный песчаный ураган. Это сравнение невольно пришло Айбару на ум.

Несколько часов назад красotka-секретарша с крутыми бедрами и шаловливым взглядом кокетливых глаз, постояв перед ним и подрагивая сверх меры надушенной грудью, нерешительно спросила:

– Что это с вами?

Вопрос подействовал на него, как брызги ледяной воды. «А что это со мной в самом деле?» – растерянно подумал он. Сначала решил было, как случилось не раз, показать свой крутой нрав и выдворить бесцеремонную секретаршу из кабинета, но сдержался. Ему было не по себе от неимоверной тяжести на душе. Он резко поднялся, и кресло жалобно заскрипело.

– А что это со мной?

– Не знаю, Айбар Арыстанулы, – испуганно залепетала секретарша, – но вы сейчас ничуть не похожи на того красивого молодого человека, который сидел здесь месяц, даже неделю назад... Вам принести чаю со сливками или...

– Не надо, можете идти, – холодно ответил он.

Красotka, подобно угодливому бармену, угадывающему желание клиента по небрежному взгляду, понимала своего начальника с полуслова. Если бы он распорядился: «Закрой дверь на защелку и разденься», она тут же бы исполнила любое его желание. Однако на этот раз она была напугана не только ледяным тоном своего начальника, но, прежде всего, тем, как он ужасно выглядел. Постукивая каблучками и по привычке виляя бедрами, секретарша выскользнула из кабинета.

Айбаром овладела необъяснимая тревога. «Что же со мной происходит? – стал доискиваться он. – Что со мной случилось? Может, я заболел или по беспечности влип в какую-то неприглядную историю?» И действительно, Айбар вовсе не был похож на двадцативосьмилетнего молодого человека в самом расцвете сил, талантливого программиста крупного бизнес-центра, автора оригинальных тестов для новой компьютерной технологии. Глаза помутнели, румянец на щеках исчез, лицо приобрело пепельный оттенок. Он стал похож на блеклую траву, едва пробившуюся из земли в тени высокого дома. Кажется, достаточно малейшего дуновения ветерка, и его унесет. Засучив рукав до локтя, Айбар принялся внимательно осматривать кисть правой руки, переворачивая ладонь. Кровеносные сосуды едва проступали, спрятавшись в толще мышц. Попытался нащупать пульс, но биения его не ощутил. Насторожили Айбара и темные круги под глазами. И на лбу появилась какая-то сумрачная тень, или это линии морщинок? Не в силах избавиться от навязчивых мыслей,

Айбар, вернувшись на место, безвольно рухнул в кресло. Потом включил компьютер. Сосредоточившись, легко нашел новую программу. Постепенно увлекшись, из сплетения хаотических линий выделил синие и зеленые. Синий круг – сумма налогов бизнес-центра, зеленый – чистая прибыль. И чем больше он увеличивал круг по возрастающей красной линии, тем заметнее уменьшался зеленый круг и расширялся синий. А непомерное увеличение синего круга неизбежно приведет к банкротству. Поступательно развивая красную линию и осторожно увеличивая соотношение дебета и кредита, а затем уменьшая его, он снова и снова напряженно вглядывался в экран монитора. И вдруг у него заломило в висках, в глазах потемнело. «Что это с вами?» – явственно возникла в сознании недоуменная фраза секретарши, и Айбару почудилось, что он сходит с ума. Указательный палец сбился с клавиатуры и задрожал. Айбар поспешно выключил компьютер.

Пока он в одиночестве обитал в кабинете, спустились сумерки и сотрудники фирмы разошлись по домам. Видимо, обидевшись на его холодность, не попрощавшись, удалилась и секретарша. Айбар взглянул в окно, за которым во дворе темнел силуэт могучего старого клена. Какая неимоверная силища! Это с какой же поры он так внушительно и гордо высится, охватив крепкими корнями глубины каменистой почвы, молча встречая и провожая бесконечную череду времен года: весну и лето, осень и зиму? Если вдуматься, наверняка этот клен-старожил был безмолвным свидетелем и кровавого красного переворота, видывал и жестокие годы потрясений, когда не один очаг погас навсегда, и страшный смерч сталинских репрессий. На его веку скоротечное время правления Хрущева, который пугал, гневно стуча по столу башмаком: «Я покажу вам кузькину мать», сменилось периодом Брежнева, еле читавшего свои выступления и ронявшего из дрожащих рук исписанные листы. Дотянул почтенный старец-клен и до лет, выпавших на становление нашего независимого государства. Надо же! Те люди, говоривавшие когда-то, что, мол, недолго осталось скрипеть этому старикану, вот-вот ему придет конец, вот-вот его могучий с виду ствол, источенный внутри червями, станет трухой и гниль уничтожит его, – это люди сами исчезли в жизненной круговерти, не оставив следа. Сегодня человек есть, а завтра, глядишь, его уже нет, словно никогда и не бывало. А древний клен по-прежнему высится на том же самом месте. «Какая несокрушимая мощь, какая страсть к жизни», – не раз поражался Айбар, любуясь деревом. – В его раскидистой кроне шумит вечность, а мы в сравнении с ним всего лишь гонимые ветром шары перекати-поля, подобно высохшему бычьему желудку. А для беззащитного существа все напасти тут как тут – куда ни ступишь, везде под-

стерегает беда: всяческие вирусы, всевозможные хвори, пронизывающие, выматывающие душу ветры – все это наносит вред живущим, изводит их, будет губить и впредь».

Впрочем, что скрывать: утром, направляясь на работу, Айбар завернул в поликлинику к знакомому врачу. Тот вначале обрадовался, будто увидел живых своих предков до седьмого колена, встретил его с распростертыми объятиями, но после того, как измерил кровяное давление и внимательно обследовал зрачки, стал мямлить, сникать и затухать – так тлеют горящие угольки, на которые брызнули водой. Уложив Айбара на длинную и узкую кушетку, врач придирчиво осмотрел суставы, гениталии, даже помял их пальцами, тщательно оглядел также паховые и подмышечные железы, обследовал горло. Внезапно оживившись, он молча сел за стол и долго что-то писал, пока в авторучке не закончилась паста. Айбар вынул из кармана золотое перо и подал доктору. Наконец после томительного ожидания доктор спросил глуховатым голосом:

– Чувствуете ли вы слабость в теле, не притупился ли интерес к жизни?

– Да, примерно с неделю ощущаю какую-то тяжесть.

– Такие молодые и красивые джигиты, да еще при немалых деньгах, время проводят азартно и веселятся ночи напролет.

– Откровенно говоря, после нового года не мог отказать друзьям и вместе с красивыми девушками частенько бывал в ночных барах, казино и ресторанах.

– Прошу простить за прямой вопрос, но ...приходилось ли вступать в интимные отношения со случайными девушками?

– Да я вроде бы предохранялся... Хотя... кто его знает, может, меня бес попутал и я слишком увлекся.

Врач, склонившись над столом подобно вопросительному знаку, снова долго писал. По его вызову пришли две медсестры в марлевых масках, засучили Айбару рукава до локтя, чтобы взять кровь из вены на анализы. Увидев в вене засохший след иглы, в нерешительности застыли. Знаками показали доктору. Врач взглянул на Айбара, но ничего не спросил. Может, пожалел? Махнув рукой, он поторопил девушек: «Делайте скорей!.. Пошевеливайтесь!..» Медсестры взяли кровь и поспешно исчезли. С трудом избавившись от странного оцепенения, Айбар стал медленно одеваться. Происходило что-то непонятное для него, и он едва выдавил застрявшее в горле горькие слова:

– В чем дело? Что ты от меня скрываешь, уважаемый? У меня серьезная болезнь?

– Пока ничего определенного сказать не могу. Жду в среду, тогда поговорим обстоятельно.

– И все-таки, что же ко мне прицепилось, не опасный ли вирус? Не томи душу, брат, скажи!

Слово «опасный» вымолвил с трудом, сдавленным голосом. Будто с отвращением проглотил горькое лекарство. И тут его сознание помутилось. Все вокруг закрутилось волчком и ему показалось, что он летит вверх тормашками в тартарары. В учащенном ритме заколотилось сердце. Вскоре ощущение беспамятства прошло. Айбар очнулся, расслабленно поднялся с места и неуверенными шагами двинулся к двери, через силу и вяло пробормотав: «Ладно, в среду приду».

Казахи – народ суеверный, они всерьез полагают, что среда – день удачи. Отец Айбара, собираясь в дальнюю дорогу по каким-либо делам или с отчетом к областному руководителю, тоже старался приурочить поездку к среде. Ныне же что начальство скажет – то и неписанный закон. И только исполнив его, угодишь начальству. Отец Айбара – Арыстан был известным юристом-правоведом не только в районе, но и в области. От многих своих коллег он отличался тем, что всегда стремился докопаться до сути, найти истину и свободно ориентировался в дебрях бесчисленных законов.

...И единственным сыном этого видного юриста, районного прокурора, почетного гражданина, его наследником и опорой был как раз Айбар. Арыстан-ага холил его и лелеял, все поступки сына считал правильными, а когда юноша закончил школу, устроил по этому поводу грандиозный той. Айбар, еще не встречавший на своем пути каких-то невзгод и препятствий, был довольно способным и школу закончил с золотой медалью. «Времена изменились, из развитого социализма нас мигом кинуло в жесткие объятия капитализма, и если в кармане будет пусто, то с тобой никто здороваться не станет», – с такими мыслями заботливый отец, умеющий наперед просчитывать все ходы и варианты, определил своего единственного на учебу по программе «Болашак», считающийся самой качественной образовательной системой в республике. Надо сказать, Айбар с честью прошел жесточайший отбор. Получил престижную путевку для обучения в столицу Великобритании. В то лето отец, щедро расходуя собранные тяжким трудом средства, вторично справил той. Сам областной аким, специально приехавший на это торжество, долго и пространно произносил тост за дастарханом. Потом путешествие за границу, учеба в Кембрижском университете недалеко от Лондона, глубокое погружение в пучину английской грамматики – все это, конечно, занимательная, но долгая история – вроде нескончаемого повествования восточной сказки «Тысяча и одна ночь».

Всеми почитаемый отец-правовед денно и ночью истово молился о том, чтобы сын без малейших препон одолевал ступени карьеры, устрем-

лялся выше и выше и чтобы на его пути не было помех. Даже принес жертву Создателю – жирного тельца. Чадолубивый отец жаждал только одного, чтобы счастье сопутствовало его единственному сыну, чтобы тот всех сумел убедить в своей исключительности. Хотел, чтобы сын достиг тех высот, которых не удалось достичь отцу, и тем самым вознес его, Арыстана, еще выше. И вот этот сын, на которого родителями возлагалось столько надежд, в полном смятении, сам не свой, словно придавленный могущественной десницей Всевышнего, в полубормочном состоянии сидел в темном кабинете.

«В чем же я промахнулся?» – мрачно гадал Айбар.

5

... Итак, Айбар Арыстанулы, диагноз, прямо скажем, неважный. Есть казахская пословица: «Тот, кто скрывает свою хворь, умрет не болея». Но перейдем ближе к делу. Так вот, неизвестно, когда и при каких обстоятельствах вы смогли заразиться, но у вас в крови обнаружен синдром приобретенного иммунодефицита. Другими словами, у вас выявлен вирус СПИДа.

Айбар оканемел. Ему показалось, что земля уплывает из-под ног. От кого-то он слышал, что осетр, ударившись головой о камень, теряет ориентацию и, не зная, где поверхность воды, а где дно, начинает метаться из стороны в сторону. Сейчас он был подобен этой несчастной рыбе. Возможно, Айбар еще долго продолжал бы неподвижно сидеть, тупо уставившись в невидимую точку, если бы врач не закашлялся, поднося ладони ко рту, и если бы у него не вызвало приступ нервного смеха то, как доктор, нелепо размахивая руками, выталкивает за дверь толстушку-медсестру, попытавшуюся войти в кабинет. А чему смеяться-то? Спohватившись, Айбар замолк. Судорожная усмешка на мгновение исказила его лицо и исчезла. Узкий бумажный лист с начертанной на нем диаграммой был похож в руках врача на извивающегося удава. Еле слышно Айбар прошептал: «Может, вы ошиблись, а вдруг это анализ не мой, а другого человека?».

Врач покачал дынеобразной бритой головой: «Нет, к сожалению, это не ошибка, я сам ходил и дважды перепроверял».

И снова установилось тягостное молчание...

...Айбар, похолодевший от ужаса, в неспешных и замысловатых объяснениях участливого доктора уловил скрытый подтекст, беспощадно ясный смысл которого сводился к следующему: «Вы крепко влипли и допустили роковую ошибку, из-за которой Создатель, взвешивая на весах справедливости ваши поступки, намерен забрать обратно врученную вам, как

бесценный дар, жизнь». Но как же так? Неужели для него отныне остались в прошлом все наслаждения этого мира, все, что будоражило кровь, заставляя её восторженно пульсировать в жилах, все радости бытия?... Неужели все мои помыслы и мечты о том, что я достигну своей цели, надежды на высокое предназначение, сокровенные мечты, которые изо дня в день манили вдаль, как недостигаемые горные вершины в далеком сизом мареве, – неужто все это внезапно разбилось вдребезги, как хрустальная ваза, нечаянно выскользнувшая из рук?! И это все?! Постигал, учился, находил, терял, обнимал, любил, ненавидел, принимал, отвергал, упивался, чувствовал – и все это промелькнуло так стремительно? Как куцый хвостик годовалого стригунка-жеребенка? О Всемогущий Создатель, ты лучше бы послал коварную смерть не мне, еще не раскрывшему лепестки цветку, а той болтливой девяностолетней старухе, моей соседке, которая, дрожа и трясаясь от дряхлости, каждое утро выгуливает свою собачонку, или тому бедолаге-бомжу, что ежедневно роется в мусорных контейнерах, или тому отвратительному забулдыге-отцу семейства, который, напившись до скотского состояния и потеряв человеческий облик, в пьяном кураже избивает свою жену и детишек. Ведь в мире предостаточно таких, которые никому не нужны, которые живут только для того, чтобы есть, пить и спать.

...И тут Айбару припомнилось изречение великого акына, что одна минута равнозначна целой жизни человека.

И только теперь он понял, как безрассудно и опрометчиво распорядился своей жизнью, вообразив, что вся радость бытия в развлечениях, в бесцельном времяпровождении.

Странно, но у Айбара возникло ощущение, что вещи слова великого мудреца предназначались именно ему.

«В молодости, думая, что одно наслаждение острее другого, и вообразив, что молодость вечна, будто немощь никогда его не одолеет, но после первого же любовного опыта огрубев душой, растеряв душевные силы, уже не в состоянии преодолеть следующий перевал».

Да, он был виноват в том, что при виде завораживающих глаз, сочных губ, осиною талии, стройных ножек, красивых форм, суливших жаркие объятия, терял благоразумие, полагая, что молодость вечна, что его минуют хвори. Он виноват в том, что сломя голову устремлялся за первой встречной юбкой.

...Айбар продолжал перелистывать тоненькую голубую книжку, на некоторых страницах задерживался дольше, стараясь глубже осмыслить суть назиданий: «Каждая хорошая вещь имеет свою меру, если она пре-

вышает известную меру, то она ни на что не годится. Знать меру – великая вещь.

Необходимо прежде всего думать. Иногда человек, ушедший головой в дело, не может управлять своими мыслями и превращается в пустого мечтателя.

Пить, есть, одеваться, смеяться, развлекаться, сгорать в страсти, любить, собирать богатство, делать карьеру, быть смекалистым, уметь не поддаваться обману – во всем этом имеется своя мера. Если мера превышает, то полезет дерьмо».

...Идя на поводу желаний легкомысленной молодости, он делал то же, что и его сверстники в этом возрасте. Как справедливо подмечено в казахской пословице: «Кто не пьет кумыс и кто не увлекается девушками?» Разве можно устоять перед чарами столь прекрасного создания с изящной фигуркой, будто выточенной резцом скульптура, чьи очи столь завораживающе, что буквально сводят с ума? Как не восторгаться такой красавицей? Как не сгорать в волшебном пламени страсти? ...Ведь сам Абай утверждал: «Пророк обязал каждого своего раба поклоняться красоте!»

И в этот момент перед взором Айбара словно воочию предстала Жансая. О Боже, сколько вопросов таят в себе загадочные глубины её глаз!

Эпилог

Древнюю индийскую книгу «Вишну Пурана», написанную три тысячи лет назад, тибетские монахи переписали на санскрите. Николай Рерих, прочитавший её, оставил потомкам в наследство свое творение «Семь великих чудес света». В главе «Вторая тайна» говорится: «Ты жив, но ты находишься вне времени, смертные существа не могут воссоздать тебя в своем воображении, ты – сама жизнь, ты не являешься ни душой, ни духом. Ты – всеобщая душа всех душ, которые когда-либо проходили по земле». Поэтому анализировать её, задаваться глупыми вопросами – величайший грех. Даже Сократ отказался доискаться, что является первоосновой вселенной. Есть единственная непреложная истина: все бездумные, несправедливые действия смертных, противоречащие постулатам Вечной книги, превращаются в злоеющие тучи, которые больше скапливаются над всем человечеством. Человек деградирует не по своей воле, это происходит по той причине, что сердце теряет грань между запретным и доступным; он потакает своим слабостям, воля его становится мягкой, как воск; опускаясь все ниже и ниже, срываясь в бездну, он тащит за собой и других людей – подобно человеку, падающему в колодезь, который бессознательно хватается за все вокруг.

...Айбар, с отличием закончивший всемирно известный, старинный университет Великобритании, мечтавший помочь подняться своей молодой республике на качественно новую ступень развития, смело взявшийся за совершенствование программы «Болашак» для того, чтобы будущие соискатели получили более всестороннее образование, случайно заразившись смертельным вирусом и пораженный синдромом иммунодефицита, уподобился породистой скаковой лошади, запалившейся и павшей, не достигнув финишной ленты. Друзья и товарищи Айбара, стараясь его успокоить и утешить, носились по городу в поисках лекарств и хороших докторов, уверяли, что еще есть надежда, что можно из-за границы достать сильные препараты, вызвать знаменитых врачей. После неприятного инцидента в доме Жансаи, Айбар еле убедил уехать своих родителей домой. Проводив на вокзал непрестанно плачущую мать и горевавшего, глотающего слезы отца, он в подавленном состоянии вернулся в свое жилище. У него было такое ощущение, будто кто-то сильный и безжалостный вырвал его внутренности и выбросил на помойку.

В уютную квартирку в центре Астаны вошел не Айбар, а его призрак. Захлопнув дверь, он обессилено опустился на стул. Не замечая времени, сидел неподвижно, безвольно опустив руки, подобно равнодушному каменному истукану. Синий телефон у двери почти беспрестанно издавал нетерпеливые звонки. Но Айбар словно не слышал настойчивый трезвон. Снова назойливый, длинный звонок. Как человек, внезапно пробудившийся ото сна, Айбар, вскочив с места, с остервенением выдернул шнур телефона, но его второй конец был прикреплен к стене. Наступив на него ногой, с треском оборвал. Торопливо схватив стул, поставил его под люстрой. Поднявшись на стул, крепко привязал шнур к крюку, на котором висела люстра, сделав петлю, он просунул в неё голову и, не раздумывая, ударом правой ноги выбил стул из-под себя.

...Асемай-апа ненадолго пережила Айбара. Когда услышала о том, что её несчастный единственный сын повесился в собственной квартире, она попала с сердечным приступом в больницу и там скончалась. Прежде всеми уважаемый, замечательный юрист Арыстан-ага, как помешанный, сутками сидел перед портретом сына. На работу не ходил, ни с кем не разговаривал. Когда навещалась сердобольная соседка, чтобы его покормить, он послушно ел, если ей было некогда, он и не помышлял о том, чтобы что-то себе приготовить. Он превратился в автомат. Если говорили «ложись» – покорно ложился, «одевайся» – одевался. Никого не узнавал. Односельчане жалостливо вздыхали и утверждали, что он долго так не протянет и скоро последует за своей женой и единственным сыном...

**Литература народов Казахстана
Русская литература**

Дмитрий Снегин
(1911-2001)

Флами, или Очарованные собой
(*Степная сказка*)

Повесть

Новая повесть «Флами, или Очарованные собой» Дмитрия Сергеевича Снегина была написана в год его 85-летия. Она повествует о юношеской любви и поездке студентов на сенокос в 30-е годы. Ретроспективный взгляд автора в прошлое позволяет осмыслить его с сегодняшних позиций, раскрыть характерные черты того времени и самобытные характеры двух влюблённых, смысл жизни которых неразрывно связан с великим чувством и Судьбой.

К читателю

У каждой новой волны молодых людей – свои надежды и разочарования, прозрения и заблуждения, возможности и свершения; своя дружба и вражда, своя судьба и свой рок, свежесть любви и неприятие нелюбимого; своё понимание чести и долга, исполнение дарованного природой предназначения. Короче, своя Жизнь и своё Время.

Размышлять о влиянии счастливой поры юности на формирование личности (в конечном счёте – общества) мы пытаемся на склоне лет.

Сожалеть не стоит – в этом генетическом коде, должно быть, заложена одна из глубоко нравственных черт бытия: преемственность и неразрывная связь поколений. Накопленный опыт роднит и обогащает нас и влечёт-влечёт по тернистому пути к совершенствованию; влёты и падения постоянно испытывают нас. Что-то из прошлого принимается, приходится ко двору, что-то отвергается, как ветошь. Главное же – дерзкие прорывы в непознанное отцами и дедами.

Но как ни животворны узы единения и родства, с годами они деформируются, тускнеют. Освежить и вернуть им первородный неискажённый смысл способно лишь Слово памяти, оставляемое теми, кто в «далёкую (близкую) старину» был молодым и жил своей Жизнью в своё Время.

Юность автора сих строк и его сверстников приходится на тридцатые годы богатого контрастными потрясениями XX века. Предлагаемая чита-

телю книга «Флами, или Очарованные собой» отдалённо не претендует на обобщённую картину той переломной эпохи в истории нашего богато талантливого многострадального Отечества. Это эскиз (срезы) некоторых событий, лично пережитых автором, когда любовь и размолвки бурны и непредсказуемы, впрочем, как и другие чувства и поступки.

Всё достижимо и возможно. И никаких недозволенностей! Не больше, но и не меньше того, что может возбудить интерес современного читателя к давно минувшим дням.

25 марта 1997 года

Автор

Вместо прически

Дядя Андрей был заядлым охотником. Однако дичь выслеживал с разбором. Малого бурого медведя и снежного барса – в ущельях Алатау; в предгорьях Джаланаша – благородного пятнистого оленя, известного казахам под названием бугу; в низовьях реки Или – балхашского тигра. Богато было экзотическим зверем Богом почитаемое Семиречье в пору его молодости!

Как всякий удачливый охотник, дядя Андрей обладал самобытным талантом рассказчика и балагура. Тут ему не было равных. Но и он восхитился моим живописанием того, как своим поцелуем я исцелил смертельно больную Олёнку. Произошло это в детском саду – мне шел шестой годок. Узнав, кто она, дядя похвалил:

– Глеб, ты выбрал достойную симпатию: нежная и чистая, как розовая фламинга.

Он не сказал «фламинго», а в женском роде – «фламинга». Вообще с детьми он вел себя на равных.

Колонию уже по тем временам редких птиц он вспугнул в непролазных джунглях Прибалхашья, преследуя раненого тигра. По его словам, оперение чудо-птиц, их гогот, взмахи крыльев, игры-забавы на земле и в небе как бы высекали потоки прозрачных невесомых лучей, отчего все в округе преображалось, распутившись трепетным нежно-розовым цветением.

Рассказ дяди Андрея навсегда запал в душу, меня неотступно преследовала мечта встретить свою жар-птицу. Спустя годы заветное желание сбылось.

Её звали Августа Фосс. Она розово светилась и благоухала. Зарделся и я.

– Ты не Августа! Ты Флами... Флами! Понимаешь, отсекаем от слова «Фламинго» несуразное «нго» и рождается нежное, теплое, розовое-розовое имя – Флами!

Она пришла в восторг, но, вероятно, от своей находки.

– И ты никакой не Глеб!.. Отсекаем от твоего имени гилотинообразную начальную «Г» и получаем призывное имя Леб... Понимаешь, оно сродни певучему созвучию Ли-иб... Ли-иб... Ли-и-ибен. И твоей фамилии созвучно – Ливнев! Освещает, как летний ливень.

– А твоя?

Глаза Флами плутовски заискрились.

– Фосс... фырчит, как испорченный примус!

(Замечу мимоходом: с милой причудой Августы меня многие начнут звать Лебом. Один Юра Воскобойников будет с вызовом окликать на фамилии – Ливнев). Мы радовались, уже очарованные собой, и видя (слыша) только себя. Первые мгновения первой любви и безгрешного безрассудства! Как они прекрасны и быстротечны...

Чем дальше отодвигается во времени событие, пережитое нами, тем ярче предстает его очарование и глубже видится трагедийность. В этом свойстве человеческой природы заключена большая опасность: чем позднее мы обращаемся к воспоминаниям, тем дальше отдаляемся в своём представлении о пережитом от действительной картины, искажая ее в стремлении к зрелой правдивости.

Избежать роковой ошибки в русской литературе удалось трем гениям: автору «Слова о полку Игореве», Льву Толстому и Антону Чехову.

Произнеся высокие имена, я почувствовал себя на краю обрыва. Внутри сделалась тишина: многие читатели не согласятся со мной! Их несогласие я приму, как справедливость; приму как справедливость и саркастическую усмешку тех, кто число трех гениев, мною упомянутых, увеличит до четырех. Стерплю и не отступлюсь от внутреннего веления доверить перу и бумаге романтическое приключение далёкой студенческой поры. Отдаю себе отчет: в нем спорно, недоказуемо каждое движение, каждый штрих. Бесспорно одно – и трагедии, и очарования с чего-то начинаются...

1

Лето тридцать первого началось удачно: я закончил рабфак и успешно сдал вступительные экзамены в Алма-Атинский сельскохозяйственный институт, стал студентом плодофака. От обилия свежих впечатлений и стремительных новых знакомств кружилась голова, грудь

распирала беспечная радость в предчувствии независимых от семейного уклада вольностей и полной самостоятельности. К тому же эти перенасыщенные зноем дни и колдовские ночи родного Семиречья, сулившие ранее неизведанные приключения, переполненные вселенским сиянием, крепкими запахами чебреца и неповторимыми звуками, схожими то с бормотанием горного родничка, то с выпуклым, бархатистым жужжанием добродушного и со всех сторон очаровательного шмеля. Все, все призывало – любите и радуйтесь!

Как свидетельствует моя крестная, я был влюбчив с пелёнок. Солнечные зайчики, резвившиеся на свежепокрашенном золотистой охрой деревянном полу горницы; белогрудые облака в синем небе и душистые соцветия махровой сирени, обрамлявшей дворик дедовского дома; лопухий телок у порога сеней, мечтательно и длинно-длинно цедивший из своего краника тонкую, как паутинка, непрерывную струйку; шустрые воробушки, склевывавшие с ладони зёрна и хлебные крошки, – вот предмет моих первых loves. Даже медовый пряник, по уверению той же крестной, не мог отвлечь меня от созерцания огнистоперого петуха, потрошившего своими железными когтями сноп необмолоченной ржи и приглашавшего на пиршество весь свой гарем.

Теперь понимаю: то было неосознанное, инстинктивное любовное поминутно открываемым миром. Но не в нем ли таится чувство истинной любви? Первый поцелуй..., первое страдание?

Меня отдали в детский сад. Я попал в пеструю, непредсказуемую в своих проявлениях, звонкоголосую компанию. Нас чинно прогуливали по ухоженным аллеям архиерейского подворья. В паре со мной грациозно вышагивало белокурое нежное создание в розовом, с воздушными оборочками, платьице. Звали девочку Олёной. Она щебетала подобно райской птичке, отчего огромный, похожий на пион, розовый бант на макушке ее головки трепетал всеми лепестками, схожими с перышками розовой фламинго. Сжимая ее теплую ладоньку в своей руке, я млел от счастья и чувственно улыбался.

Наша наставница (и на склоне лет помню ее имя – Агафья Галактионовна) принадлежала к артистическим натурам пытливого ума и тонкой воспитанности, была убежденной сторонницей художественной самодеятельности; прививала дух изящного младому поколению без назойливости и принуждения, но настойчиво, талантливо. В очередном представлении, ею расписанном, главными действующими лицами оказались Оленка и я. Все в той сцене было трогательно и высоко нравственно. Судите сами. В трагедийно-пасмурную ночь внезапно заболевшая героиня томится у окна в ожидании чуда. Исцелить ее может только Месяц,

если своими лучами прорежет толщу мохнатых туч, озарив личико страдалицы. Не трудно догадаться, молодой Месяц (им был я!) выказал себя с лучшей стороны... Прильнув трепетными губами к воспаленным губкам Олены, я мгновенно исцелил ее от недуга! Агафья Галактионовна была растрогана и взволновала не меньше и обласкала нас, как это умеют делать богато одаренные натуры. Олена одухотворилась повторно и пылко поцеловала меня в щеку.

Верьте не верьте, но и ныне, стоит мне сильно разволноваться, на том месте проступает алый отпечаток поцелуя, как кристально чистый знак памяти о первой осознанной любви!

– Все это выдумки! – возмутится иной читатель. – Такое бывает только в сказках.

Верно: сказка – ложь, да в ней намек. Так считал и наш Великий Поэт. Таинственные, загадочные неожиданности подстерегают нас со дня рождения и не выпускают из своих сетей до последнего вздоха. Мы об этом не догадываемся, пока они не становятся мучительно сладкими воспоминаниями. Но и воспоминания непредсказуемы. Не успело во мне возникнуть имя «Олена» как зазвучало – «Августа». Знак судьбы: пора рассказать все по порядку.

2

Итак, я студент Алма-Атинского сельскохозяйственного института! Директор – Ураз Кийкимович Джандосов в торжественной обстановке вручил нам удостоверения. Он блестящий оратор и умница, общителен и улыбчив, искрится юмором. Озорно поблескивая яркими глазами, наставляет:

– Вы первенцы нашей Альма-Матер, а потому можете считать себя счастливыми. Счастливыми вы еще и потому, что вам первым представилась возможность доказать на деле, какие вы славные и преданные дети земли.

Гул одобрения с нашей стороны вызывает на лице директора плутоватую улыбку.

– И то сказать, аудитории нас подождут, а вот травы в степи могут перестоять. Поспешим же в Акмолинскую степь на помощь местным сенозаготовителям!

Мы поспешили, переполненные поступками и желанием, что сопутствуют искателям романтических приключений. Бригада, в которую был зачислен я, состояла из семи человек. Священное число! Знак успеха и исполнения самых дерзких шагов. Нашим бригадиром оказался Петр

Федорович Федюкин. Он статен, высок, смеется громко, открыто... Но с чего бы это я возвеличил по имени и отчеству своего однокашника по плодофаку? О, время моей студенческой юности было отмечено перво-разрядными приметами. Вот одна из них. Страна Советов лихо расправлялась со специалистами царской чеканки и позарез нуждалась в своих, пролетарского толка кадрах. Вот почему в открываемые в республиках Союза высшие учебные заведения, наряду со вчерашними школярами, к каковому относился и я, зачислялись на льготных условиях переростки, успевшие выказать себя активистами соцстроительства, – секретари партиячек, комсомольские вожаки с сединою на висках, сотрудники следственных органов, буденновцы, о коих былинные речистые уже слагали легенды, беспартийные большевики.

Петр Федорович был старше меня лет на десять-двенадцать. Женат, имел двух детей.

Пил. Пел. Не без оснований слыл ловеласом. В партию его не пустили: родитель имел довольно высокий чин в железнодорожных кругах России, служил начальником дистанции. Уходя в мир иной, передал своему первенцу фамильный кондукторский свисток ручной работы, из серебра, на толстой медной цепочке. Пётр Федорович не расставался с талисманом, даже удостоившись доверия быть беспартийным большевиком. Преодолеть классовый барьер ему помог заведующий курсами ликбеза, где Пётр Федорович обучал передовиков производства азам русской грамоты, вполне в духе нового времени. Компанейский, незлобивый, искренний, он везде был ко двору.

Несмотря на разницу в годах и семейном положении, мы скоротечно стали закадычными друзьями... Погибнет Петро, погибнет в печально и победно знаменитом прохоровском танковом сражении. Жизнь не успеет досучить нить его земной сказки до естественного конца. Как хорошо, что мы не знаем об этом, оккупировав верхние полки дряхлого плацкартного вагона, горланим блатные песни, утоляем голод ржавой селедкой, запивая ее крутым кипятком. Мы счастливы, и наш орел-бригадир, и мы, достойные птенцы «гнезда Петрова». Нас объединяет студенческое братство, самое совершенное братство дружбы.

Но какие мы разные!

Вот Юра Воскобойников. Тихоня. Низкий, но умный выпуклый лоб прикрыт редкой, постоянно влажной челкой; близорукие глаза ревниво обшаривают каждого из-под толстых стекол чиненых-перечиненных очков с плоскими ланцетовидными дужками; крупные жирные губы постоянно шевелятся, будто их обладатель поминутку не то за кого-то молится, не то шлет кому-то проклятия. Толстые икры косолапых ног,

рыхло прикрытые парусиновыми штанами, подрагивают; подрагивают и короткопалые руки, будто томятся от безделья. Голос у Юры писклявый, вкрадчивый, быть может, въедливый. Он мне чем-то приятен, но чем-то и отталкивает. Быть может, тем, что однажды вкрадчиво спросит: «А правда ли, начинают писать стихи тогда, когда надо отбить у более удачливого соперника его зазубу?» Тогда меня покорила корявость фразы, но позднее я пойму: Юра это делает сознательно.

Противоположен ему Аймак Джангалиев. Силен духом и телом, порой агрессивен. Не удивительно: он достойный отпрыск воинственного рода Адай. Вечно в поиске и всегда добивается своего. В дружбе верен до самопожертвования, но не прощает ни крупных, ни малых измен. Независим, в успехе, в промахе ли остается самим собой. Тяга к самосовершенствованию, как покажет время, увенчается крупными успехами на научном поприще.

Девиз Бориса Раушенбаха (Не путать с ныне всемирно известным академиком Борисом Викторовичем Раушенбахом!) – честность, порядочность, обязательность. Немного грузноватый, он расчетлив и быстр в движениях, но не суетлив. У него все упорядочено, целенаправлено: и мысли, и дела. Он везуч, хотя не везет Борису в одном – в любви. Не оттого ли его голубоватые, чуть навывкате глаза подернуты грустной поволокой? И еще один штрих к портрету: Раушенбах не знает чувства ни белой, ни черной зависти; редко встречаемое в нашей жизни благородство!

Заводится с пол-оборота жгучий курчавый брюнет Аршайлус Гукасян. Он зноен и порывист в споре, несдержан в выражении своего не всегда праведного гнева, но как никто отходчив, доверчив и открыт в дружбе. Эту дружбу мы пронесем незапятнанной до седых волос; и нас будут называть братьями. Но Боже, как он безалаберен! Кто бы мог подумать, встречаясь с ершистым пареньком, что видит перед собой крупного специалиста-виноградара, доктора наук и заботливого отца многочисленного семейства, правда, не в первом браке.

Пора замолвить слово о наших девушках, представленных в бригаде Августой Фосс и Лидой Тепловой. Прежде – о Лиде. Крупнотела, с видной грудью и бутылообразными ногами; густоволоса с рыжими искрами в ореховых глазах плутовка, если не сказать бестия. Об ее интимных отношениях с нашим бригадиром начали шептаться чуть ли ни с первым перестуком колес. Беспечность Лиды Тепловой не знала границ, и редко кто из нас догадывался, что жила она себе на уме, являя редкий экземпляр молодежи того отрезка совэпохи. Всех нас приучали самоотверженно и бескорыстно трудиться во имя светлого будущего, а не играть

в шыры-муры. Лида играла..., и еще как! В наше перестроечное время мы увидели бы ее за рулем какого-нибудь мафиозного АО, срывающего не только цветы с чужих полей. Всевышний поспешил призвать ее к себе, высвободив сердце доверчивого Гукасыяна для более счастливого выбора.

Вот, пожалуй, и все о персоналии составленном в твоих интересах, терпеливый и верный мой читатель... Нет, нет, о седьмой персоне – Августе Фосс, я не забыл. Не мог забыть! Со встречи с нею, собственно, и начинается моя степная сказка. Она, Августа, ее златотканная нить...

3

В вагоне мы не прикасались друг к другу, но нас притягивал незримый магнит, подобно тому, что соединяет полюс со знаком плюс с полюсом со знаком минус. Раньше нас это почувствовал Юра Воскобойников, чаще и чаще пепеливший меня взглядом сквозь неряшливые, с ланцетовидными дужками, подростковые очки. Он болезненно-ревниво любил Августу, называл Густой еще на школьной парте образцовой десятилетки города Семипалатинска. Оба они медалисты: у Августы – золотая, у Юры – серебряная. Это помогло им без особых неудобств поступить в только что открытый в столице республики сельскохозяйственный институт. Похоже, она подавала надежды, возможно – реальные надежды. И вдруг – магнит, соединивший нас! Было отчего взбеситься уверенному в себе.

Она перестала отвечать Юре лаской на ласку, демонстративно отстранилась. Тогда он мне напомнил: чего ради начинают писать стихи. Но покидать поле боя не собирался. Раза два ему удалось перехватить неверную в тамбуре и сказать что-то обидное, мстительное, он даже попытался обнять ее. Но Августа пружинно направила в его впалую грудь свои пухленькие, крепко сжатые кулачки и едва не опрокинула домогателя под колеса дребезжавшего на все лады вагона. Воскобойников судорожно уцепился за поручни, его левая нога повисла над крюками сцепки бестелесной ветошью, так он ослабел от обиды. Августа не подала ему руки, мягко и горделиво вскинула свою белокурую, в короткой стрижке голову и величаво прошла, не замечая меня, по зыбкому коридору к своей полке. Не ответила и на затаенный вопрос Лиды.

Как догадался читатель, Юра и Густа «навек» полюбили друг друга еще в школе; не скрыли своих чувств (по настоянию Августы) от родителей. Добропорядочная семья немцев-колонистов к выбору дочери отнеслась сдержанно, но надежды не погасила: позднее проявится – как и что. Мать Юрия (отца он не помнил, утонул в Иртыше, когда ему и года не исполнилось), напротив, посчитала выбор слабохарактерного сына

счастливым: практичная и здравомыслящая жена, а Августа виделась ей именно такой, могла стать ему опорой. Да и влюбленные были готовы расписаться хоть сейчас. Но на большом родительском совете решили: свадьбе быть после поступления чад в институт.

Все бы сложилось по задуманному, если бы переменчивая судьба не заманила влюбленных на сенозаготовку. Стрелка компаса заметалась, силовое притяжение поменялось. Как подметил великий толкователь русского слова, любовь безумит! Перемена в равной степени ослепила и меня, и Августу. Зорче нас, как убедится читатель, окажется Юра Воскобойников. В вершинах треугольника возникнет предельное напряжение.

– Я люблю и любим! – пела во мне каждая потаенная струнка, когда мы, наконец, оставили уютное жилище на колесах, названное самой наблюдательной из нас Августой «вагоном знакомств без церемоний» и на перекладных двинулись с севера на юг вдоль строящейся железной дороги Петропавловск – Акмолинск.

Не скрывала своих чувств и Флами. На вторые сутки нашего караванного кочевья она как бы мимоходом поцеловала меня в подбородок, спрятав руки за спину, отчего ее груди под ситцевой кофтой затрепетали, как две белые куропатки, попавшие в силки. Позднее я намекну об этом Флами. Она смаху отвергнет «белых куропаток». Она предпочитает сравнивать свои неровности с налитыми медовым нектаром ранетками из гросс гарден, где на ветвях зреет филе, филе апфель. Но самые лучшие ее, Августы, ранетки. Доказательством тому служит мой «твой, Леб» выбор.

Юра Воскобойников постанывал и теперь пепелил взглядом не только меня, а и изменницу, любя ее сильнее прежнего. Однажды, когда наша бригада расположилась табором вокруг цыганского костра посреди степи па ночевку, Юра вытеснил меня из светового круга, потно облапил.

– Ливнев, верни мне Густу... ты удачливый, наловчился строчить вирши, от которых все девушки без ума... меняй, как перчатки, а я однолюб... Ради Густы овладел немецким... без нее мне не жить... покончу с собой, неужели тебе не будет больно, не замучит совесть?!

Печаль его была не то что светла, а правдива. Внять бы мне. Но я обиделся за Августу.

– А ей не будет больно?

Юра откачнулся от меня и, скорчившись угловато, замер. Широко открытым ртом он заглывал воздух, не выдыхая, и мог задохнуться. Я помог ему распрямиться и он, наконец, выдохнул.

– Пойми, ты ей не пара. Густа – натура цельная, чуткая, не сегодня, так завтра разгадает тебя и отвернется так же легко, как легко изменила мне...

Слово «изменила» ему далось трудно.

Внять бы мне, внять. Но я не внял. Я любил. Любил сердцем, дыханием, жестом, всеми порами души и тела; наслаждался звучанием ее то глубоко грудного, матового голоса, то звонко, чисто очерченного, как если бы звуки слетали с клавишей классического аккордеона, а не с желанных губ Августы. Я обнимал, кружил, нянькал ее на руках, бегал вперегонки, обжигая ноги жестким ковылем или, затаившись в овражке, целовал невпопад мою... да, да, сегодня и всегда мою Флами, мою Августу, содрогаясь от прикосновения ее розовеющей от возбуждения полуобнаженной груди. В самом имени струилось что-то яростно-знойное, загорелое, золотистое, плодородное и царственно-щедрое. Не оттого ли юная-юная Августа порой мне виделась зрелой, опытной, и смущенно-обольстительной, как избранница Рембрандта солнцеликая Саския. К тому же – степь. Она колдовала, завлекала космическим безлюдьем и космической ширью. Она была одна во всей Вселенной. И мы были одни в ее плоскостном безбрежье.

Безбрежность степи, мнилось, велика оттого, что воздух, ее оберегающий, серебрист и пронзительно прозрачен. Видна, как на ладони, каждая былинка, прильнувшая к миражно-отдаленному горизонту; беспрепятственно и незримо кочующие запахи и шорохи подчеркивают безмолвие и величие степи. Хочется упасть навзничь, раскинуть руки, смежить глаза и, отрешившись от роковых страстей времени, раствориться в вечности. Над ней, слышал, время не властно... Что-то подобное, невразумительное бормотал в минуты экстаза я своей возлюбленной; она соглашалась и не соглашалась:

– Мы не растворимся, мы всегда будем молодыми... мы любим!

Увы, обмануть время нам не удалось, как не удавалось это сделать на протяжении веков ни пылким юным мечтателям, ни энциклопедическим умам. Шажки секундной стрелки по циферблату небесной сферы, вопреки нашему хотению, меняют все сущее, и мы становимся другими... Ни шатко, ни валко двигалась вдоль железнодорожной новостройки и наша священная семерка, пока не достигла рубежа, на котором в изнеможении пыхтел маневровый паровичок. Он робко опирался колесами о рельсы, только что прикрепленные на живую нитку к шпалам.

Налюбовавшись паровичком, я обнял Августу за плечи со спины и дохнул ей в затылок:

– Умаялся трудяга... правда, симпатичный?

Она прикрыла ладонью и нос и рот, сооротив смешливую рожицу.

– Он гадкий, из его утробы несет угольным перегаром, и степь перестает благоухать.

Как точно она была в своих определениях! За короткий срок степь напитала нас первозданными запахами, и мы воспротивились вторжению ароматов разогретого топкой (и солнцем) жирного металла. Но, признаюсь, однообразии картин на путях нашего кочевья утомило, и мы загостились у обитателей головного стройпоезда.

11

Биен Мырзагельдин, как помнит читатель, во мне запечатлелся с беспокойной «блошинной» ночи. И не только внешний облик. Голос – глубокий, приглушённый. – Однако, мне и отдалённо не могло померещиться, что скульптурно отлитый всадник, с малоподвижной, несколько усохшей левой рукой – личность необыкновенная, и посееет в моей душе, не постыжусь выспренных слов, семена высокой нравственности.

Признаюсь: первым из друзей разглядит на мне тамгу из коржуна премудростей Биена пронизательный Аймак Джангалиев. Сходно подражая «нашему хозяину», иронично усмехнется:

– Щедро раздавай знания, не замыкай их на себе... Не руби дерево, которое дарит тень, цветы и плоды; оно посажено не только для тебя!... Вижу, и тебя пронял до мозга костей доморощенный мудрец и Бесстрашный бала.

– Мудрец, понимаю. Но при чём тут Бесстрашный бала?

– Как, ты ещё не знаешь?! – И провещал в манере Биена. – Не пытайся услышать все, иначе не преминешь услышать сплетню и о себе.

Я рассмеялся.

– И ты пропитался афоризмами Биена, как запахом жусана.

У Аймака, приметил читатель, постоянно под рукой колчан острословных стрел.

– Ты, как истый казах, кроме лени и равнодушия, бо-о-о-га-то одарён сообразительностью и восприимчивостью нового...А теперь серьёзно. В жизни нашего Биена был такой случай: когда ему перевалил первый период лет, на отару, которую он пас в степи, морозным снежным утром напал матерый каскыр. Мальчик бесстрашно схватился с голодным зверем и победил, хотя тот успел перекусить ему сухожилие левой руки. С тех пор селяне и нарекли его – Бесстрашный бала (мальчик)...

...Он был породы тех, кто прокладывает свою тропу. Поэтому и к литературным афоризмам он, в отличие от меня, относился не как с блеском раскрашенным бумажным цветам, а как к нектару, возбуждающему энергию поиска. Поминутно он обращался ко мне:

Помните, у Аль-Фараби: «Самое легкое в жизни – давать советы, самое сложное – понять самого себя».

Или:

– Как современен Абай: «У каждого смертного присутствует лень души, она родилась вместе с человеком; если она позволит владеть им, то избавиться от неё будет весьма сложно».

Или:

– Разве не прав Саади: «Фисташка без ядра, раскрывшись, осрамится». Вероятно, я был чем-то взвинчен. Ага – я фисташка без ядра. Пусть так...

– А у вас редкая фамилия – Мырзагельдин.

Свёртывая дастархан, Биен сдержанно отозвался:

– Казахи говорят: «У хорошего второе имя – коварный, у плохого второе имя – скромный».

Увеличивая симпатию друг к другу, наше противостояние накалялось. Я не остался в долгу.

– Слышал, казахи ещё говорят: «Только в плодоносящее дерево бросают палки».

Не в натуре Биена было разменивать чувства дружелюбия на локмое напряжение в угоду мнимой принципиальности.

– Эта поговорка бытует у многих народов, свидетельствует об их родстве. – И для меня неожиданно спросил. – А какое стихотворение, тобою сложенное, тебе уже нравится?

Откуда он узнал, что я грешу стихосочинительством, догадаться, было не трудно: ему надул в уши об этом всеведущий Узун-Кулак задолго до нашего знакомства. А вот почеркнутое «уже нравится» резануло по живому.

– Оно впереди.

Биен глянул на меня уважительно.

– На Востоке издавна известна мольба: «Господи, дай мне сил, чтобы справиться с тем, что я смогу сделать; дай мне мужества, чтобы смириться с тем, что я не могу сделать; и дай мне мудрость, чтобы отличить одно от другого».

Напряженно помолчал.

– Вершиной поэзии Абдильды Тажибаева я назвал бы строку: «Выиграл ли казах от того, что убил Кулагера?»

– Он – поэт, и утвердил этим, что он свободен и бессмертен!

– Согласен. Но бессмертный способен в критическую минуту сказать «Нет!»

– Нет! – пальнул я как из дустволки дуплетом.

Биен Мырзагельдин встрепенулся, как ловкий беркут в предчувствии охотничьей удачи.

– Нет «Да», нет «Нет»?

– Нет вашему утверждению: «Друг может быть лживым, враг никогда»... Нет вашему предупреждению: «Молва о прекрасном человеке всегда прекраснее, чем его быт. Поэтому не стремись попасть в его дом»... Мне наплевать на быт, мне дорог человек!

Я был перенасыщен дастарханскими премудростями, и во мне отключилось тормозное устройство, управляемое восприимчивостью и осмыслением происходящего. Вероятно, это почувствовал и Биен. Он статно распрямился, взметнулся в седло и цепко утвердился в нём. Я залюбовался всадником: сама независимость и готовность помочь ближнему и дальнему. И слова услышал независимые:

– Чтобы удивиться, достаточно случая, чтобы удивить, иногда не хватает целой жизни.

Случай удивиться не заставил себя ждать. Не успел иноходец оторвать копыта от земли по воле своего повелителя, как миражно возник Гукасыян. В крутых колечках черная голова взмокла, антрацитовые и печальные глаза слезно лучились. Из груди, ходившей ходуном, вырвался теноровый вопль:

– Воскобойников утопился!

Биен огрел камчой не знавшего подобного обращения Кулагера, и тот так рванулся вперёд, что едва не выскочил из-под седла вместе с всадником. Но Аршалуйс оказался еще расторопнее: обеими руками он хватился за стремя и повис над землёй неуклюжим кулем. Через мгновение они растворились в мглистом мареве.

Горький запах бессмертной полыни одурманил меня...

Литература:

Дмитрий Снегин. Флами, или Очарованные собой. //Степная сказка. Венки Абаевских сонетов. Бессонные ночи. Стрижи и проталины. –А.-А.: Ана тілі, 1997.

Немецкая литература

Герольд Бельгер (1934-2015)

Герольд Бельгер – писатель, переводчик, продолжатель благородной традиции немецких путешественников и этнографов екатерининской эпохи. Как много сделал он для Казахстана, говоря в своих статьях с болью в сердце о проблемах казахской литературы, её перевода на русский, немецкий и другие языки, – пишет Б.Капаньянов.

Писателем написаны более 50-ти книг с рассказами, повестями, романами. Одним из последних произведений писателя является роман «Дом скитальца» (2003).

Перед далью

*У дорог только одно направление –
они мчатся в будущее...¹*

Роберт Вебер

I

Мы едем и едем. Я засыпаю под монотонный стук колес и скрип ветхого вагона и просыпаюсь измотанный, сомлевший от бесконечной тряски, а мы все едем. Или это только чудится? Или дни и ночи только кажутся такими длинными?

За маленьким квадратным окошком мелькают поля, лощины, редкие безмолвные деревеньки.

Днем хорошо. Днем наш поезд стоит часто и подолгу. Тишина в первые мгновения оглушает. Но вот по вагонам прокатывается слух: стоять будем час, а может, и больше, и тогда нас, мальчишек, никто уже не в силах удержать в душных вагонах, на жестких, тесных полках. Какое наслаждение – чувствовать под ногами твердь насыпи! Вокруг простирается бурая степь, сливаясь у пустынного горизонта с небом, и в этом огромном пространстве, наполненном тишиной и запахом осенних полей, кажутся неестественно крохотными, игрушечными и надсадно отдувающийся паровоз, и покорно выстроившиеся за ним товарные вагончики.

Мне нравятся эти стоянки. Я никак не могу привыкнуть к ощущению ошеломляющей бескрайности, безбрежности мира; в мою душу ворвалось вдруг столько впечатлений и тревог, что пребываю все эти дни в состоянии взволнованности и смятения. И только на стоянках, когда с ватагой незнакомых мальчишек я ошалело мчусь вдоль вагонов, меня покидает ненадолго это странное, тягостное чувство.

Мне трудно поверить, что эта тьма людей едет в одном эшелоне. И никто никуда вроде не спешит. Один мой папа носится из конца в конец состава, мелькая то здесь, то там белым подолом халата. Иногда он останавливается у какого-нибудь вагона, роется в своем чемоданчике-аптечке, но уже через минуту я вновь теряю его из виду. Мы мечемся, как уго-

¹ Эпиграф к главам взят из стихов советских немецких поэтов.- Г.Бельгер.

релье, самые отчаянные из нас лезут под вагоны, что-то там находят, ощупывают, и пожилые женщины смотрят на нас почему-то грустными глазами и непривычно щедро одаривают домашней стряпней – шпрецелями¹, кренделями, пряниками, румяными, с блестящей глазурью баранками, обсыпанными маком.

Неожиданно взмывает, раскалывая прозрачную осеннюю тишь, требовательный, натужный гуд, и все бросаются к своим вагонам. Потом паровоз гудит еще, глуше, печальней и протяжней, точно мычит у калитки, вернувшись с выгона, наша Зорька. И вдруг вагоны вздрагивают, будто от испуга, и колеса, как бы нехотя, заводят свою унылую, опостылевшую песню: трак-та-та, трак-та-та, и мы снова едем.

Куда?.. Зачем?..

Мне кажется, о том же спрашивают и бесцветные глаза дедушки Пеннера. Пеннеры расположились на верхней полке рядом с нами, и я никак не могу сосчитать, сколько их. Им так тесно на своей половине, что сам Пеннер-отец с двумя сыновьями-подростками почти все время пропадает где-то внизу, у дверей. Жена его, рыхлая, растрепанная, точно насадка, кудахчет, ворчит, покрикивает на свой неугомонный выводок — рыжих, конопатых дочерей мал мала меньше.

Дедушка Пеннер... должно быть, проказливые внуки надоели ему до смерти: он даже не замечает их. Самая младшая и непоседливая забирается со своим горшком на нашу половину. Дедушка Пеннер в упор, пристально смотрит на меня, отчего мне становится не по себе. Поймав мой взгляд, он шевелит дряблыми, лиловыми губами, раскрывает беззубый рот и точно выдыхает: «А?» Никому нет дела до дедушки Пеннера, никто с ним не разговаривает, и, кажется, единственное его занятие — глазеть на меня испытующе-угрюмо и время от времени ворчливо строго вопрошать: «А?.. А?..»

Смеркается. В вагоне укладываются спать, потому что больше заняться нечем. И за квадратным окошком быстро сгущаются сумерки. Однообразно стучат колеса, покачивается, поскрипывает вагон, того и гляди развалится или опрокинется на поворотах, внизу у приоткрытой двери сидят, покуривают, подолгу молчат мужчины. Я вглядываюсь в сумрак: папы среди них нет. Значит, опять задержался в другом вагоне. А может, отстал от поезда? Я зябко вздрагиваю от этой страшной догадки и с тревогой смотрю на маму. Она, прижав к себе причмокивающую во сне Эльму, спит или просто думает, закрыв глаза. На гвоздике в углу белеет ее беретка. У мамы коротко остриженные черные волосы, темные

¹Сдобные сладости.

лучистые глаза, круглое смуглое лицо. Когда она смеется, на ее щеках появляются крохотные ямочки. Но в последнее время мама не смеется. Она молчит и почти не выпускает из рук Эльму. Папы все нет, и я волнуюсь. На каждой остановке он натягивает на себя белый халат, в котором кажется еще выше, хватая свой чемоданчик-аптечку с красным крестом и полумесяцем на крышке и спешит к другим вагонам. Он, оказывается, отвечает за здоровье всего состава.

Все тише в вагоне, и все громче стучат колеса. В противоположном углу проснулась девочка, захныкала спросонья, но тут же успокоилась. Под нами кто-то жутко храпит. В окошко струится лунный свет. Молочно-белая полоска косо пролегла по верхней полке, сломавшись, нырнула вниз и потянулась к двери, к узкому, с ладонь, проему. Полоска дрожит, вместе с ней дрожат и причудливые отблески на ней. У двери лунная дорожка обрывается. Я крепче зажмуриваю глаза, чтобы представить, куда тянется эта белая тропинка с затаенными бликами на ней, и вдруг отчетливо, до мелочей вижу покинутый наш дом, крыльцо, большую бочку в сенях с пахучей, в зеленоватой плесени, водой, в которой обитает диковинный со страшными щупальцами жук, пойманный папой в нашей речушке, где я с пацанами, бывало, целыми днями ловил раков. Я вижу излучину с разноцветными гальками на пологом берегу, площадь в центре села с крашеной трибуной на подмостках — любимые места наших игр.

Поезд замедляет ход, он почти останавливается, и тут с грохотом раздвигается дверь, кто-то большой и ловкий легко впрыгивает в вагон. Это — папа, он поднимается на полку, склоняется надо мной, поправляет одеяло и ложится рядом.

— Где ж ты так долго? — шепотом спрашивает мама.

— В пятом вагоне, — тоже шепчет папа. — С бабкой Дите плохо.

— Что с ней?

— Сердце... Плачет... Умру, говорит, посреди степей, в дороге...

— О боже!.. — вздыхает бабушка Пеннер. — Выходит, не я один не сплю в скрипучем товарном вагоне.

— А из третьего вагона мальчик убежал, — еще тише продолжает папа.

— Как... убежал?!

— На последнем полустанке отстал... нарочно. Коля Вагнер.

— Ну как же он так?! Большой?

— Четырнадцать лет... По дому, видишь ли, соскучился, по деревне, а больше всего по любимому псу. Отец растерян, мать убивается...

Пропадет мальчишка...

У меня начинает сильно колотиться сердце. Да ведь я его знаю, Колю Вагнера! Вихрастый такой, длинноногий. Вчера еще подбивал, уговари-

вал Яшу Пеннера бежать вместе. Помню, взахлеб рассказывал о своем Рексе да еще о каких-то древних курганах за деревней... Какой отчаянный!

– Если бы я мог... если б только мог, – слышится свистящий голос дедушки Пеннера, – я бы тоже ... пешком, ползком добрался бы до...

– Тише, отец, – говорит папа, – Что бы вы там делали?..

– И один бы прожил... Или умер... зато не тряся бы сейчас, не... – жарко шепчет дудушка.

Есть одно слово – длинное, мудреное, – которое часто повторяют взрослые, но я почему-то не могу его запомнить. Вспомню и тут же забуду. Но как же, как же?.. Ладно, утешаю я себя, утром вспомню, как проснусь, как только открою глаза, так сразу и вспомню, Всегда так. Бывает, забудешь что-нибудь перед сном – хоть лопни, не вспомнишь. А утром – бах! – и даже не думал об этом вовсе, а оно – вот оно! – будто из-под одеяла выпрыгнуло...

Стучат-стучат колеса, в квадратном окошке мелькают, мечутся тени. Скрипит, жалуется деревянный вагон, убаюкивает. Внизу, у двери, шепчутся, бормочут мужики; вспыхивают в их руках спички. Едкий табачный дым тянется кверху, щекочет ноздри. Глаза мои слипаются...

Я вижу длинную-длинную лунную дорожку, по которой ссутулившись, одиноко бредет и бредет вихрастый Коля Вагнер. Дорожка постепенно тускнеет, ныряет в сумеречные лощины, а фигурка одинокого путника становится все меньше и меньше, растворяется во мраке. Я засыпаю и уже сквозь сон вдруг вспоминаю слово длинное, мудреное, – которое сейчас у всех на устах: э-ва-ку-а-ци-я...

II

*Вкривь и вкось
как будто так издревле повелось –
ряды хатенок айбежали в поле.
ридрих Больгер*

Деревянные и саманные хатенки с резными ставнями и без ставней, кособокие, приземистые бани в зарослях бурьяна в конце огромных огородов, с ярко золотящимися на солнце подсолнухами в запущенных палисадниках, словно застыли, косясь друг на друга, на почтительном расстоянии вдоль глинистого косогора. Приютился хуторок на краю ковыльной степи неподалеку от речки. Днем здесь безлюдно, сонно, только отчаянно-горластые петухи то и дело – должно быть, от скуки –

устраивают переключку. Все меня поражает: и с низкими потолками дом, куда нас поселили, и непомерно большая, на полкомнаты печь, и сама хозяйка – молчаливая старуха. Но особенно изумляет и пугает меня простор, открывающийся во все стороны от хуторка, необъятный мир, в котором чувствуешь себя беспомощным. Мы будем здесь жить временно – так объяснила мама. И еще она сказала, что сейчас страда, хлеб созрел, но не убран, и сенокос еще не кончился в колхозе, потому что не хватает людей, и все приезжие, э-ва-ку-и-ро-ван-ны-е, мобилизованы на сельскохозяйственные работы.

– Что такое моби... ли... зованы?

– Это значит, – улыбается мама, – всем нужно помогать колхозу.

Папа встает спозаранок, когда я еще сплю, и приходит ночью. И мама прибегает домой нечасто, поест что-нибудь на ходу, сварит кашу для Эльмы и снова спешит на ток – это за косогором возле березового лесочка, где вымолачивают, очищают, просеивают на ветру пшеницу.

...Жарко на кухне. Бабка Кудрявцева с утра растопила печь и теперь с ухватом в руке заглядывает в ее черную утробу, что-то там переставляет, передвигает, и я не вижу ее лица, вижу только сутулую, узкую спину, серое длинное платье, из-под которого высовываются неправдоподобно огромные кирзовые сапоги. У окошка за чисто выскобленным столом сидит растрепанная Валя и деловито дует на бокастый румяный пирожок. Ее бабушка, несомненно, великая стряпуха. Какую только начинку она не придумывает для своих пирогов: то с капустой, то с картошкой, то с морковью, то с вишнями, смородиной, крыжовником. Валя, гримасничая, откусывает от горячего пышного пирога, и изнутри его еле заметной струйкой вьется пар. Я сглатываю: интересно, с чем сегодня пироги?

– Сейчас покушаем и пойдем играть, да? – постреливает на меня синими глазищами Валя.

Я киваю. С чем же все-таки пироги? От печки идет незнакомый, очень вкусный запах.

Мамы уже нет. Она и Эльму забрала с собой. Многие мамы берут детей на ток. Там, говорят, есть избушка.

С Валею мы подружились в первый же день. Она сама подошла ко мне, потрянула желтыми кудряшками:

– Тебя как звать?

– Гарри.

– Как? Как?

– Гар-ри...

– Гришка небось? – снисходительно улыбнулась Валя.

– Нет, не Гришка, – подумав, возразил я.

Валя, наверное, старше меня и потому сразу принялась мной командовать. Я хотел сначала возмутиться, но потом, когда она повела меня в огород и угостила смородиной, забыл о своем хотении. Почему-то имя мое ей не понравилось, и она предпочитает меня называть: «Эй, ты!»

Валя откусывает пирожок по краям, облизывает губки, дует на пальцы. Бабка с грохотом швыряет ухват в угол, задвигает заслонку и, топя сапожищами, подходит к столу и протягивает мне два раскаленных с подпалинами пирога. Лицо ее изрезано морщинами, глаза под насупленными бровями смотрят сурово. И вдруг губы ее расплываются в беззубой улыбке.

– Ешь, мальчик... Мамка твоя после обеда придет.

Я в нетерпении разрываю пирог.

– Это.. мясо?

Русское слово «мясо» я вспомнил только сейчас, в это мгновение, и удивился, откуда оно вдруг пришло, ведь не знал его и даже, кажется, не слышал никогда. Я почувствовал необыкновенную радость оттого, что так запросто, без усилия смог его сказать. И вообще это просто непостижимо, сколько русских слов я узнал, запомнил за эти дни, поймал на лету, пока живу в хуторке и играю с желтоволосой Валею.

– Хэ, – ухмыляется Валя. – Мясо захотел... Это требушина!

Все знает эта вертушка. Требушина! Надо спросить у мамы, что это такое. Что бы ни было – вкусно!

Солнце уже стоит высоко. Невесомые белые нити плывут в воздухе, цепляются за тяжелые, поникшие головы подсолнухов. На статной осине возле дома чуть слышно шелестят листья. Вот вздрогнуло дерево, сорвалось несколько листьев, они плавно закружились вокруг осины, как бы сиюсь удержаться в воздухе, ближе к родной ветке, но не удержались, заскользили по земле, потом покорно легли, словно глядя на тех, что еще беззаботно перешептывались в вышиве. Я смотрю на крайнюю избушку рядом с черной копешкой прошлого года сена. Туда поселили Пеннеров. Возле избушки никого сейчас не видно. Пеннер-отец работает в поле, жена его – со всем своим выводком, видно, тоже на току. Может, Яшка дома?..

Мы бежим на край хутора. Домик маленький, скособоченный, утонувший в бурьяне, и даже плоская крыша его, дерном покрытая, заросла чертополохом. У подгнившего плетня нашли пристанище сухие пегие кусты верекати-поля. Во дворе стоит телега без двух колес и с одной оглоблей, лежит деревянная колода, вокруг которой суетится клушка с уже оперившимися птенцами. Мне чудится, кто-то за мною следит. Я оглядываюсь: на завалинке, подстелив какую-то ветошь и опершись подбородком на

палку, греется на солнышке дедушка Пеннер. Он смотрит на меня долго-долго, качает головой, шевелит лиловыми губами и спрашивает, будто вздыхает: «А?» О чем он думает? Что он хочет сказать? Почему он смотрит на меня не то с укором, не то с жалостью?..

Жалко дедушку. Он – такой маленький, высохший – сам похож сейчас на куст перекасти-поля у плетня.

– Уйдем, – тормозит меня Валя, – уйдем отсюда.

Мне самому хочется скорее уйти. Но надо же что-то сказать дедушке. Говорить «Здравствуйте!», когда я уже собираюсь уходить, вроде бы неудобно. Сказать «До свидания!», когда я не произнес ни одного слова, тоже, по-моему, нехорошо. Что бы такое у него спросить? Пока я раздумываю, дедушка еще сильнее качает головой, и глаза его становятся еще печальней, и он уже сам задает свой неразрешимый вопрос: «А?»

Мы убегаем.

В конце огорода, вдоль плетня, густо растут акации, тальник и смородина. Здесь уютно, тихо, приятно припекает солнце, пахнет разогретой землей, прелым сеном, увядшей картофельной ботвой. Носятся вздвигаясь вперед, шелестя прозрачными крылышками, лупоглазые стрекозы. Кружатся, порхают бабочки. Я взбираюсь на плетень, держусь за длинные гибкие ветви тальника и смотрю на темнеющие заросли и дальше – на крутой каменный берег, по которому, вынырнув откуда-то, вьется дорога, и еще дальше – в степь, по которой плывут бесконечные таинственные тени.

– Что это... лес? – спрашиваю, опять чувствуя необъяснимую радость оттого, что знаю такое слово.

– Нет... Тугай. Леса дальше, – задумчиво говорит Валя. – Знаешь, сколько в лесу ягод! Был бы папаня дома, поехали бы за вишнями.

Я молчу. Я знаю, Валин папа, тракторист, на фронте бьет сейчас фашистов. Знаю, что он прислал два письма – я видел эти истертые треугольнички за иконой в переднем углу.

– А в тугае что есть?

– В тугае шиповник, смородина, черемуха. Только меня туда не пускают.

– Страшно?

– Не-е... Комары больно кусучие. И мошка. И заблудиться можно. Или в Ишим ненароком упасть.

– Ишим?

– Река так называется.

Мне вспоминается наша речушка, оставшаяся далеко-далеко. Она была мелкая, берега в ромашках, по краям стоял камыш, плавали кувшинки и лилии.

– А эти..., как их... раки есть?

– Какие раки? – Валя морщит носик. – Раков захотел! Щуки есть – во! И окуни, и пескари, и... Папаня всегда ловил. Ты ел пирог с рыбой?

Я вздыхаю. Ишим. Тугай. Степь... Интересно! Ничего этого я раньше не знал. А они всегда были. И Ишим, и тугай, и степь. А что там, за Ишимом, за тугаем, за степью?. И там тоже живут люди? Какие люди? И откуда они?

Дни проходят, проплывают, как тени за Ишимом. Уже и солнце погружается в пасмурь, и туманы по утрам окутывают хутор, и тогда кажется, один дом бабки Кудрявцевой остался на всем белом свете. Вот и кончилась работа на току. Мама занята стиркой, а бабка Кудрявцева топит баню. Из низкой узкой двери валит густой черный дым. Из дыма выскакивает бабка в кирзовых сапогах и восхищенно шамкает:

– Ох, и банька будет! Ох, и попаримся же сегодня!

Сомневаюсь, что в этой яме, пропахшей угаром, можно мыться. Только измазюкаешься как черт.

Видно, и папа так считает. Придя с поля, он постоял возле бабкиной бани, помог натаскать воды, потом, сильно сгибаясь, залез в ее нутро, изрыгавшее клубы едкого дыма, но тут же выскочил и махнул рукой.

– Пойду-ка лучше в Ишиме искупаюсь.

По тропе меж густых зарослей бурьяна и полыни мы спускаемся в низину. Навстречу нам со стороны тугая бредут задумчивые коровы. Папа идет быстрым шагом, и я еле успеваю за ним. Как он изменился за эти недели! Похудел, загорел, оброс. Жидкие волосы прилипли ко лбу. Лицо вытянулось, и теперь нос кажется еще мощней. Гимнастерка выцвела на спине и плечах до белизны. В обвислые штанины галифе цепко вкогтились колючки репейника.

Тропа из низины поползла на рыжий бугор.

– Побежали, Гарри! За мно-о-ой!..

Мы летим по тропинке – выше, выше и, взбежав на вершину бугра, останавливаемся.

Ух ты! Какая ширь! Внизу, тускло поблескивая, застыла река. У берегов вода темная, а к середине она постепенно синееет, местами, на отмели, виднеется желтая песчаная полоска. Ни одной живой души вокруг. Справа Ишим зажат с двух сторон каменистым яром, а слева он течет вольно, лениво меж размытых берегов.

Мы спускаемся к реке. Папа быстро раздевается, осторожно входит в воду. Сделав несколько шагов, он восторженно ухает и, широко, сильно загребая, пускается вплавать. Он плывет и плывет против течения, пофыркивает, я бегу бережком, попеременно прыгаю то на одной, то на другой ноге, глубоко увязая в зыбучем песке.

– Давай! Давай! – кричит, подзадоривая меня, папа.

Вокруг него вода бурлит, пенится, и только руки его мелькают в воздухе. Я уже бегу во всю прыть, спотыкаюсь, падаю и вновь бегу, бегу...

– Сто-ой! Сда-ю-усть! – слышу позади папин голос.

Папа уже свернул к середине, встал на ноги, пошел по намытой песчаной косе. Там он стоит долго, высокий, сильный, смелый, один посередине незнакомой степной реки.

На берегу папа крепко, до красноты, растирается полотенцем, подпрыгивает, бодро одевается и все приговаривает с каким-то упорством:

– Хорошо, Гарри, хорошо! Хорошо!

Я не совсем понимаю, что он хочет этим сказать, но и мне почему-то кажется, что не так уж все плохо.

Наутро, когда я просыпаюсь, мама сообщает, что папа уехал в район. Там должны сказать, где мы будем дальше жить и кем будет папа работать. Мобилизация на сельскохозяйственные работы кончилась.

V

*Где они, слезы вчерашние?
Где он, прошлогодний снег?*

Бертольд Брехт

Еще не совсем проснувшись, я понял: что-то случилось. Такая необычная стояла тишина, какой и ночью не бывает. Словно уши заткнули ватой. Не свистит ветер, в трубе не гудит, и ворон горластых не слышно.

Мягко, без привычного скрипа распахивается дверь, и ноздри мои мгновенно улавливают новый запах, который, накатываясь волной, обволакивает мою постель и бодрит, свежит, будто грудь распирает. Мама опускает у печки вязанку только что нарубленных поленьев. – Посмотри, Гарри, как красиво идет снег!

Я отшвыриваю одеяло и лну к окну. За окном неслышно кружатся крупные белые хлопья. Снег плотно укутал землю, и дома точно вырядились в белые мохнатые шапки. Кажется, с неба, из-за плотной серой пелены, бесконечной волной опускается на землю, колыхаясь, белая воздушная кисея.

– Видишь, видишь?! – радуется вместе со мной мама. Щеки ее покраснелись, глаза поблескивают, от нее идет тот же свежий, бодрящий запах.

Я заметил, что мама восторгается любой погодой. Если солнечно и тепло, она говорит: «Красота! даже в дом не хочется заходить». Когда

черный ливень неистово хлещет землю, мама ликует: «Чудо-дождь! Все вычистит, всю грязь смое!» И даже пасмурные, хмурые дни ее радуют: «Как уютно! Самое время домашним делом заняться».

Снег – это, конечно, прекрасно, но мне-то как быть в моих обшарпанных ботиночках и жидковатом пальтишке?

После завтрака я вновь устраиваюсь у окна. Снег, кажется, идет ленивей, медленней, и мне хочется, чтобы он шел подольше, и тогда, может, не надо будет бегать вокруг дома десять раз.

На заснеженном пустыре появляется Ойрат.

– Мама, я пойду на улицу?

– Только не надолго!

На улице безветренно, тепло, но рыхлый снег сразу набивается в ботинки. Я выковыриваю его указательным пальцем и плетусь след в след за Ойратом. Возле дома Салима, единственного под железной крышей во всем ауле, нас встречает рыжий пес и добродушно помахивает хвостом, дескать, ладно уж, заходите, коли пришли.

В передней председательского дома многолюдно. Нас обдает жаром и кисловатым, удушливым запахом. Прямо от порога полукругом сидят на кошме старухи и молодайки в верхней одежде, и перед каждой из них стоит одно или два ведра с молоком. Седенький, весь в черном, благообразный старичок, исполненный важности и достоинства, восседает на подушке и крутит сепаратор, точно священнодействует. Монотонно и самодовольно жужжит сепаратор, будто мурлычет, млея от истомы, сытый кот. Из одного краника широкой тугой струей, пенясь, льется синеватый обрат, из другого – тянется тонкая, но густая желтоватая струйка сливок. Как не важничать старику, если во всем ауле только один сепаратор, и все эти женщины должны покорно сидеть и ждать, пока он прокрутит их молоко? Он точно сросся со своим сепаратором и даже не меняет отрешенной позы в то время, как женщины – кто цокая языком, кто качая головой – с любопытством разглядывают меня, робко переминающегося с ноги на ногу за спиной Ойрата. Для многих в ауле я все еще странный пришелец, и мое появление сопровождается неизменными словами – «першыл», «бала», «Кари», которые в сочетании означают: «Гарри – сын фельдшера».

Салима дома нет, он отправился поить жеребца, и Ойрат озабоченно чешет затылок. Он, конечно, надеялся, что после того, как сепаратор умолкнет, ему, Салиму и мне выпадет счастье слизать, жмурясь от удовольствия, густые сливки на чашечках и краниках сепаратора. Но, видно, сегодня нам это не суждено, и Ойрат, вздохнув, предлагает:

– Айда к Кабдешу!

Солнце робко пытается пробиться сквозь толщу туч, снег уже не идет, осел и теперь не так сильно лезет в ботинки.

Мы идем мимо школы. Здесь в самом разгаре потешная баталия. Грудь в грудь сошлись противники в глубоком сугробе. Особенно стараются предводители двух сторон – оба долговязые, крепкие. Один из них вдруг подбежал к Ойрату, подсадил его себе на шею, выбежал в круг, взбрыкивая, точно строптивый конь. Другой – горбоносый, пучеглазый, разгоряченный – тотчас схватил меня, тоже усадил верхом и закричал: «Держись!» Перестрелка снежками затихает, всем охота полюбоваться поединком предводителей. «Хватай! Вали! Дави!» – рычит подо мной горбоносый, и я соображаю, что должен схватить Ойрата за руку и стянуть с плеч того крепыша. Наши «кони» яростно сходятся, неистовствуют, толкаются, и толпа вокруг орет, подзадоривает. Азарт охватывает и меня, и я изо всех сил норовлю уцепиться в истертый воротничок Ойратова колушка. Мой «скакун» неожиданно заходит сбоку и, почувствовав, что я все-таки изловчился и поймал соперника за ворот, резко отскакивает в сторону, и Ойрат, вместе со своим «конем» потеряв равновесие, валится в сугроб. Ошалевшая от восторга толпа набрасывается на поверженных, устраивая кучу-малу, а горбоносый, не опуская меня на землю и ликуя, вприпрыжку несется в школу и невпопад орет: «Гутен таг! Гутен таг! Анна унд Марта баден». Я вконец растерян. То, что горбоносый надрывается: «Гутен таг!» – «Добрый день!» – еще куда ни шло, но с какой стати он вспомнил каких-то Анну и Марту, которые к тому же купаются, – совершенно непостижимо. Горбоносый ворвался в класс, опустил меня у доски, сунул мне в руку мел и вытянулся передо мной, подобострастно тараща глаза:

– Их бин хойте орднер¹.

Класс хохочет от острот горбоносого, а у меня от растерянности и стыда пылают уши. Тут-то и появился Очкастый Ганс с журналом под мышкой.

– Что такое?

– Это наш новый учитель немецкого языка, – продолжает дурачиться горбоносый.

Глаза Очкастого Ганса улыбаются из-за толстых стекол очков. Собственно, зовут его не так. Я слышал, как папа называл учителя, что-то очень похоже на «А-ха-ха-ка-ха - тович», но ни я, ни мама не можем запомнить его мудреное имя и потому зовем просто: Очкастый Ганс. Был такой учитель в маминой деревне.

¹ Сегодня я дежурный. (нем.)

– В десятый класс тебе, пожалуй, рановато, а? – говорит Очкастый Ганс.

В классе опять смеются.

– Ну, ладно... Иди...

Пусто в длинном коридоре. На стене – плакаты, газеты, карты. У входа на скамейке стоит громадный бак с железной кружкой на цепи.

– Этот Шаймурат – настоящий жынды... дурной, – говорит Ойрат.

– Какой Шаймурат?

– Да вот этот..., на котором ты скакал...

А-а..., этот горбоносый и впрямь, видать, забияка, задира, надо будет подальше от него держаться.

За школой тянется балка, за ней то здесь, то там темнеют неказистые домики. Самый крайний упирается в березовый колок. Здесь живет Кабдеш. От дома по глубокому снегу тянутся две колеи, а между ними – еще один след. Видно, недавно отправился куда-то на своих быках расторопный Тайшик.

Мы входим в низкую, душную комнату с одним окошком, и пестрый, тонконогий теленок, приязанный к косяку, глядя на нас печальными, навывкате глазами, в задумчивости пускает тоненькую, вялую струйку. Босоногая девчушка, вскрикнув, прыгает с дощатого настила и подставляет помятую консервную банку.

Кабдеш лежит на сундуке в углу, укрытый лоскутным одеялом. У него большая голова, глубокие, с желтизной, глаза и дряблый, старческий рот. Острые скулы выпирают из-под бледной кожи. В груди его булькает, свистит, хрипит.

– Больной, совсем больной, – удрученно качает головой Ойрат.

Всего полтора месяца проучился нынче Кабдеш: злая хворь уложила его в постель. Из брезентовой сумки у изголовья Кабдеш достает тетради и показывает нам свои последние рисунки: лес, корова с теленком, женщина доит кобылицу, усатый воин, вскинув саблю, мчится на скакуне во весь опор.

– Амангельды-батыр, – поясняет Кабдеш.

О таком герое я не слышал, и Кабдеш добавляет:

– Казахский Чапай.

А-а..., теперь понятно, Чапаева-то знаю, у него есть бурка и папаха. И еще двух батыров я знаю – Ворошилова и Буденного. У одного из них – огромный вороной конь в белых чулках. На фотографии видел. Еще очень хорошо рисует Кабдеш танки и самолеты, на которых ярко горят красные звезды.

– Карандашей нет, – вздыхает Кабдеш. – Один только остался..., вот.

Он показывает толстый, шестигранный огрызок: с одного конца красный, с другого – синий.

Мама Кабдеша разгребает длинными щипцами уголья в печке, вытаскивает из-под золы истыканную ножом, подгорелую по краям лепешку.

– Нан! Нан! – галдят малыши.

На круглое выровненное место в печке мама Кабдеша закладывает только что раскатанную лепешку, зарывает в золу, сверху кучей сгребает тускло мерцающие уголья. Потом она стелет поверх кошмы в середине скатерку, разламывает горячую лепешку, всем – и мне с Ойратом – сует по куску и принимается разливать щербатым половником кислое молоко из заляпанной кадки по деревянным чашкам.

– Айран! Айран! – ликует горластая орава.

Квашеное молоко пузырится, острый дух бьет в ноздри. Кабдеш садится, прислонясь спиной к подушке, и, покашливая, вяло жует свою долю. Чашка дрожит в его иссохших руках.

Мы уходим от Кабдеша притихшие и опечаленные. Солнце так и не пробило толщу туч. Дует низовой холодный ветер. Я прикрываю ладошками озябшие уши. Ойрат сворачивает по балке вниз.

– Там тамыр Мырзаш есть...

– Какой Мырзаш?

– Омара и Коспана сын.

– Что за Омар и Коспан?

– Кузнецы.

Я, поеживаясь, смотрю на продолговатое, из дерна сложенное строение между колхозным амбаром и фермой. Мало ли у Ойрата тамыров в этом ауле...

– Нет, нет, – решительно говорю я. – Домой надо, домой.

Аул хоть и маленький, а разбросан далеко. Промозглая мгла нависает над ним, а ветер уж снег метет с бугров.

Возвращаюсь я, промерзнув насквозь. Скорее бросаюсь к печке и жду, когда мне попадет за долгую самовольную отлучку. С мамой еще можно поладить и столкнуться, но с папой шутки плохи. Но он начинает вдруг говорить совсем про другое:

– Окоleet мальчишка. Надо что-то придумать.

– Я из своей жакетки пальто ему выкрою, – отвечает мама. – Немного бы ваты на подкладку.

– Что вата? Мне в Коктереке верблюжью шерсть обещали. А Афанасий из Козловки, может, пимы скатает.

– Хорошо бы...

От такого разговора становится сразу теплей.

– Знаете, чему я сегодня научился? Вот! Нан, айран, жаксы, жаман, сут, кар, Омар, Коспан, бала...

– Боже! – изумляется мама. – Эдак он мигом у нас казахом станет.

Польщенный похвалой, продолжаю:

– Жол – дорога. Сиыр – корова...

– Молодец! – говорит папа. – Учись. Казахский может тебе еще и пригодиться.

– Каким образом? – недоумевает мама. – Думаешь, долго здесь пробудем?

Она считает, что война очень скоро кончится и мы вернёмся домой. Это может случиться уже весной. Мечтая так, она поглядывает на папу, ей хочется знать, что думает он, но папа ничего не говорит. Да и где он, этот дом? Я напрягаю память, силнось вообразить, представить те места, которые мама называет родным краем, и – точно сквозь дымку вижу площадь с трибуной в центре кантона, излучину реки, еще... бабушкин дом в деревне... с летней мазанкой-бакхаузом, с сараем, высокими деревянными воротами. Все остальное чудится долгой и бесконечной дорогой, по которой мы едем на машине, потом в товарном поезде, потом – на грузовике, наконец на арбе, запряжённой быками...

Литература:

Герольд Белгер. Каменный брод. // Повести и рассказы. /М.: Советский писатель, 1987.

Корейская литература

Михаил Пак

(род. в 1949 году)

Михаил Пак – художник, ставший интересным писателем. Работы художника М.Пака выставлялись в Казахстане, России, на Украине, во Франции, Южной Корее. Участвует с персональной выставкой своих картин в Сеуле (1993, 1995), Париже (1995).

Известные романы и повести писателя – «Пристань ангелов», «Танец белой курицы», «Ночь – это тоже солнце». Героями произведений Пака являются люди творческой судьбы. Через все произведения писателя звучит острая боль из-за равнодушия людей к красоте, к искусству. Автор

неоднократно подчеркивает, что «красота нуждается в защите» от алчной и безжалостной толпы новых обывателей, не ведающих высокой нравственности и гуманизма.

Пристань ангелов

Главы из романа

Часть первая

Рыба

Высоко над головой раскачивался рыбий глаз. В первую минуту его можно было принять за солнце, висящее в зените, но это был настоящий рыбий глаз. А солнце, между тем, давно уже клонилось к западу, прячась вдалеке за темным пологом тучи.

Глаз рыбы источал янтарное сияние, и сама рыба, должно быть, достигла бог знает, каких размеров, если судить по тому, что глаз её занимал огромное – с футбольное поле – пространство неба.

Мужчина, одетый в клетчатую рубашку и джинсовые потёртые брюки с пузырями на коленях, вначале стоял, обратясь лицом к стороне, откуда пришёл – там, далеко стлался смог, выглядевший в свете заката радужным морским приливом, полосами, одна на другую, слоенным пирогом окутывал город в долине. Скрытый из виду огромный город жил яростной жизнью, крутился огромный его маховик, изрыгая жаркое металлическое дыхание, которое с трудом пробиралось сквозь пелену дыма, и достигало ушей человека, стоящего среди замшелых камней, в виде невнятных бормотаний, – казалось, это по-старчески ворчит неведомый зверь, устраивающийся на ночлег где-то рядом.

Лицо мужчины было бледно, и неподвижно, лицо без кровинки, будто жизнь его никогда не касалась. Только в черных азиатских глазах, обволоченных дымкой, что-то теплилось, – то мерцали слабые угольки. На угольках, неожиданно блеснув, выступили слезинки. Мужчина смахнул их тыльной стороной ладони, прежде, чем они оставили на щеках влажные следы. Потом он всем телом подался вперед, как если бы некто, стоявший сзади, толкнул его в спину с намерением свалить, но он удержался на ногах, посмотрел вокруг себя, приблизился к валуну неподалеку, рубленому неровно шершавым топором времени, но замешкался, не присел на него, подошел к другому камню поменьше, затем к третьему, торчащему из земли горбом верблюда... Человек ходил среди камней, точно лунатик, движимый безрассудным желанием. Вскоре он стал у моста, которое, похоже, и искал – у ямы. Наискосок от ямы возлежала мощная мертвая

сосна с голыми сухими ветвями. Упругие корни, извиваясь, точно змеи, уходили в темное углубление. Ухватясь за корни, мужчина сполз в яму, которая оказалась неглубокой, в полчеловеческого роста, неровное дно похрустывало сосновыми иглами. Человек медленно откинулся на спину, ноги же выпрямить из-за тесноты не удалось, лишь полусогнув в коленях, уперся подошвами кроссовок в стенку ямы, и только тогда он и увидел на небе рыбий глаз, огромный глаз, окаймленный перламутровым разводом и желтым слюдяным зрачком посередине. А неба не было. На его месте колыхался океан, с отдаленным гулким грохотом катил свои волны, – из пучины его и удосужилась выглянуть наружу громаднейшая рыба одним только глазом. Немигающий глаз взирал на человека, глаз рыбы, породу которой было никак не определить, потому что вся её остальная часть, – сама голова, туловище, плавники и хвост скрыты под толщей воды. Тяжелые волны с ажурной пеной мерно накатывались одна на другую, дыхание океана обволакивало человека, и человек почувствовал, как его собственное дыхание подхватывается вселенской энергией и уносится ввысь. Мужчина ничуть не удивился этой неожиданной встрече с рыбой, напротив, она ему была даже желанна. Лежа на сосновых иглах и с каждой секундой все сильней ощущая на себе скептический, равнодушный, ленивый, магический и неотвратимый взгляд рыбьего глаза, человек, казалось, наконец, обрел то единственное успокоение своей душе, которое так жаждал последние сутки. «Да, – проговорил он себе смиренно, – так все и должно быть». И успокоился. Из плоти его отошла земная тяжесть, и словно перестали вбирать воздух легкие, а ноздри бледного носа ничуть не подрагивали, отмечая осеннее буйство трав, их разнообразные терпкие запахи, которые усиливаются при закате солнца. Его одолевала усталость, его чуть-чуть тяготила эта сжимающая пустота, в глубоком черном дне которой эхом отдавался стук его собственного сердца. Но он знал, что это продлится недолго. Между тем рыбий глаз с упорством вахтенного на носу шхуны продолжал свое бдение за человеком, лежащим в яме, меняя постепенно цвет с янтарно-желтого на оранжевый, что делало его еще притягательней. «Ты явился сюда один, – вещала рыба беззубой своей пастью, и человек удивился, не голосу рыбьему, сиплому, как у пропойцы, падающему сверху, а её пасти, неожиданно высунувшейся из воды, гораздо меньшего размера, чем глаз, – шевелилась её нижняя губа с длинным усом в уголке, но отсутствовали хищные зубы, возможно, они стерлись от старости, или они таились в глубине? – Ты пришел сюда, на пустырь, – продолжала рыба. – Тебя окружают однообразные холмы, а за спиной, вдалеке, тянется гряда пепельных гор, – до них добираться еще целых два дня, – и нет в тебе ни сил, ни желания больше двигаться, а

посему решил остаться тут, на этом неприглядном диком пустыре, где никому бы в голову не пришло разбить на отдых палатку. Ты вышел из города в полдень, закрыл свою квартиру, а ключ бросил в почтовый ящик с номером 172, сел в первый случайный трамвай. Он довез тебя на окраину, ты вышел на безлюдную площадку, проводил уходящий трамвай глазами пристальными, но отнюдь не такими, с какими бедолаги, кинутые судьбой на необитаемый остров, провожают исчезающий в океане парус, отметил про себя, что трамвай изрядно потрепан, затем повернулся и побрел прочь, куда глаза глядят, явился в эту дикую местность, где обитает лишь тупоносые каменные валуны. Мне известна эта огромная, неустроенная земля с бьющимися изо всех сил людьми, – их труд подобен муравьиному, их мысли и желания, маслянисто змеясь, текут из одного русла в другое, яростно пенясь, ударяя в ороговевшие берега отчуждения и мнимого восторга, и не медля, перемальваются в каменных жерновах. Мне известны движения твоей души, человек, и по тебе, лежащему в одиночестве на сосновых иглах, скоро пронесутся волны, в коих дух великого Строителя Вселенной, и ты вознесешься, и исполнишься таинством Возрождения. Это случится. А пока еще есть время и не села окончательно заря на западе, – поговори со мной, океанской рыбой, никуда не торопящейся, да и тебе, человек, спешить некуда. Поговори. Ты ведь жил обычной жизнью подобно тысячам других горожан, и по-своему любил этот проклятый город, любил и ненавидел, как любят и ненавидят женщин, к которым мужчины привязываются сотнями невидимых нитей. Ты был неприхотлив к еде, гурманом тебя не назовешь, модой никогда всерьез не интересовался, предпочитал всегда джинсы, поскольку они не требуют особого ухода. Иначе говоря, ты самый обыкновенный человек из тысячи себе подобных, только тем, быть может, и отличался, что носил всегда в кармане огрызок карандаша или угля: чтобы при удобном случае пустить их в ход. Ты художник. Ты был неплохой художник. Но теперь ты перестал им быть, потому что, если сапожник горд от того, что сапоги, которые он скроил, кто-то носит и вспоминает добрым именем его, сапожника, то ты, художник, не явил миру своих картин, – они не успели предстать пред зрителем, и сгорели, объятые пламенем, три дня назад в Зеленом проезде вместе с деревянным сараем, оборудованным под мастерскую. Сгорели все двести сорок картин маслом на холсте. Сгорел мольберт, сгорела кушетка, сгорели письма, пластинки с джазовой музыкой, – Колтрейн, Паркер, Эдерли, Валтрус... Сгорела амбарная книга – дневниковые записи. Когда приехала пожарная машина, тушить там было уже нечего, а на следующее утро в горячей еще куче пепла детвора пекла картошку. Да ты ведь сам все видел, когда в восемь часов утра ты подъехал на грузо-

вике, с тем, чтобы картины увезти в самый центр города, к Дому художника. Ведь тебе наконец-то разрешили выставиться. Прошлую ночь ты почти не сомкнул глаз от волнения: неужели свершится то, что я так ждал все долгие пятнадцать лет! Ты закрывал глаза и представлял зал Дома художника, мысленно прикидывал, где какой картине висеть, развешивал их сообразно жанру и насыщенности цветов, ты даже представлял, как потом придут многочисленные зрители, будут переходить от одной картины к другой. Ты не спал всю ночь, а утром, едва забрезжило, побежал на улицу ловить машину. Ты поймал зеленый грузовик с высокими наращенными бортами кузова, в котором обычно перевозят крупный рогатый скот. Пожилой шофёр оказался разговорчив: «Лучшего транспорта для перевозки картин не сыскать. А это правда, что один чудак-художник писал картины ногами и заработал целое состояние?.. Ничего, ничего, доставим твои произведения в аккурат целехонькими. Приду потом со своей старухой, она любит порассуждать. Сворачивать на эту улицу?.. Где тормозить? Ты что так побледнел-то?»

Ты стоял, ошеломленный, возле кучи дымящегося пепла. Ты стоял так долго, потом перестал слышать и видеть окружающее. Ты не видел, как мальчишки, почуяв неладное, решили улизнуть, предварительно выковыряв из угля дымящиеся картофелины. Тебя окликал старый водитель, и, не добившись ответа, сунул в твой карман червонец, который ты ему дал заранее, и умчался прочь на своем грузовике. Потом ты опустил на корточки и схватился за голову.

Весь день ты бродил по городу, шагом медленным, не видя ничего вокруг, рискуя попасть под колеса автомашин, брел по огромному городу и не видел города, ты шёл краешком необъятного металлического блюдца, – его содержимое колыхалось, липло к твоим ногам, мерцало тускло и неожиданно, ярко, серебристо вспыхивало, ослепляя глаза. Когда ты однажды остановился, огромная чаша накренилась от тяжести твоего тела, содержимое вплотную подступило к шероховатым краям, накрыло их и вниз побежали, одна за другой тяжелые капли раскаленного олова; они падали тебе на грудь, вызывая нестерпимую боль; ты не выдержал и закричал, и при этом в сторону шархнул какой-то встречный человек, подозрительно косясь, обошел и исчез за углом. Ты прислонился к стене дома и стал ждать, пока чаша совсем не опрокинется и море расплавленного вещества не накроет тебя целиком. К твоему плечу прикоснулась чья-то рука, осторожно потрясла, и ты побрел дальше. Город быстро погружался в сумерки наступающего вечера. А художник, дитя огромного города, будто его слепой щенок тыкался туда-сюда, шел наугад, инстинктивно думая о некоем желании, постукивающим в душе тихим

молоточным стуком, тонущем в тупике в слабом мерцании угасающего сознания». — Океанская рыба замолкла и с некоторым укором посмотрела на художника, тот лежал с закрытыми глазами. «Надо быть снисходительным к человеку», — подумала рыба и окунула свой круглый рот в воду, зачерпнула изрядную кучу планктона, и вновь выпятила рот наружу. С длинного уса упали на землю несколько холодных капель. «Отдохни, художник, ты устал, — сказала она. — Я же не стану терять время зря, да продолжу эту нехитрую историю маленького жителя большого города. — Рыба поворачивала глазом, выискивая на земле какое-нибудь живое существо, но вокруг человека было уныло и пустынно на многие километры, и тогда рыба покосилась на город, где в тусклом мареве ярче других горели огни мачты телевизионной вышки. В глазах рыбы была досада, она уже было отчаялась найти слушателя, как вдруг заметила другого человека совсем неподалеку от художника, лежащего в яме, в каких-нибудь тридцати метрах. То был мальчик лет тринадцати, он сидел на валуне и озабоченно счищал длинную жердь перочинным ножом. — Ну, вот и хорошо, — облегченно вздохнула рыба. — Правда, мне невдомек, откуда ты взялся тут, в богом забытом уголке, устроился на камне и занят делом, как если бы у себя во дворе городского дома, и через минуту раскроется окошко, тебя позовут ужинать. Ну, да, ладно, недосуг мне рассуждать, мальчик. Так вот, три дня назад художник обнаружил на месте своей мастерской груды пепла. Он стоял, уставясь на поднимавшийся дымок, широко раскрыв глаза, не в силах поверить, что горка пепла перед ним — это все, что осталось от его творчества, и всей жизни. Мозг его и взор застилал белый туман. Сплошная, зыбкая стена тумана обступала со всех сторон, и художник шагнул сквозь неё, побрел искать свою затерявшуюся мастерскую. Он должен непременно её отыскать! Он бродил по городу весь день. Наступил вечер. Подул холодный ветер, посыпал дождь. Когда художник обогнул угол громадного трапециевидного дома, ветер бросил ему в лицо пригоршню колючей ледяной влаги. Он вышел на набережную речки. Железные ажурные перила, журчащая внизу вода, телефонная будка, все было ему знакомо. Полтора года назад художник встретил здесь Нелли. Из той телефонной будки он много раз звонил девушке. Теперь будка с выбитыми стеклами покосилась, на шнуре висела ампутированная трубка, — из ее изувеченного нутра торчали два проводочка, как тычинки на майском цветке. Сотрясая землю, подкатил трамвай, заглотил в свое чрево людей и помчался дальше, громяхая колесами о рельсы, в глубь города, с тлеющими желтыми окнами, стиснутый со всех сторон каменными домами, плыл, как свеча в руке невидимого священника, в некое тайное святилище, а может и в самую преисподнюю. И

художник пошел туда, где в клубящемся, свистящем мраке погасла свеча. Он шел по выщербленной брусчатке, правая его нога свободно гуляла в ботинке, нагнулся, зашнуровал, вытряхнул из другого ботинка камешек. Он приближался к колеблющемуся пятну, – зданию цирка, – там, в цирковом оркестре работал друг Костя, трубач и саксофонист... А не зайти ли и отыскать его? Он не скажет ему ничего, но Костя по его лицу узнает, что случилось нечто страшное, будет допытываться. Тогда он выложит все. Костя сделается тотчас хмурым, закурит, поднимет глаза, – они, эти его внимательные, глубокие глаза скажут ему: «Да, скверно, друг. Это не шутка, потерять в огне в одночасье все картины. Только, друг, почему ты притащился сюда? Почему не сгорел вместе со своими картинами?!»

Цирк, с афишами и белеющим куполом крыши остался позади художника. Он огляделся. Почему он здесь? Что ищет он среди холодного равнодушия каменных домов-идолов? Разве бы они могли помочь ему отыскать утерянные картины и мастерскую – деревянный сарай, купленный им три года назад у старика Степана Веселова, пчеловода? Если бы знал старик, что стало с его сараем, где он держал зимой улья, то от души рассмеялся бы такому достойному завершению дела, потому как его знаменитые пчелы погибли незадолго до этого, когда он, Веселов, вывез улья далеко за город, в медоносное урочище, куда обычно выезжал каждой весной, где в сезон пчелы давали до десяти фляг-бочонков меду, там-то, он не сберег своих пчел, – хватило всего лишь одного полета самолета, этого тупорылого кукурузника, сбросившего ядовитое облако вовсе не там, где надо, и все пчелы до единой враз сдохли. И тот, сидящий внутри летающей машины, летчик, разве не видел он того поля за холмом, кишевшее паразитами? Деревянный опустевший сарай бередил душу пчеловоду, он охотно расстался с ним, продав художнику. Это было так давно, тысяча восемьдесят с лишним дней назад.

Он продолжал брести по ночному городу, иногда останавливался, чтобы определить, где находится. Толпа людей обходила его с тем проворством, с каким горная река обходит порожистый камень. Художник озирался, по его высокой сутулой фигуре мазали светом фонарей плывущие друг за другом автомобили. Вместе с урчанием двигателей, разномастными звуками клаксонов, в уши художнику ударяли говор, обрывки фраз, смех и стук каблучков спешащих людей. А однажды возле какого-то кафе отделился от толпы женский хрупкий силуэт, двинулся к нему, но художник не удосужился обернуться, он не желал ничьих лиц, глаз, рук, губ. А через мгновение все потерялось и смешалось, пред глазами художника колебался иной уже поток теней и света, и мысли, тревожащие его секундой раньше, улетели, забылись напрочь, канули в пустоту, и он уже

был не в силах их восстановить, мозг его окутывала следующая волна холодного отчуждения....

...Мужчина лежал теперь с открытыми глазами. Поглощенная своим рассказом, рыба не заметила этого. А мальчик неподалеку, сидящий на камне, все продолжал усердствовать перочинным ножом, счищая с палки лишние наросты сучков. «Ну, вот, – сказала рыба с высоты неба. – Малыш, что бы тебе такое оставить на память. – И задумалась. Задумчиво повисал её мудрый ус под нижней губой. А в следующее мгновение сверкнул янтарный насыщенный блеск в рыбьем глазу, – на нем прожилки ало выступили, точно горящие в темноте спирали электрической плитки. На рыбу снизошло озарение. – Вот что, – сказала Вселенская рыба. – Я тебе, малыш, оставлю свой зуб. Старый, как мир, единственный уцелевший в моей пасти. Оставлю тебе, так и быть. Ты повесишь его себе на шею. Постой-ка. Что из этого выйдет? Ха-ха-ха! Ведь мой зуб по размеру превысит тебя в тысячу раз. Представляешь? У муравья на шее висит гора. Ха-ха! Вот так насмешила. Гм. А вот что мы сделаем. Я его тебе, все-таки, оставлю, зуб. Воткну в землю там, у тех дальних кустов, и ты, малыш, потом иногда будешь взбираться на него, и с вершины обозревать пустыню моря, а душа моя при этом обретет спокойствие и умиротворение. Да, именно так я поступлю, оставлю зуб в насмешку этой убогой дикой местности возвышаться белым осколком кораблекрушения, маяком всех заблудших и отверженных душ, пока ветер, солнце и дожди не сотрут его в порошок. Я оставлю. Я сделаю это нынче, тотчас с последними лучами угасающей зари. А пока у нас еще есть время...».

Г.С. Умарова

ҚАЗАҚ СӨЗ ӨНЕРІ
КАЗАХСКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

II бөлім

ISBN 978-601-281-264-0 (2 бөлім)

ISBN 978-601-281-263-3 (жалпы)

Компьютерде беттеген және мұқаба дизайнін жасаған – Любовицкая Ольга

Басуға 2018 жылы қол қойылды.
Форматы 60x84 1/16. Көлемі 13,5 баспа табақ.
Times гарнитурасы. Офсеттік басылым.
Тапсырыс № _____. Тиражы – 500 дана.

«Бастау» баспасы
Мемлекеттік лицензия – № 0000036
ҚР Білім және ғылым министрлігі.
ҚР Ұлттық мемлекеттік кітап палатасының
халықаралық код беру туралы №155 –
978-601-281 сертификаты.
Қазақстан Республикасы Ұлттық бизнес-рейтингінің
«Лидер отрасли – 2015» ұлттық сертификаты.
Алматы қаласы, Сейфуллин даңғылы, 458/460-95.
Тел.: 279 49 53, 279 97 32.

«Полиграфсервис» баспаханасында басылды (тел.: 233 32 53).
Алматы қаласы, 050050, Зеленая көшесі, 13-а.

